

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 1 (13)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2014**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 1 (13)

**Published since 2008
Quarterly**

**Moscow
2014**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

Рябов В.В.

заместитель председателя

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

Агранат Д.Л.

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации
президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО
первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО
проректор по учебной работе,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В.

главный редактор

Викулова Л.Г.

заместитель главного редактора

Аликаев Р.С.

доктор педагогических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
доктор филологических наук, профессор
(Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова)

Афанасьева О.В.

доктор филологических наук, профессор

Барышников Н.В.

доктор педагогических наук, профессор
(Пятигорский государственный лингвистический университет)
кандидат филологических наук, доцент

Вострикова О.В.

секретарь

Дубинин С.И.

доктор филологических наук, профессор
(Самарский государственный университет)

Киров Е.Ф.

доктор филологических наук, профессор

Костева В.М.

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Курдюмов В.А.

доктор филологических наук, профессор

Радченко О.А.

доктор филологических наук, профессор
(Московский государственный лингвистический университет)

Рыжова Л.П.

доктор филологических наук, доцент

Савицкий В.М.

доктор филологических наук, профессор
(Поволжская социально-гуманитарная академия)

Собянина В.А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О.А.

доктор филологических наук, профессор

Тарева Е.Г.

доктор педагогических наук, профессор

Чупрына О.Г.

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н.В.

доктор педагогических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Тимашева О.В.* Особенности современной пикарески 8
- Цветкова А.Н.* Функционирование художественной детали
в структуре образа (на материале английской народной сказки)..... 14

Германская филология

- Иванова Ю.Е.* Реализация стратегии манипуляции в англоязычной
бизнес-презентации 19
- Костромин А.Б.* Сравнительная сочетаемость в этимологическом
аспекте 26

Романская филология

- Латина В.Е.* Взаимодействие итальянского языка и общества:
к проблеме языковой вариативности 31

Теория языка

- Курдюмов В.А.* Морфологический уровень китайского языка
как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции
частицы 37
- Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* Понятие «библейский язык»
как переводческая проблема 47
- Костева В.М.* Лингвистические исследования в тоталитарных
государствах 54

Языковое образование. Межкультурная коммуникация

- Гончарова В.А.* Метакультура в контексте целей современного
иноязычного образования 61

Трибуна молодых учёных

- Будник А.С.* Видео как аудиовизуальное средство обучения
иностранным языкам 69
- Лучина Е.В.* Компетентностно-парадигмальный взгляд
на компенсаторную способность как объект овладения
в языковом вузе 74

<i>Мурашева Е.С.</i> Языковой портфель как средство формирования субъектности младшего школьника	79
<i>Мухина Н.Н.</i> Аксиологический потенциал пословиц и поговорок в английском и русском языках	84
<i>Сафроненкова Е.Л.</i> Английский научный текст как культурно-специфический феномен (на материале английской научной коммуникации)	89
<i>Степанова А.А.</i> Характерные особенности англоязычного культурного медиадискурса	94
<i>Холодова Д.Д.</i> Почему на самом деле можно сказать <i>have a drink</i> и нельзя сказать <i>*have an eat</i>	100
<i>Шугаева Е.А.</i> Прагматические характеристики косвенных речевых актов предостережения во французском языке	105

Наши зарубежные коллеги

<i>Шевченко И.С.</i> Концепты коммуникативного поведения в когнитивно-дискурсивной парадигме	110
<i>Мюллер К.С.</i> Антисемитизм в немецком языке (на материале школьных учебников истории 1933–1989 гг.)	121

Наши юбиляры

Поздравляем с юбилеем Наталью Витальевну Языкову!	126
---	-----

Научная жизнь

<i>Стрижак У.П., Федянина В.А.</i> Взгляд на Дальний Восток: особенности мировидения и толкования культур в рамках современной ориенталистики	127
<i>Михайлова С.В.</i> Десятый конгресс Международного общества прикладной психолингвистики (ISAPL)	129

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование», 2014, № 1 (13)	132
--	-----

Требования к оформлению статей	138
---	-----

CONTENTS

Literary Studies

- Timasheva O.V.* Peculiarities of the Modern Picaresque Novel..... 8
- Tsvetkova A.N.* The Function of an Imagery Detail within a Single Image Unit (in an English Fairy Tale) 14

Germanic Linguistics

- Ivanova Yu.E.* Realization of Linguistic Manipulation in the English Business Presentation 19
- Kostromin A.B.* Etymological Aspect of Comparative Combinability 26

Roman Linguistics

- Lapina V.E.* Interaction of the Italian Language and Society: The Problem of Linguistic Variation 31

Linguistics

- Kurdyumov V.A.* The Morphological Level in Chinese: The Essence and Use of Particle Position 37
- Khukhuni G.T., Osipova A.A.* The Notion of the Biblical Language as a Problem of Translation 47
- Kosteva V.M.* Linguistic Researches in the Totalitarian States 54

Language Teaching Methodology. Cross-cultural Communication

- Goncharova V.A.* Metaculture as the Goal Priority of Foreign Language Education 61

Young Scientists' Platform

- Budnik A.S.* Video as Audiovisual Means in Foreign Language Teaching..... 69
- Luchina E.V.* Competence-paradigmatic View of Compensatory Ability as an Object of Mastering in the Language University 74

<i>Murasheva E.S.</i> The Language Portfolio as Means of Junior Pupil's Subjectivity Formation	79
<i>Mukhina N.N.</i> The Axiological Potential of English and Russian Proverbs and Sayings.....	84
<i>Safronenkova E.L.</i> Scientific Text as a Culturally Specific Phenomenon (Based on English Scientific Texts).....	89
<i>Stepanova A.A.</i> English Cultural Media Discourse: Specific Features.....	94
<i>Kholodova D.D.</i> Why in Fact You Can <i>Have a Drink</i> when You Can't * <i>Have an Eat</i>	100
<i>Shugaeva E.A.</i> Pragmatic Distinctiveness of Indirect Speech Acts of Warning in the French Language	105

Our Colleagues from Abroad

<i>Shevchenko I.S.</i> Concepts of Communicative Behavior in Cognitive-Discursive Paradigm.....	110
<i>Müller Ch.S.</i> Anti-Semitism in the German Language (on the Material of Textbooks on History, 1933–1989)	121

Our Jubilees

Congratulations to prof. N.V. Yazykova on the anniversary	126
---	-----

Scholarly Events

<i>Strizhak U.P., Fedyanina V.A.</i> Looking Far East: Peculiarities of Worldview and Culture Interpretation within the Modern Oriental Studies	127
<i>Mikhailova S.V.</i> The 10 th Congress of International Society of Applied Psycholinguistics	129

«MCTTU Vestnik». Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education» / Authors, 2014, № 1 (13)	132
--	-----

Style Sheet.....	138
------------------	-----

О.В. Тимашева

Особенности современной пикарески

Статья рассматривает изменения, которые произошли в современном жанре плутовского романа (пикареске). На примере анализа текстов романов писателей XX века Грэма Грина «Путешествия с тётушкой» (1969) и Марио Варгаса Льосы «Тётушка Хулия и писака» (1973) говорится о реутилизации жанра, протеистичности героев и сути нарративной интриги.

This article presents changes, which have taken place within the genre of the picaresque novel. In terms of novel text analysis of the 20th century writers — Graham Greene's «Travels with my Aunt» (1969) and Mario Vargas Llosa's «Aunt Julia and the Scriptwriter» (1973) — the article refers to reutilization of the genre, proteism of characters and the essence of narrative suspense.

Ключевые слова: плутовской роман; жанр; протеистичность; наррация; процессуальность.

Keywords: picaresque novel; genre; proteism; narration; processuality.

Отталкиваясь от романа «Ласарильо из Тормеса» (начало 1550-х гг.), можно говорить о столь живучем и мало изменившемся жанре, как пикареска (от *исп.* *picaño* — пройдоха, ловкач), то есть о повествовании, в котором отражаются похождения героя-плута. К текстам такого рода относится множество произведений мировой литературы и даже фольклора. Как указывают Г. Гачев и С. Пискунова, арабские макамы (аналоги христианской Лествицы) и немецкие народные повести о Тиле Уленшпигеле (включая бельгийский франкоязычный вариант Шарля де Костера), диалогия об Остапе Бендере Ильфа и Петрова — всё это произведения, написанные в жанре плутовского романа. По мере развёртывания сюжета читатель наблюдает историю воспитания или, точнее сказать, этапы «антивоспитания» героя-пикаро, в результате прохождения которых иногда рождается новый человек. Так или иначе герой приравнивается к иным для него поведенческим шаблонам общества, которое его породило и с которым он связан.

Если в XIX веке, «золотом веке» пикарески, наблюдается наглядное опровержение ренессансной идеологии человеческой природы — моральное падение персонажа, то в XX веке в романах, о которых пойдёт речь, — «Путешествия с тётушкой» Грэма Грина [3] и «Тётушка Хулия и писака» Марио

Варгаса Льосы [4], герои вновь возрождаются. Становясь плутами, они совершенствуют своё я. Их личность раскрывается с лучшей стороны, и в какой-то степени они становятся примером для подражания.

Повествовательная структура пикарески XX века в целом остаётся прежней. Вот её характерные черты: речь ведётся от первого лица. Я есть пикаро-повествователь, но в романе может быть также пикаро — действующее лицо, и где-то вдруг замечен ещё и автор, писатель собственной персоной. Каждый обладает самостоятельной точкой зрения. Сюжет пикарески разворачивается как серия эпизодов походов героя, особенно интересная, когда герой реально путешествует. Характерной чертой пикаро считается его протейичность (способность персонажа менять свой внутренний облик). Пикаро как рассказчик, выступая во многих обликах, делает романы несколько запутанными, однако заставляющими задуматься.

В анализируемых книгах Г. Грина и М.В. Льосы, при всей их более чем заметной принадлежности к старинной форме, всё же есть и немало отступлений от эталонов жанра, и присущая только им национальная специфика. Впрочем, обе книги сохраняют способность вскрывать общественные пороки и демонстрировать с иронией разные оттенки ханжества.

Роман Грэма Грина «Путешествия с тётушкой» — типичный образец жанра пикарески, который освоил Грэм Грин, поклонник испанской культуры, и в частности Сервантеса.

По мнению французского автора, писавшего о жанрах, Жана-Мари Шеффера, не бывает общих правил «реутилизации старых жанров, и никогда не известно, как они будут действовать в новом историческом контексте» [8: с. 138]. Заимствование «угасших» признаков в новом, отличном от прежнего контексте не может привести ни к чему, кроме поддержания прежней идентичности или же невольного пастиша. «Любая текстуальная традиция дискретна, а значит, в промежутки времени между двумя текстами, обозначаемыми одним жанровым именем, данный жанр всегда является виртуально угасшим» [8: с. 137], — пишет он. Однако это не означает его истинной смерти, жанр может трансформироваться и начать жить новой жизнью.

Герой «Путешествий с тётушкой» мистер Генри Пуллиган — средний по достатку англичанин на пенсии, имевший в недавнем прошлом неплохой заработок в банке. В начале романа он выращивает цветы возле своего домика. На этот момент это единственный смысл его жизни.

Встретившись на похоронах матери с её сестрой, то есть со своей тётушкой, которую он едва может вспомнить, Генри погружается в новое для него существование (оказывается, оно возможно), в новые, быстро сменяющиеся, как звёздочки в калейдоскопе, яркие обстоятельства, абсолютно незнакомые герою. Сюжетобразующее начало этого романа — невозможность возврата в прежнее время-препровождение законопослушного, благонамеренного англичанина.

После встречи с престарелой родственницей, путанные рассказы из жизни которой всё дальше уводят Генри от его скромного садика с георгинами разных сортов, мир раскрывается ему с другой стороны. Здесь нет больше тех правил, установлений и законов, которые были для него важны, но зато, как выяснилось,

есть много такого, что прежде могло ему (или скорее автору повествования) встретиться только на страницах приключенческих романов разных времен и народов. Это — высокого полета международные преступники; текущие рекой большие деньги и золото в слитках для организации революционных переворотов; незаконные сделки, пересечения границ, чемоданы с валютой; генералы и полковники в штатском, которые особенно впечатляюще выглядят на Востоке; дорогие отели, бордели, гей-кафе, травка и другие виды наркотиков, их временное и постоянное воздействие, неверные, но очень богатые любовники, удачливые и неудачливые любовницы. Словом, всё то, что любит современное кино, а значит, и зритель, подобный скромному пенсионеру Генри, обрабатывающему свой любимый садик.

Грин — большой любитель испанской и латиноамериканской прозы. Его всегда завораживал Сервантес, он мысленно полемизировал с ним и часто использовал его расстановку сил на доске своего времени, ощущая и себя, как автора, и своих героев рыцарями печального образа (роман «Монсиньор Кихот»). В авантюре, или, говоря по-современному, в детективе, нас завораживает сам *процесс поиска неизвестного* и вообще *процессуальность* всего вокруг происходящего. Пусть всё так и длится дальше, отвлекая нас от собственной скромной жизни.

Тётушка Генри по имени Августа — плутовка и мошенница с неуёмной, на зависть скучным и усталым современникам, жаждой жизни, много путешествует. Далёкие страны манят её. Перед сном в любом отеле она обычно открывает детектив. Отец всегда заставлял её читать Вальтера Скотта, говорит она, особенно «Роб Роя», но она предпочитала Скотту детективы: «Действие здесь развивается быстрее, и описаний куда меньше» [1: р. 431]. Погружаясь в атмосферу Стамбула, она читает перед сном роман «Турецкие улады», на обложке которого изображен человек в феске с неприятным лицом. «Его зовут полковник Хаким», — произносит она, и в этот момент (*deus ex machina*) в номер входит реальный полковник Хаким. Жизнь и авантурный текст, оказывается, не менее связаны, чем текст Библии и жизнь человеческая, убеждена героиня.

Размышления о литературе — характерная черта пикарески Грэма Грина. Вставные новеллы *здесь* — это рассказы тётушки о своих любовниках, но любая её история имеет как фон классическую книгу или роман. В повествовании своём Грин отталкивается от беллетристики, но пишет высокую классику в жанре пикарески. Молодого любовника-негра тётушки Августы зовут Вордсворт. Его имя обыгрывается на многих страницах романа. «Колоссально, вы знаете Вордсворта?» — говорит одна, немного странная, девушка с филологического факультета.

Если попытаться вникнуть, почему автор даёт имя Вордсворт весьма невежественному персонажу, комивояжёру, перевозящему наркотики, то следует обратить внимание на то, что по своим человеческим качествам это очень добрый и преданный тётке Августе человек. Английский поэт-романтик Вордсворт (1770–1850) воспевал радость погружения в идиллический мир простых радостей, в наивную красоту. Появление в Европе детей природы — негров — должно, по-видимому, с точки зрения автора, восприниматься тоже как современный романтизм, необходимая для англичан живая отсылка в прошлое. К современной цивилизации почтения мало.

Грин вспоминает и цитирует стихотворение ирландского поэта Френсиса Сильвестра Маэни (1804–1896) «Колокола Шендона»: («Звонят в Москве колокола...» [1: с. 432], вспоминает не слишком известного в современной России, но упоминаемого в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона английского писателя Чарльза Рида (1814–1884), перечитывает в «Золотой сокровищнице», изданной Палгрейвом, Альфреда Теннисона (1809–1892) и Роберта Браунинга (1812–1889). Именно знаменитые строчки последнего поэта-драматурга из пьесы «Пиппа проходит мимо» («Pippa passes»)¹ стали заключительными для романа «Путешествия с тётушкой»: *God's in his heaven // All's right with the world (Бог на небе // всё прекрасно на земле)* [1: с. 552].

Герой романа, сделав открытие, что тётушка Августа — его настоящая мать, убеждается, что преданность какому-то индивидууму включает в себя также преданность всем человеческим недостаткам, даже тяге к противозаконным действиям, которые не были чужды Августе.

Интересно, что в фильме «Путешествия с тётушкой», снятом в США по этому роману, сценаристы Голливуда Джей Прессон Аллен и Хью Вилер (при участии Грина) последним кадром картины сделали монетку, подброшенную в воздух, мелькающую то орлом, то решёткой, но так и остающуюся в воздухе. Таковы и мысли Грина о будущем его центрального персонажа.

По строгим меркам роман Марио Варгаса Льосы «Тётушка Хулия и писака» не роман-путешествие. Его жанр можно было бы представить как автобиографическое повествование о молодости автора, достоверное и, по общему признанию критиков, «вызывающе нескромное». Молодого героя зовут так же, как автора, Марио Варгитас, а героиню, как первую жену Льосы, — Хулия Ильясес.

Герои книги с большой разницей в возрасте — ему восемнадцать, ей за тридцать — решаются на законный брак, но на этом пути у них встаёт столько препятствий, что рассказ об их преодолении превращается в настоящую пикареску, имевшую место в жизни самого Марио Варгаса Льосы. Об этом он говорил, не стесняясь, даже за границами романного текста.

Как и положено в жанре пикарески, повествование в романе ведётся от первого лица, от лица правдивого писателя, смело обнажающего своё если не антивоспитание, то антиповедение. Во-первых, он рассказывает о «порочных отношениях» с немолодой особой, состоящей с ним в свойстве, что не приносит герою славы в глазах общества и близких родственников. Во-вторых, он показывает, как отыскать слабые места в законодательстве о браке и преодолеть их с помощью знания человеческих слабостей. И, наконец, он обманывает отца и мать, не ожидавших столь дерзкого поступка от своего несовершеннолетнего отпрыска: ему ведь нет двадцати одного года. Для Варгитаса ещё в ранней юности были притягательными слова «Париж» и «мансарда», и то, о чём мечтал, он осуществил: поселился с тётушкой Хулией в Париже, занялся литературной работой и стал знаменитым писателем.

¹ Браунинг и его пьеса нравились также Н. Гумилёву, осуществившему в том числе и перевод процитированного в романе стихотворения: «Год у весны // у утра день, // а утр ведь семь // ...Бог в своих небесах, // и в порядке мир!»

Вся эта история могла бы в наши дни показаться даже банальной, если бы не сложная композиция романа. В нечётных главах речь идёт о Варгитасе и Хулии, в чётных мы читаем разнообразные, полные то устрашающих, то вызывающих слёзы деталей, неоконченные новеллы или задумки совсем новых сценариев радиопостановок, написанных якобы неким Педро Камачо.

Но кто этот Педро Камачо, которому так завидует в ходе повествования Варгитас-герой, постепенно узнающий о подробностях жизни этого выдуманного драмодела? Его слов ждут, его реплики повторяют многие слушатели «Радио Панамерикана». От тучи персонажей, от сочинения и разработки их судеб, надо полагать, Педро Камачо сходит с ума и попадает в дом умалишённых. Многие думают, что он богат, а он беден как церковная мышь, и в обычной жизни мало интересен. Он весь в себе, постоянно что-то бормочет, сочиняет на ходу, и концы с концами в его увлекательных историях не всегда сходятся.

В последней главе, где М.В. Льоса более всего близок к событиям своей жизни, он напрямую сравнивает себя с Педро Камачо. Называя Педро писакой, а не писателем, он вовсе не хочет унижить его, а как будто только ищет причину его популярности, отражающейся в его прозвище — писака (*escribidor*). А жив он как автор за счёт рассказов самых простых людей — посыльных, швейцаров, посудомоек, горничных и всех других нормальных людей, способных ещё испытывать обыкновенные человеческие эмоции.

Льоса беззастенчиво и бесконечно рассказывает от имени Педро Камачо разнообразные истории, любимые радиослушателями, и тут же, в другой главе, как бы проверяет их воздействие на слушателей, своих героев, на себя молодого, то есть Варгитаса, и свою музу — тётушку Хулию. У влюблённых, хотя бы они того или нет, вырабатываются определённые чувства, преломлённые затем в мелодраматическом ключе, их привычки и желания описываются автором тоже в духе Камачо.

Роман о браке с тётушкой Хулией мы называем пикареской, поскольку в нём есть ловко выплывающий из трудной ситуации герой Варгитас, видящий себя со стороны в образе удачливого сценариста Дона Камачо. Льоса буквально удваивает своё изображение. Его герой протестичен. Он преодолевает препятствия, примеряя к себе различные роли, которые делают его, в конце концов, не просто романтически настроенным писакой, но великим писателем. Так много знаний и умений героя несёт в себе этот текст.

Многочисленные повествования в романе сливаются в единый поток, нарративную, представляющую собой материал для анализа повествовательного дискурса. Оставим дискурс в стороне. Но подчеркнём, что для нарратива здесь характерна интрига. Суть нарративной интриги, по Жерару Женнетту, не в интриганстве персонажей, а в интригуемости читателя и слушателя, в их способности отслеживать историю. «Интрига нарративного высказывания состоит в напряжённости событийного ряда, инициирующей некие рецептивные установки и предполагающей удовлетворение ожиданий, порождаемых динамизмом произведения», — пишет он [5: с. 85].

Динамизм в «Тётушке Хулии и писаке» создают не только поиски места свиданий, попытки спрятаться от соглядатаев, поиски алькальда, согласного подпи-

сать брачное свидетельство, но также цепочка вставных незаконченных историй, взятая как приём из ренессансной литературы. Картина мира, созданная Льюсой, воспринимается с тем большим настроением и высвобождением эмоций, чем с меньшей назидательностью рассуждает автор. Обратив внимание на то, что рассказывается, кто рассказывает и кому рассказывает, мы можем сделать заключение, что «рассказчик всегда идентичен своим рассказам», а это, по мнению О. Фрейденберг, формирует у читателя особую культурную память, как событийно-историческое видение и понимание жизни [7: с. 166].

Библиографический список

Источники

1. *Грин Г.* Комедианты. Путешествия с тётушкой: Романы / Г. Грин; пер. с англ. Е. Гольшевой, Б. Изакова. – М.: ИЦ «Терра», 1997. – 557 с.
2. *Льюса М.В.* Тётушка Хулия и капитан Панталеон / М.В. Льюса; пер. с исп. Л. Новиковой, Л. Синянской. – СПб.: Амфора, 2000. – 627 с.
3. *Green G.* Travels with my aunt / G. Green. – London: The Bodley Head, 1969. – 319 p.
4. *Llosa M.V.* La Tia Julia y el escribidor / M.V. Llosa. – Lima – Barcelona: Edition Seix-Barral, 1978. – 334 p.

Литература

5. *Женетт Ж.* Фигуры: в 2-х тт. / Ж. Женетт; пер. с фр. Е. Васильевой. – Т. 1. – М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – 469 с.
6. *Тюпа В.И.* Дискурс / жанр / В.И. Тюпа. – М.: Интрада, 2013. – 211 с.
7. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
8. *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр / Ж.-М. Шеффер; пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: URSS, 2010. – 190 с.

References

Istochniki

1. *Grin G.* Komedianty'. Puteshestviya s tyotushkoj: Romany' / G. Grin; per. s angl. E. Goly'shevoj, B. Izakova. – M.: ICz «Terra», 1997. – 557 s.
2. *L'osa M.V.* Tyotushka Xuliya i kapitan Pantaleon / M.V. L'osa; per. s isp. L. Novikovej, L. Sinyanskoj. – SPb.: Amfora, 2000. – 627 s.
3. *Green G.* Travels with my aunt / G. Green. – London: The Bodley Head, 1969. – 319 p.
4. *Llosa M.V.* La Tia Julia y el escribidor / M.V. Llosa. – Lima – Barcelona: Edition Seix-Barral, 1978. – 334 p.

Literatura

5. *Zhenett Zh.* Figury': v 2-x tt. / Zh. Zhenett; per. s fr. E. Vasil'evoj. – T. 1. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovyx, 1998. – 469 s.
6. *Tyupa V.I.* Diskurs / zhanr / V.I. Tyupa. – M.: Intrada, 2013. – 211 s.
7. *Frejdenberg O.M.* Poe'tika syuzheta i zhanra / O.M. Frejdenberg. – M.: Labirint, 1997. – 448 s.
8. *Sheffer Zh.-M.* Chto takoe literaturny'j zhanr / Zh.-M. Sheffer; per. s fr. i poslesl. S.N. Zenkina. – M.: URSS, 2010. – 190 s.

А.Н. Цветкова

Функционирование художественной детали в структуре образа (на материале английской народной сказки)

Художественная деталь часто определяется как маркер выразительности образа. Основные признаки художественной детали — её краткость, языковая лаконичность, ёмкость передаваемого значения. Текст народной сказки как особенного художественного жанра отличает повышенная частотность художественной детали. В иерархии образа художественная деталь как элемент максимально эксплицитно воплощает языковые особенности реализации структуры образа. Наибольшая экспрессивность подобной образной структуры достигается при помощи механизма лингвистического контраста.

An imagery detail is often described as the highlight of an image expressiveness. The basic features of an imagery detail are its briefness, linguistic laconism, the ability to accumulate the meanings of the context. The text of an English fairy tale as a specific literary genre is notable for excessive usage of an imagery detail. In the structure of an image an imagery detail stands for the element that absolutely explicitly marks the linguistic means of an image structure. The utmost expressiveness of such a single image unit is achieved by means of context, linguistically arranged by contrast.

Ключевые слова: художественная деталь; контраст; сказка; образ.

Keywords: imagery detail; contrast; fairy tale; image.

Подробному изучению роли художественной детали в тексте и её функционированию в образном строе текста посвящены работы Р.Д. Цивина (1970), Е.С. Добина (1981), И.А. Щировой (2003) и ряда других исследователей. Термин *художественная деталь*, как и штрих, линия, подробность, используется для обозначения наименьшей единицы предметного художественного мира [5: с. 6]. Соотношение художественной детали и образа как части и целого позволяют определить главным отграничивающим признаком художественной детали её краткость и значимость. Деталь характеризуется многими исследователями как маркер выразительности образа, повышающий его экспрессивность в целом. Концентрированное раскрытие примечательного способствует эмоциональному «вхождению» читателя в текст, побуждая его к активному восприятию образных связей текста [6: с. 249; 7: с. 12]. То есть художественная деталь, будучи частью художественного образа, обладает способностью нести за собой имплицированное значение, выводимое из контекста читателем.

Характерной чертой сказочного текста является особая иносказательность, или намеренное создание подтекста, отражающего идейное содержание сказки. Образ в сказке представлен в лаконичной языковой форме, концентрированно выражающей значимые элементы его структуры. Такая

концентрированность языковых средств зачастую позволяет художественной детали воплощаться максимально эксплицитно по сравнению с другими значимыми элементами структуры образа. Функционирование художественной детали в образном строе текста позволяет говорить о двух особенностях её языкового воплощения: эксплицировании минимумом языковых средств и способности имплицировать максимум значений.

На современном этапе развития лингвистики существует ряд классификаций художественной детали, что соответствует её многогранной и сложной сущности. Рассматривая особенности формирования языковыми средствами значения контраста в тексте, целесообразно опираться на такую классификацию художественной детали, в основе которой лежит её способность стимулировать порождение дополнительных смыслов. Согласно вышеуказанным признакам, И.А. Щирова предлагает делить детали художественного текста на констатирующие и имплицированные [7].

Констатирующие детали могут быть эмоционально окрашенными и эмоционально нейтральными. Эмоционально окрашенные детали отражают отношение автора к описываемым событиям, воплощаясь в тексте: 1) в реализации основного значения лексических единиц, эмоциональность и оценочность которых входит в состав их денотативных компонентов; 2) в актуализации узуальных коннотаций стилистически окрашенных лексических единиц; 3) в изменении семантической структуры стилистически нейтральных единиц путем внесения в неё окказиональных коннотаций, порождаемых комбинацией слов на уровне словосочетания, формирующего деталь в художественном тексте. Эмоционально нейтральные детали отражают те черты образа, которые придают ему достоверность и мотивированность, в тексте их отражают лексемы, реализующие свои основные узуальные значения.

Примером, отражающим функционирование эмоционально окрашенной детали в создании образа персонажа, может послужить следующий отрывок:

«In the midst of all his glory, his queen died, leaving behind her an only daughter, about fifteen years of age, who for her beauty and kindness was the wonder of all that knew her. But the king, hearing of a lady who had likewise an only daughter, had a mind to marry her for the sake of her riches, though she was old, ugly, hook-nosed, and hump-backed. Her daughter was a yellow dowdy, full of envy and ill-nature; and, in short, was much of the same mould as her mother» (“*The Three Heads of the Well*”) [1: p. 232].

Детали внешности и характера, представленные лексическими единицами в их основном, узуальном значении, несут общую информацию о персонажах и оценочные характеристики, заложенные в денотативном значении лексических единиц. Словосочетания *«her beauty and kindness»*, *«old, ugly, hook-nosed, hump-backed»*, *«a yellow dowdy»*, *«mould»* позволяют читателю визуализировать образы персонажей, представив основные особенности внешнего вида. Номинативное содержание диктемы [2: с. 64] распределяется на два противоположных центра — положительные и отрицательные характеристики, соположенные в единой событийной ситуации, что отражается в предикативном содержании диктемы. Пропозитивная номинация предложений приобретает семантику контраста, который

усиливается благодаря реализации коннотативных значений в стилистической функции диктемы. Так, сравнение «*mould as her mother*» подводит итог в описании дочери будущей королевы, противопоставляя двух дочерей не только во внешнем описании, но и в психологическом портрете. Маркерами контраста являются также особенности синтаксической структуры диктемы, где союз «*but*» отражает противительную синтаксическую связь, разграничивающую пространство диктемы на описания двух образов — положительной и отрицательной героинь.

Эмоционально окрашенная деталь может также отражать эволюцию образа в сюжете, прибавляя персонажу некие характеристики и воплощая динамику повествования. Так происходит в следующей диктеме, тематически отражающей награду положительного персонажа за прохождение испытаний:

«*The first said: "I weird her to be so beautiful that she charm the most powerful prince in the world."*»

The second said: "I weird her such a sweet voice as shall far exceed the nightingale."»

The third said: "My gift shall be none of the least, as she is a king's daughter; I'll weird her so fortunate that she shall become queen to the greatest prince that reigns"» («*The three Heads of the Well*») [1: p. 234–235].

Эмоциональная насыщенность деталей возрастает за счёт стилистически окрашенных сравнений, расположенных в параллельных синтаксических конструкциях. Контраст этого образа по отношению к образу второй дочери, не прошедшей испытание, создаётся языковыми средствами дистантно, в рамках макрокомпозиции текста.

Одна из специфических черт сказки как жанра, представляющего собой короткую историю с приключением и волшебной историей в сюжете, — реалистичное отображение нереальных событий. Достоверность создаётся при помощи тех характеристик образа, которые придают ему вполне прогнозируемые черты описываемых событий. Эмоционально нейтральная деталь констатирует необходимый признак, максимально сближающий реализм и фантастичность художественного пространства текста. Художественной деталью, придающей достоверность образу великана, является описание его роста и обхвата талии с помощью реальных чисел, воплощённых числительными в составе словосочетаний: «*In those days the Mount of Cornwall was kept by a huge giant named Cormoran. He was eighteen feet in height and about three yards round the waist, of fierce and grim countenance, the terror of all the neighbouring towns and villages*» («*Jack the Giant Killer*») [1: p. 102].

Существование великанов не ставится под сомнение и доказывается при помощи вполне реалистичного описания, подкреплённого объективными характеристиками, отражёнными в мерах длины. Реальное и нереальное в сказке тесно переплетены, их соотношение выдвигается на первый план при помощи особой организации языковых единиц, формирующих текстовое пространство в контрастном противопоставлении, привлекающем читателя своей выразительностью.

Имплицитные детали И.А. Щирова делит на эмоционально-сущностные и эмоциональные символы. Функциональность таких деталей заключена в создании

глубинной смысловой перспективы образа. Эмоционально-сущностные детали предполагают реализацию многозначности формирующих их лексем, а эмоциональные символы — возникновение окказиональных символических значений.

Эмоционально-сущностные детали позволяют отразить те основные черты образа, которые играют важную роль в развитии действия. Упоминание эмоционально-сущностной черты в тексте приводит к порождению в представлении читателя ассоциативного ряда других характеристик, создающих целостный образ. Особый интерес вызывает пример, основанный на многократной повторяемости художественной детали.

«This made the teeny-tiny woman a teeny-tiny more frightened, so she hid her teeny-tiny head a teeny-tiny further under the teeny-tiny clothes. And when the teeny-tiny woman had been to sleep again a teeny-tiny time, the teeny-tiny voice from the teeny-tiny cupboard said again a teeny-tiny louder, Give me my bone!»

And this teeny-tiny woman was a teeny-tiny bit more frightened, but she put her teeny-tiny head out of the teeny-tiny clothes, and said in her loudest teeny-tiny voice, TAKE IT! » (“Teeny-tiny”) [1: p. 59].

Словосочетание «*teeny-tiny*» составляет основу многократного лексического повтора, относящегося в тексте к описанию всех параметров внешнего вида персонажа и предметов, характеризующих его быт. Известно, что многократный повтор характерен для устного народного творчества как основа ритмической организации текста, нередко создающей эффект монотонности изложения и замедления динамики повествования. Рассматриваемое словосочетание является также синонимичным повтором, где пара синонимичных определений позволяет не только детализировать описания характеризуемых предметов, но и имплицитно усиливает качественное проявление признака. Кроме того, повтор синонимов часто используется для достижения комического эффекта, организуемого подтекстом. В данном случае синонимический повтор, усиливая значение имплицитной детали, придаёт ей эмоциональную окраску, подчёркивая минимальный объём всего пространства, окружающего персонажа, как его характерную черту.

Многократный лексический повтор на протяжении всего текста создаёт эффект нарастания напряжения, которое результирует в эффекте обманутого ожидания. Он достигается благодаря реализации противопоставления, маркированного в паре разнонаправленных глаголов «*give – take*», расположенных в эквивалентных структурных позициях в двух соположенных диктемах. Параллельное синтаксическое расположение элементов стилистической градации, выраженной словосочетаниями «*teeny-tiny more frightened*» / «*teeny-tiny bit more frightened*», с добавлением усилительного существительного во втором случае, и «*a teeny-tiny louder*» / «*in her loudest*» с появлением прилагательного в превосходной степени сравнения, усиливает стилистический эффект фигуры речи. Лексическое противопоставление в рамках номинативной функции диктемы усилено также предложными сочетаниями с существительными — «*further under*» / «*out of the teeny-tiny clothes*», также означающими разнонаправленность действий персонажа, составляющих кульминацию сюжета.

Художественная деталь как элемент в структуре образа отличается высокой имплицитной силой и частотностью в структуре образов сказочных персонажей. Динамичное развитие сюжета сказки требует лаконичного языкового решения для образных характеристик. Будучи наиболее концентрированным элементом образа персонажа, художественная деталь зачастую реализуется в контрастном контексте, создаваемом языковыми единицами разного уровня, что позволяет ей доминировать в иерархии компонентов образа сказочного персонажа.

Библиографический список

Источники

1. *Jacobs J.* English Fairy Tales / J. Jacobs. – New York: G.P. Putnam's sons, 3rd ed., revised, 1890. – 277 p.

Литература

2. *Блох М.Я.* Диктема в уровневой структуре языка / М.Я. Блох // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 56–67.

3. *Добин Е.С.* Сюжет и действительность: искусство *детали* / Е.С. Добин. – Л.: Советский писатель. Ленинград. отд., 1981. – 431 с.

4. *Цивин Р.Д.* Художественная деталь и её идейно-эстетические функции в литературном произведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Р.Д. Цивин. – Киев, 1970. – 20 с.

5. *Черняков А.А.* Художественная деталь как объект эстетического анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / А.А. Черняков. – М., 1978. – 15 с.

6. *Храпченко М.Б.* Горизонты художественного образа / М.Б. Храпченко. – 2-е изд., доп. – М.: Художественная литература, 1986. – 439 с.

7. *Щирова И.А.* Психологический текст: деталь и образ / И.А. Щирова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 120 с.

References

Istochniki

1. *Jacobs J.* English Fairy Tales / J. Jacobs. – New York: G.P. Putnam's sons, 3rd ed., revised, 1890. – 277 p.

Literatura

2. *Blox M.Ya.* Diktéma v úrovnevoj strukture yazy'ka / M.Y. Blox // Voprosy' yazy'koznaniya. – 2000. – № 4. – S. 56–67.

3. *Dobin E.S.* Syuzhet i dejstvitel'nost: iskusstvo detali / E.S. Dobin – L.: Sovetskij pisatel'. Leningrad. otd., 1981. – 431 s.

4. *Civin R.D.* Xudozhestvennaya detal' i eyo idejno-e'stetiicheskie funkcii v literaturnom proizvedenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01 / R.D. Civin. – Kiev, 1970. – 20 s.

5. *Chernyakov A.A.* Xudozhestvennaya detal' kak ob''ekt e'stetiichesкого analiza: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 09.00.04/ A.A. Chernyakov. – M., 1978. – 15 s.

6. *Xrapchenko M.B.* Gorizonty' xudozhestvennogo obraza. – 2-e izd., dop. / M.B. Xrapchenko – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1986. – 439 s.

7. *Shhirova I.A.* Psixologicheskij tekst: detal' i obraz / I.A. Shhirova. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003. – 120 s.

Ю.Е. Иванова

Реализация стратегии манипуляции в англоязычной бизнес-презентации

Данная статья посвящена изучению стратегии манипуляции, реализующейся в деловой презентации посредством различных тактик, для достижения необходимого воздействия на аудиторию.

The article describes special communication tactics involved in linguistic realization of manipulation in the business presentation in order to achieve the influence on the listeners.

Ключевые слова: убеждение; манипуляция; речевое воздействие; бизнес-презентация.

Keywords: persuasion; manipulation; linguistic impact; business presentation.

Общественный интерес к изучению наиболее действенных механизмов, обеспечивающих успешность коммуникации, обусловлен жёсткой конкуренцией в социуме и интенсивным воздействием различной информации на человека. Данный вопрос особенно актуален для бизнесменов, у которых любая оплошность во время деловых переговоров или презентаций может нанести серьёзный удар по имиджу компании и привести к материальным потерям. Таким образом, **актуальность проблемы** определяется той ролью, которую играет в современной деловой жизни потребность использования в речах бизнесменов средств воздействия для убеждения других действовать или думать определённым образом.

Объектом исследования данной работы выступает речевая коммуникация в бизнес-презентации. Вслед за А.В. Оляничем, под презентацией мы понимаем «коммуникативное событие, отличающееся своеобразной структурой, определённым типом дискурса — презентационным, который представляет собой особым образом (семантически и семиотически) организованный поток речи субъекта-индивида, в задачи которого входит осуществление эффективного воздействия на социальный объект (индивид или группы индивидов) с последующим достижением целей такого воздействия (изменения поведения испытывающих воздействие с выгодой для воздействующего)» [10: с. 198].

Современные взгляды на процессы речевого воздействия во многом базируются на традициях античной риторики, когда были определены основные параметры

речи: логос, этос и пафос. Построение речи с учётом этих факторов способствует достижению главной цели оратора — убеждению аудитории путём воздействия на различные сферы его восприятия: рациональное начало, эмоциональное воздействие и формирование оптимального образа оратора. Убеждение трактуется многими современными авторами в более широком контексте речевого воздействия. Так, например, А.К. Авеличев называет риторику «наукой о способах убеждения, разнообразных формах преимущественно языкового воздействия на аудиторию, оказываемого с учётом особенностей последней и в целях получения желаемого эффекта» [2: с. 10]. Подчёркивается, что «при этом степень воздействия может варьироваться от низкой, слабо выраженной (например, в фатическом общении) до высокой, ярко выраженной (открытое или скрытое манипулирование общественным сознанием в пропаганде и массовой коммуникации)» [4: с. 45].

Важным следует признать следующее рассуждение А.В. Оляничка: «...чтобы воздействие было эффективным, необходимо, чтобы это “представление”, было столь же эффективно “представлено”, доведено до сознания слушающего и было бы им одобрено (т. е. воспринято положительно) <...> Здесь кроется манипулятивная природа воздействия и влияния» [10: с. 60–61]. Таким образом, зачастую понятие *убеждение* ставится в один ряд с понятием *манипуляция*, в переносном смысле означающим «ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами» [3: с. 29].

В различных определениях манипуляции учёные выделяют и другие признаки. Так, в частности, манипуляция рассматривается, как «способ коммуникативного воздействия на людей при помощи различных средств (экономической, политической, массовой информации) с целью навязывания им определённых идей, ценностей, форм поведения (порой опирающихся на мифы) для достижения одностороннего выигрыша» [5: с. 254].

Анализируя определения, предложенные исследователями, Е.Л. Доценко обобщает признаки, встречающиеся в них, и выделяет 7 групп, в каждой из которых обобщённый критерий претендует на использование в определении манипуляции. Ключевыми для нашего материала будут следующие: родовой признак — психологическое воздействие; отношение манипулятора к другому как к средству достижения собственных целей; стремление получить односторонний выигрыш; мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий.

Таким образом, под манипуляцией понимается «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [7]. Причём большинство исследователей склоняется к тому, что в основе процесса манипулирования лежит, в первую очередь, воздействие на эмоции. «Внушая определённую мысль, субъект речевого воздействия апеллирует прежде всего к эмоциям объекта речевого воздействия, стремясь тем самым привести его в нужное для целей говорящего психологическое состояние» [8: с. 38]. Среди стратегий манипуляции в теории и практике коммуникации О.Л. Михалёва выделяет следующие:

- стратегия на понижение, имеющая направленность на соперника и стремление развенчать его позиции,
- стратегия на повышение, отражающая стремление говорящего максимально увеличить значимость собственного статуса,
- стратегия театральности, связанная с фактором аудитории как адресата-наблюдателя [9: с. 54–83].

В последнее время феномен речевой манипуляции служит объектом пристального интереса многих исследователей, которые рассматривают способы манипулирования на материале политического дискурса, так как именно здесь наиболее заметно прослеживается манипулятивное воздействие на аудиторию. Однако манипулятивное поведение присутствует и в бизнес-презентациях. Проанализируем, каким образом осуществляется это воздействие в деловом дискурсе, на примере речи финансового магната Гордона Гекко перед акционерами компании, которую он собирается купить и впоследствии обанкротить [1].

Событийный контекст состоит в том, что один из богатейших бизнесменов США, заработавший своё состояние на покупках недвижимости и спекуляциях с ней, переключается на приобретение, а точнее, рейдерский захват, компаний. Он осуществляет это незаконно, используя инсайдерскую информацию (*insider trading*), которую добывают его помощники. Внимание г-на Г. Гекко привлекает компания, которая испытывает серьёзные финансовые трудности. Часть акций компании находится в руках её сотрудников, рабочих, членов профсоюза компании, которых потенциальный владелец должен убедить в том, что именно он сможет вывести их из кризиса.

Рассмотрим подробнее, что конкретно в выступлении позволило склонить голоса акционеров в пользу крупного бизнесмена. Обратимся к анализу тактик оратора. В начале речи г-н Г. Гекко использует риторический приём «свой / чужой» и формулирует интересы, которые объединяют его со слушателями. Это очень важный тактический ход, поскольку, как говорят психологи, «в первые минуты встречи с незнакомым человеком мы неосознанно анализируем его, выясняя, опасен он для нас или нет» [6: с. 86]. Таким образом, разделение на «своих» и «чужих» уже подразумевает манипуляцию, управление группой посредством речевого воздействия. Для единения с аудиторией оратор употребляет личное местоимение *we* и обрисовывает проблему, из-за которой они здесь собрались. Это тактика кооперации, представляющая собой апелляцию к общим ценностям и идеям адресата и адресанта, реализующая стратегию театральности речи. Причём оратор сознательно преувеличивает значимость обсуждаемого вопроса: акцентируется не просто дальнейшая судьба компании, но судьба всей страны, которая якобы стоит на пороге глобальной финансовой катастрофы. Апелляция к американской исключительности, превосходству США представляет собой универсальную ценность, которую разделяют все слушатели:

Well, Ladies and Gentlemen, we're not here to indulge in fantasy, but in political and economic reality. America, America has become a second-rate power. Its trade deficit and its fiscal deficit are at nightmare proportions [1].

Чтобы аудитория поверила в искренность намерений оратора, который является бизнесменом, выступающий, чьи интересы в покупке компании не могут иметь ничего общего с интересами простых рабочих, активно и успешно применяет тактику обвинения и критики оппонентов (действующих менеджеров компании) в неэффективном управлении, используя ряд фактов и аргументов.

Далее он акцентирует внимание аудитории на необычайно раздутом штате управления компании из 33 высокооплачиваемых вице-президентов, имеющих слишком размытые обязанности и чрезмерно затратный документооборот:

Teldar Paper has 33 different vice presidents, each earning over 200 thousand dollars a year [1] — тактика информирования.

Now, I have spent the last 2 months analyzing what all these guys do, and I still can't figure it out [1] — тактика иронизирования.

One thing I do know is that our paper company lost 110 million dollars last year, and I'll bet that half of that was spent in all the paperwork going back and forth between all these vice presidents [1] — тактика обвинения.

Кроме того, чтобы получить одобрение слушателей и усилить их недовольство руководством компании, оратор использует целую комбинацию риторических техник, добиваясь максимального воздействия на аудиторию:

*Today management has no stake of the company. All together these men sitting up here own less than 3 percent of the company. **And where does Mr. Cromwell put his million dollar salary?** Not in Teldar stock. He owns less than one percent* [1]. Риторический вопрос — самый простой вид загадки, адресованный слушателям, — заставляет их внимательно прислушаться в ожидании разгадки. Выступающий подчёркивает, что руководство не заинтересовано в развитии компании, так как не является её акционером, и свои деньги не вкладывает в акции предприятия.

Следующий приём максимального подчёркивания значимости своих слушателей — напоминание, что они — настоящие хозяева, обманутые этими бюрократами:

You own the company. That's right, you, the stockholder. And you are all being royally screwed over by these, these bureaucrats, with their stake lunches, hunting and fishing trips, their corporate jets and golden parachutes [1].

Оратору удаётся создать негативный портрет оппонента. Следует отметить, что в этой части манипулятивное воздействие прежде всего обращено к чувствам человека, а именно к чувству ненависти к богачам. Такое воздействие реализуется на языковом уровне за счёт использования слов с высокой негативной коннотацией, например, лексемы *bureaucrats*. В словарной статье поясняется, что слово используется, когда хотят подчеркнуть отрицательное отношение к чиновникам: *this word suggests that you do not like people (someone who is employed to help run an office or government department) because you think they have too much power and care too much about rules and systems* [11: p. 181].

Глагол *to screw* имеет отрицательное значение, а сфера его употребления — разговорный, неформальный стиль. Вместо нейтрального слова «обмануть», в английском варианте *to treat smb. unfair* [11: p. 1274], оратор намеренно идёт на снижение, чтобы вызвать эффект пренебрежения, и использует лексему *screwed*.

Отрицательную оценку в данном контексте создают также слова *stake lunches, hunting and fishing trips, corporate jets and golden parachutes*. Все единицы перечисляют бонусы и льготы, которые доступны только топ-менеджерам компании.

Итак, руководство компании «Teldar Paper» в интерпретации г-на Г. Гекко обладает признаками некомпетентного, расточительного управленца, безрассудно тратящего деньги простых работников компании на собственные блага и пренебрежительно относящегося к людям. Этот образ близок к классическому «образу врага». В результате обличительная речь бизнесмена выводит из равновесия оппонентов и, как следствие, получает широкое одобрение в аудитории.

Одновременно с этим оратором реализуется стратегия самоидентификации — представление себя в привлекательном виде, то есть «игра на повышение»:

In the last seven deals that I've been involved with, there were 2.5 million stockholders who have made a pretax profit of 12 billion dollars [1] — тактики экземплификации (приведение примера) и обещания.

После такого впечатляющего примера аудитория реагирует невербальным способом — аплодисментами как знаком одобрения политики бизнесмена. Яркий контраст между бездарными менеджерами и талантливым руководителем реализуется в речи и в интонационном плане. Перечисляя привилегии, которыми пользуются руководители, оратор ускоряет темп речи и резко увеличивает громкость. Говоря о своём успехе в бизнесе, выступающий заметно замедляет темп и снижает громкость, чётко артикулирует слова в предложении. Намеренно негромкое и замедленное произнесение фразы заставляет аудиторию сосредоточить внимание на этом высказывании. Для закрепления собственного положительного образа в сознании своих слушателей оратор продолжает использовать риторическую технику контраста и добавляет:

I am not a destroyer of companies. I am a liberator of them [1].

По совокупности положительно оцениваемых признаков (выдающийся ум, талант, забота о благе других людей) бизнесмен должен быть опознан как «свой» и возглавить компанию.

Кульминацией всей речи является завершающая часть выступления, в которой оратор убеждает акционеров, что в стремлении к богатству нет ничего плохого, что жадность — неотъемлемая часть человеческой жизни и общества в целом. Бизнесмен намеренно употребляет слово *greed* (жадность) и открыто говорит об этом слушателям. Как опытный ритор, г-н Г. Гекко комбинирует риторические техники для оптимизации речевого воздействия: повтор и возвращение к началу, к проблеме, из-за которой они все собрались:

*The point is, Ladies and Gentlemen, that **greed** — for lack of a better word — is good. **Greed** is right. **Greed** works. **Greed** clarifies, cuts through and captures the essence of evolutionary spirit. **Greed**, in all of its forms, **greed** for life, for money, for love, knowledge has marked the upward surge of mankind and **greed**, remark my words will not only safe Teldar Paper but that other malfunctioning corporation called the USA [1].*

Отметим, что широкий спектр тактик и самопрезентация бизнесмена позволяют создать образ оратора, наиболее эффективный для воздействия на конкретную аудиторию. Г-н Гекко производит впечатление очень уверенного, успешного лидера и прямо заявляет об этом, давая надежду своим слушателям в том, что и они, если поддержат его, получают прибыль. Безусловно, в выступлении оратору удаётся передать своё настроение аудитории, заставив её потом реагировать в нужном ему направлении. Таким образом, изучение стратегии манипуляции, реализующейся в деловой презентации посредством различных тактик, достигает необходимого воздействия на аудиторию.

Библиографический список

Источники

1. *Gekko G. Greed is Good / G. Gekko.* – URL: http://www.youtube.com/watch?v=PF_iorX_Maw (дата обращения: 20.09.2013 г.).

Литература

2. *Авеличев А.А.* Возвращение риторики. Вступительная статья / А.А. Авеличев // *Общая риторика.* – М.: Прогресс, 1986. – С. 5–26.

3. *Антонова А.В.* Система средств речевой манипуляции в британском политическом дискурсе: рецепиентоцентрический подход: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04. защищена: 29.03.2012 г. / А.В. Антонова. – Самара, 2011. – 386 с.

4. *Блох М.Я.* Публичная речь и её просодический строй: монография / М.Я. Блох, Е.Л. Фрейдина. – М.: Прометей, 2011. – 236 с.

5. *Викулова Л.Г.* Основы теории коммуникации: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 316, [4] с.

6. *Гандапас Р.И.* К выступлению готов! Презентационный конструктор / Р.И. Гандапас. – 3-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. – 208 с.

7. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – URL: http://www.koob.ru/docenko_e/psihologia_manipulacii (дата обращения: 20.09.2013 г.).

8. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – 3-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.

9. *Михалёва О.Л.* Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: монография / О.Л. Михалёва. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005. – 320 с.

10. *Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – М.: Гнозис. 2007. – 407 с.

Справочные и информационные издания

11. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition.* – Oxford: Bloomsbury Publishing, 2002. – 1692 p.

References

Istochniki

1. *Gekko G. Greed is Good / G. Gekko.* – URL: http://www.youtube.com/watch?v=PF_iorX_Maw (data obrashheniya: 20.09.2013 g.).

Literatura

2. *Avelichev A.A.* Vozvrashhenie ritoriki. Vstupitel'naya stat'ya / A.A. Avelichev // *Obshhaya ritorika*. – M.: Progress, 1986. – S. 5–26.
3. *Antonova A.V.* Systema sredstv rechevoj manipulyacii v britanskom politicheskom diskurse: recipientocentricheskij podxod: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.04, zashhishhena: 29.03.2012 g. / A.V. Antonova. – Samara, 2011. – 386 s.
4. *Blox M.Ya.* Publichnaya rech' i eyo prosodicheskij stroj: monografiya / M.Ya. Blox, E.L. Frejdina. – M.: Prometej, 2011. – 236 s.
5. *Vikulova L.G.* Osnovy' teorii kommunikacii: praktikum / L.G. Vikulova, A.I. Sharunov. – M.: AST: AST MOSKVA: Vostok – Zapad, 2008. – 316, [4] s.
6. *Gandapas R.I.* K vy'stupleniyu gotov! Prezentacionny'j konstruktor / R.I. Gandapas. – 3-e izd. – M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2011. – 208 s.
7. *Docenko E.L.* Psixologiya manipulyacii: fenomeny', mexanizmy' i zashhita / E.L. Docenko. – URL: http://www.koob.ru/docenko_e/psihologia_manipulyacii (data obrashheniya: 20.09.2013 g.).
8. *Issers O.S.* Kommunikativny'e strategii i taktiki russokoj rechi / O.S. Issers. – 3-e izd, stereotip. – M.: Editorial URSS, 2003. – 284 s.
9. *Mixalyova O.L.* Politicheskij diskurs kak sfera realizacii manipulyativnogo vozdejstviya: monografiya / O.L. Mixalyova. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 2005. – 320 s.
10. *Olyanich A.V.* Prezentacionnaya teoriya diskursa: monografiya / A.V. Olyanich. – M.: Gnozis. 2007. – 407 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. – Oxford: Bloomsbury Publishing, 2002. – 1692 p.

А.Б. Костромин

Сравнительная сочетаемость в этимологическом аспекте

В статье сопоставляется сочетаемость существительных и прилагательных в английском и русском языке в свете этимологии двух языков.

The article compares the ways the Russian and the English languages combine adjectives and nouns depending on their etymology.

Ключевые слова: диахронический и синхронический подход; внутренняя форма; корнеизоляция; сочетаемость; этимон.

Keywords: diachronic and synchronic approach; inner form; root isolation; word compatibility; etymon.

В современном языкознании принято разделять синхронический и диахронический подход к языку. Фактически это приводит к тому, что при преподавании как родного, так и иностранного языка доминирует синхрония, а диахрония становится уделом лингвистов-теоретиков. Между тем есть проблемы, которые представляют интерес как для теоретика языка, так и для преподавателя-практика, и могут решаться более успешно при соединении синхронии и диахронии.

К таким проблемам можно отнести проблему сочетаемости. Теоретику важно понять, какие языковые факторы приводят иногда к столь разительным различиям в сочетаемости слов. Практик заинтересован в том, чтобы пополнить свой арсенал приёмов обучения. В самом деле, перенос норм родного языка на изучаемый преодолевается более эффективно, если в преподавании опираться не только на указание на сам факт различной сочетаемости слов в двух языках, но и на понимание внутриязыковой логики построения именно таких, а не иных словосочетаний. В данной статье рассматривается ряд явлений, характерных для смысловых отношений, возникающих при сочетании существительного с прилагательным в английском языке, в сравнении с аналогичными сочетаниями русского языка с учётом этимологических и типологических свойств этих двух языков.

При сравнении прилагательных с исторической стороны необходимо прежде всего отметить влияние такого фактора, как этимон. Сочетаемость прилагательных с существительными в английском и русском языке весьма наглядно представлена парой *bitter* / *горький*. В английском языке, как и в русском, мы можем употреблять сочетания: *bitter chocolate* / *горький шоколад*, *bitter herbs* / *горькие травы*, *bitter tears* / *горькие слезы*, *bitter words* / *горькие слова*, *bitter experience* / *горький опыт*, *bitter disappointment* / *горькое разочарование*, *bitter hurt* / *горькая обида*, *bitter truth* / *горькая правда*, *bitter lesson* / *горький урок*, *bitter laugh* / *горький смех* и целый ряд других. Этот довольно значитель-

ный список совпадений вполне объясним экстралингвистически — горький вкус и чувство горечи знакомо всякому человеку, как и предметы, вызывающие и то и другое. Однако для английского языка обычными являются выражения: *bitter wind* / *пронизывающий (колючий) ветер*, *bitter cold* / *ледяная стужа*, тогда как для русского языка такое соединение понятий невозможно.

Возникает вопрос, отчего ветер и холод представляются англичанину «горькими». Ответ на этот вопрос лежит в этимологической плоскости. Древнеанглийское *biter* «bitter, sharp, cutting; angry, embittered; cruel — горький, острый, режущий; злой, озлобленный; жестокий» происходит от прагерманского **bitras-* (Old Saxon *bittar*, Old Norse *bitr*, Dutch *bitter*, Old High German *bittar*, German *bitter*, Gothic *baitrs* «bitter»), в свою очередь, восходящего к праиндоевропейскому *bheid — «расщеплять» [7]. *Bitter* для англичанина — это «расщепляющий», «разъедающий, режущий», causing a sharply unpleasant, painful, or *stinging* sensation [6]. Эта сема центральная для *bitter* и порождает весь спектр значений, включая *горький ветер* и *горький холод*, названные так потому, что их действие имеет «жалящий», «кусающий» характер, что подтверждают и синонимичные словосочетания *biting wind* и *biting cold* — буквально *кусачий ветер* и *кусачий холод*.

The biting wind drove the snow before it, so that the whole dale seemed to be lost in a grey mist [5]. (*Впереди колючий ветер кружил снег, так что вся долина казалась растворившейся в каком-то сером тумане.*) (Здесь и далее перевод наш. — А. К.)

Синонимичность прилагательного *bitter* и причастия *biting* в сочетании с существительным *wind* коренится в их этимологическом тождестве, поскольку индоевропейский корень *bheid дал и другой древнеанглийский глагол — *bitan*, от которого происходит современный глагол *bite* — кусать.

В русском языке не встречаются и такие словосочетания, как: *bitter attack* / *ожесточённая атака*, *bitter feud* / *ожесточённая вражда*, *bitter resolve* / *отчаянная решимость*, *bitter wrangles* / *ожесточённая перепалка*, *bitter strike* / *жестокий удар*, *to the bitter end* / *до последнего*, *bitter-ender* / *(некто) бескомпромиссный*, *bitter enemy* / *злейший враг*, *a bitter man* / *желчный человек*. Признак «горечь» приписывается не только вкусу, состоянию души и предметам, их вызывающим, но и действиям, проистекающим от чувства горечи. Английские словари дают следующие толкования подобным словосочетаниям:

Proceeding from or exhibiting strong animosity: *a bitter struggle*; *bitter foes*. Marked by resentment or cynicism: «He was already a bitter elderly man with a gray face» [6]. (Порождённый крайней враждебностью или проявляющий крайнюю враждебность: *ожесточённая борьба*, *злейшие враги*. С признаками обиды или цинизма: «Он был уже желчным престарелым человеком с серым лицом».)

Эти же значения присутствуют в производных от *bitter* словах: *embitter* — *придавать горький вкус*, *озлоблять*, *embittered* — *злой*, *злбный*, *озлобленный*, *ожесточённый*.

Русскому языку подобный перенос несвойствен. Прилагательное *горький* этимологически тождественно существительным *горе*, *горесть* и глаголу *гореть*, восходящим к индо-европейскому корню *gehor — *гореть*, *пылать* [3]. Глагол

гореть — непереходный. Вследствие этого и прилагательное *горький* описывает свойство быть горьким статически, а не динамически, как это делает английское *bitter*, это — страдательное состояние, а не действие. *Горький* и *горе* семантически смыкаются в словосочетании *горе горькое* и ряде таких словосочетаний, как *горький пьяница*, *пить с горя*, *пить горькую* (ср. *думу думать*). По-английски «горький пьяница» — это «утвердившийся» или «беспробудный» пьяница → *confirmed drunkard*, *habitual drunkard*. Британский национальный корпус не даёт словосочетания *bitter drunkard*. Иначе оно означало бы нечто странное — «ожесточённо пьющий пьяница». «Горький пьяница» вообще не имеет точного английского эквивалента. Эквивалент может быть только контекстуальный: *Once a fairly well known actor, now a drunkard and a «sad, defeated old man, possessed by hopeless resignation»* [5]. (Когда-то довольно известный актёр, а ныне пьяница, «старый горестный неудачник, охваченный безнадежной покорностью»).

Иначе по-английски прозвучат *горькая участь* / *unhappy lot*, *горькая чаша* / *cup of woe* (букв. *чаша горестей*). Доля, судьба, чаша — это то, что выпадает человеку. Это, скорее, — состояние или процесс, нежели такое очевидное сильное действие, как «расщепляющий, режущий», заключённое в слове *bitter*.

Не менее известный пример расхождения в сочетаемости прилагательных и существительных в английском и русском языке связан со словами *heavy* и *тяжёлый*. В своём первом значении и некоторых переносных *heavy* и *тяжёлый* имеют совпадающую сочетаемость: *a heavy box* / *тяжёлая коробка*, *with a heavy heart* / *с тяжёлым сердцем*, *heavy losses* / *тяжёлые потери*, но: (большие, крупные убытки), *heavy blow* / (*тяжёлый*) *сильный удар*.

Однако область расхождения значительно шире: *heavy rain* / *проливной дождь*, *heavy fire* / *сильный огонь*, *резкая критика*, *heavy surplus* / *значительный излишек*, *heavy traffic* / *плотное (интенсивное) движение*, *heavy smoker* / *заядлый курильщик*, *heavy withdrawals* / *снятие крупных сумм со счёта*, *heavy lines* / *жирные (толстые) линии*, *heavy mist* / *густой (плотный) туман*, *heavy plant* / *разросшееся растение*, *heavy foliage* / *густая (разросшаяся) листва*, *heavy father* / *суровый отец*, *heavy light* / *резкий свет*, *heavy use* / *интенсивное использование*.

В этих словосочетаниях за словом *heavy* прослеживаются как сочетания, в принципе сводимые к понятию о чём-то тяжёлом: *heavy father* — суровый, т. е. тяжёлый, властный отец; *heavy fire* → *сильный*, т. е. наносящий тяжёлые удары огонь, так и целый ряд представлений, несводимых прямо к понятию тяжёлого. *Тяжёлым* не может быть ни туман, ни листва, ни линии, ни дождь, ни излишек, ни курильщик.

С синхронной точки зрения эти значения объяснимы лишь в смысле учёта типологических свойств английского языка. Значительное количество корнеизолирующих слов в английском языке приводит к дополнительной семантической нагрузке на лексемы, обладающие частеречевыми характеристиками. Если слово достаточно устойчиво опознаётся, например, как прилагательное, в данном случае *heavy*, то у него повышенный потенциал для развития обширной полисемии. Однако, как и в каком направлении будут наращиваться новые

значения, зависит от исходной внутренней формы слова [1], от того изначального представления, которое сложилось о нём в момент возникновения слова, что должен обнаружить диахронический подход.

Исходной точкой для *heavy* является древнеанглийское слово *hefig*, означавшее *тяжёлый, важный, веский, давящий, медленный, скучный*. Более древний прагерманский корень **hafiga* означал «содержащее нечто, нечто имеющее вес». Этому корню родственны готский глагол *haban* — *иметь, держать* и древнеанглийский *habban* (современное *have*) с тем же значением, древнеанглийское существительное *haeft* — *рукоять*, латинский глагол *capio* — *беру, захватываю, вмещаю*, санскритское существительное *kapati* — *мера сыпучих тел в две сложенные ладони*, русский глагол *хапать* [4; 7].

Следовательно, *heavy* — это нечто схватывающее (**kap*), следовательно «вмещающее», имеющее в себе вес, тяжесть, наконец, нечто значительное, массовидное. Из этого центра расходятся лучи значений, содержащих в себе компонент «вмещающий». Составляющий суть данной внутренней формы слова, этот компонент становится отличительным и тем самым имплицитно противопоставляет себя признаку «невмещающий», что и истолковывается языковым сознанием как «вмещающий больше обычного»: *heavy mist* / *густой туман*, *heavy rain* / *ливень*, *heavy foliage* / *разросшаяся листва*, *heavy traffic* / *интенсивное движение*, *heavy smoker* / *заядлый курильщик, то есть курящий больше обычного для других курильщиков*, *heavy use* / *интенсивное (многократное) использование* и проч., включая, естественно, представление о весе больше обычного. Существенно также отметить, что такое сочетание, как *heavy smoker*, явно говорит о том, что выявленный ключевой признак в значении слова *heavy* является не просто этимологом, а живой внутренней формой, поскольку данное сочетание не могло возникнуть ранее появления табакокурения в Европе, что для истории языка срок не столь большой.

Этимология русского слова *тяжёлый* совсем иная. Так же, как и у слов *тянуть, тяга*, его индоевропейская основа — **ten-gh-* *тянуть*. *Тяжёлый* — это тянущий и тем самым создающий ощущение веса, признак, никак не приложимый к таким понятиям, как *дождь, движение, курильщик* и т. д.

Подводя итог, можно сказать, что привлечение диахронии к сравнительному анализу современных явлений сочетаемости прилагательных и существительных английского и русского языка оказывается достаточно эффективным. Надо полагать, что и в процессе изучения иностранного языка оно может быть положительным фактором. Конечно, обучающемуся, в отличие от преподавателя, нет необходимости знать все тонкости происхождения слова, начиная с праиндоевропейской основы с параллелями в родственных языках. Однако на логику построения семантической структуры слова в связи с сочетаемостью и на неочевидные для студента связи изучаемого слова с современными ему другими словами или словом (в данном случае на связь между *heavy* и *have, bitter* и *biting*) указать необходимо.

Библиографический список*Литература*

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 396 с.

2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – Т. 1–2. – М.: Учпедгиз, 1958. – 535 с.

Справочные и информационные издания

3. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка / А.Г. Преображенский. – М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. – 1284 с.

4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Этимология и история слов русского языка / П.Я. Черных. – URL: <http://etymolog.ruslang.ru/>, свободный.

5. British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>, свободный.

6. The free dictionary by farlex. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/biting>, свободный.

7. Online Etymology Dictionary. – URL: www.etymonline.com, свободный.

References*Literatura*

1. Gumbol'dt V. Izbranny'e trudy' po yazy'koznaniyu / V. Gumbol'dt. – М.: Progress, 1984. – 396 s.

2. Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike / A.A. Potebnya. – Т. 1–2. – М.: Uchpedgiz, 1958. – 535 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

3. Preobrazhenskij A.G. E'timologuicheskij slovar' russkogo yazy'ka / A.G. Preobrazhenskij. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranny'x i nacional'ny'x slovarej, 1959. – 1284 s.

4. Cherny'x P.Ya. Istoriko-e'timologuicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazy'ka. E'timologiya i istoriya slov russkogo yazy'ka / P.Ya Cherny'x. – URL: <http://etymolog.ruslang.ru/>, svobodny'j.

5. British National Corpus. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>, svobodny'j.

6. The free dictionary by farlex. – URL: <http://www.thefreedictionary.com/biting>, svobodny'j.

7. Online Etymology Dictionary. – URL: <http://www.etymonline.com>, svobodny'j.

В.Е. Лапина

**Взаимодействие
итальянского языка и общества:
к проблеме языковой вариативности**

Статья посвящена социолингвистическим аспектам современного итальянского языка: билингвизму, диалектам и региональной вариативности разговорной речи. Определяется место диалектов и региональной речи в литературном итальянском языке. Дается краткий обзор региональной вариативности произношения, грамматики и лексики разговорного итальянского языка.

This article focuses on sociolinguistic aspects of modern Italian: bilingualism, dialects and regional variation of spoken language. The role of dialects and regional varieties of the spoken language is defined. There is a brief overview of regional variation of spoken Italian pronunciation, grammar and vocabulary.

Ключевые слова: итальянский язык; диалект; региональная речь.

Keywords: Italian; dialect; regional variety.

Вопросы, касающиеся социолингвистических аспектов итальянского языка, освещаются писателями и журналистами в работах научно-популярного характера (например, У. Есо, G.L. Вессариа). Социолингвистическая ситуация в Италии исследовалась рядом таких лингвистов, как Г. Берруто (G. Berruto) и Т. Де Мауро (T. De Mauro). В работах учёных описаны такие явления, как двуязычие, диалекты, региональные варианты произношения, которые в силу своей неоднозначности привлекают внимание не только специалистов, традиционно занимающихся проблемами языка, но и широкой общественности.

Социолингвистическая ситуация представляет собой манифестацию вариативности языка, характер которой лингвисты определяют рядом факторов. Рассмотрим каждый из факторов: а) политический, б) географический, в) исторический и г) социально-культурный.

Политические факторы могут определять самосознание граждан регионов и таким образом влиять на выбор языковых средств. Наличие автономного статуса у отдельных территорий — таких как Фриули-Венеция-Джулия, Сицилия и других — определяет наличие там двуязычия. Показательным примером этому могут

служить образцы рекламы и пропаганды из региона Трентино — Альто-Адидже, где вторым языком фактически является немецкий. В 2013 году, когда проходила избирательная кампания в этом регионе, лозунг одного из кандидатов состоял из двух слов — итальянского глагола в повелительном наклонении *vota* (голосуй, выбирай) и немецкого личного местоимения *mir* (меня). Кроме того, наблюдается взаимное влияние языков различных групп. Так, известен случай романо-германской интерференции в тимаушском языке, на котором говорят в горных районах Фриули-Венеция-Джулия [2: с. 121].

На вариативность итальянского языка в Италии и на территориях, где говорят на итальянском языке, влияют также **географические факторы**. Так, в Сицилии и Сардинии диалекты настойчиво сохраняют функции инструмента общения, а жители этих островов фактически используют два кода — местный диалект и итальянский язык [5]. Географические факторы могут определять схожесть вариантов языка и диалектов. В частности, на территории современной Швейцарии, в кантоне Тичино, итальянский язык имеет ряд особенностей [8], однако многие из них являются общими с характерными чертами вариантов итальянского языка севера Италии (Ломбардии).

Исторические факторы также обуславливают вариативность языка. В основу итальянского языка лёг тосканский диалект. На момент объединения Италии (1861 г.) носители итальянского языка составляли всего 9,5 % [9: р. 69], хотя процент жителей страны, понимающих итальянский язык, но не говорящих на нём, был высок. Под воздействием исторических факторов диалекты распространились преимущественно на севере и юге страны, в то время как в центральной её части диалекты встречаются редко [9].

Социально-культурные факторы существенно влияют на характер вариативности языка. В первую очередь, социальный состав общества определяет распространение диалектов следующим образом. Среди 5,4 % населения Италии, выбирающих исключительно диалект как средство общения, большинство составляют люди, проживающие в сельской местности и имеющие лишь начальное образование (статистические данные агентства ISTAT, 2006 г.) [9: р. 71]. Приведённая информация, с одной стороны, указывает на традиционную, привычную стратификацию языка [3]. С другой — практически пятая часть опрошенных утверждает, что прибегает к диалекту как средству общения с той же частотой, что и к итальянскому языку. Таким образом, несмотря на урбанизацию и повышение грамотности населения, введение обязательного изучения итальянского языка в школе и наличие центрального телевидения, диалекты остаются вспомогательным средством общения в общей сложности среди четверти населения Италии.

Помимо *стратификационной вариативности* на распространение диалектов влияет *ситуативная вариативность* [3]. Так, диалекты выступают в качестве дополнительного средства общения в коммуникативных ситуациях взаимодействия с семьёй и друзьями.

Отношение носителей языка к явлениям вариативности во многом определяют культурные факторы. Средства массовой информации и кинематографа позволяют получить наиболее полное представление о месте диалектов в итальян-

ском языке и культуре. Несмотря на то, что сфера использования диалектов и количество их носителей довольно долго шло на спад (с середины XX до начала XXI века), в последнее время отмечается новая волна популярности диалектов. Лингвисты связывают это с изменением отношения к региональной культуре в целом. Лингвисты и писатели указывают на выразительные возможности диалектов, их особый колорит и отражение регионального самосознания. Например, У. Эко вспоминает, что в его родном городе Александрии жители говорили на диалекте, и с восхищением рассуждает о его экспрессивности, спонтанности и свободе для речевого творчества [7: p. 35].

Помимо выразительности диалект обладает также рядом функций, выявленных В.Б. Меркурьевой при анализе немецкоязычных драматургических произведений: функция «приспособления под воздействием чужой речи, передача независимого речевого поведения, функция устранения непонимания», а также функция обозначения «алкогольного или наркотического опьянения» [1: с. 352].

Что касается художественных произведений в целом, можно отметить заметное присутствие диалектной речи в кино. Так, современный кинематограф, как и в середине XX века (например, фильм Л. Висконти «La terra trema» («Земля дрожит»), 1948 г.), возвращается к использованию диалектов. В 2010 году в широкий прокат вышел фильм «L'uomo che verrà» (букв. «Человек, который придёт», режиссёр Дж. Диритти), герои которого говорят на болонском диалекте [9: p. 69, 162]. В кинотеатрах показ этой ленты сопровождался субтитрами на итальянском языке. Это событие свидетельствует, во-первых, о том, что диалекты живы и хранят региональную культуру, во-вторых, о сложности понимания диалекта даже носителем итальянского языка. Таким образом, в силу обладания особыми функциями, диалект остаётся важной частью языка.

В сравнении с наддиалектной формой языка региональная итальянская речь обладает особенностями на уровне фонетики, грамматики и лексики. На формирование региональной речи оказывают влияние те же факторы, что и на распределение диалектов: географические, политические, исторические и социально-культурные.

Самой заметной характеристикой региональной речи является акцент, который служит важным средством проявления культурного самосознания и указывает на региональную принадлежность говорящего. Региональные особенности фонетического оформления отличают разговорную речь. Краткий обзор региональных вариантов произношения приведён в таблице 1.

Таблица 1

Региональные варианты произношения итальянского языка

	Север	Тоскана и Центр	Рим и Лацио	Юг
Согласные звуки	произнесение удвоенных согласных (долгих) как неудвоенных (коротких)	Во Флоренции: придыхание при произнесении /k/, /p/, /t/: /hoha hola/ вместо <i>Coca Cola</i>	звук /k/ между гласными произносится как /g/	произнесение коротких согласных как долгих

	Север	Тоскана и Центр	Рим и Лацио	Юг
	/s/ между гласными произносится как /z/	/tʃ/ перед /i/, /i/ произносится как /ʃ/	в сельской местности: потеря удвоенного /t/ и трансформация /nd/ в /nn/	/s/ между гласными — глухой, /s/ после носовых звучит как /z/; /t/, /k/, /p/ и /ts/ становятся звонкими: <i>tempo /tembo/</i>
Гласные звуки	минимальное различие открытых и закрытых /e/ и /o/			

Вариативность итальянского языка на уровне грамматики затрагивает главным образом видовременную систему глагола и местоимения.

На севере страны в разговорной речи грамматическое время *passato remoto* (простое прошедшее законченное, синтетическое по способу образования формы глагола) практически вытеснено аналитическим по способу образования *passato prossimo*, в то время как на юге *passato remoto* всё ещё используется в разговорной речи [6].

Для разговорной речи Севера характерна также тенденция дополнения глаголов предлогами, в результате чего они становятся похожими на фразовые глаголы: *prendere su* вместо *prendere*, *togliere giù* вместо *togliere*. Кроме того, здесь же существует тенденция строить отрицание с помощью частицы *non*, смыслового глагола, а затем добавления слова *mica*, или же частица *non* отсутствует в отрицании, остаётся только слово *mica*: *non fa mica freddo, so mica* вместо *non so* [6: p. 2].

К особенности использования местоимений относят следующую: на Севере, в Тоскане и в Риме местоимение второго лица единственного числа *tu* стоит в дательном падеже *te* в случаях, где должно было бы стоять в именительном: *Te l'hai mai visto?* вместо *Tu l'hai mai visto?* [6: p. 2].

Что касается лексических особенностей тосканской разговорной речи, отметим, что наряду с указательными местоимениями *questo* и *quello* используется также *codesto* для обозначения чего-либо или кого-либо, находящегося далеко (помимо тосканской разговорной речи *codesto* встречается в документах: «*ci rivolgiamo a codesto ufficio...*») [6: p. 4].

Среди особенностей разговорной речи центральной части Италии и Юга можно выделить также тенденцию подмены глагола *essere* глаголом *stare*: *Claudio sta in casa fino alle tre*. Для разговорной речи Севера характерно использование местоимений в косвенных падежах в постглагольной позиции: *puoi telefonarmi alle dieci*, в то время как на Юге местоимение часто ставится перед глаголом: *mi puoi telefonare alle dieci* [10].

В лексической вариативности обращают на себя внимание геосинонимы, в терминологии итальянских лингвистов [6]. Имеется в виду разнообра-

зие лексем, обозначающих один и тот же предмет или явление в различных регионах. Так, арбуз называют *anguria* на Севере, *cocomero* в Тоскане, *mellone* на Сицилии, *patesca* или *zucca patesca* в Лигурии [4: p. 206].

Помимо геосинонимов существуют геоомонимы, то есть лексемы, имеющие одинаковую или максимально схожую фонетическую оболочку, но обозначающие абсолютно разные предметы или явления. Например, слово *сотаре*, в Тоскане и в Центре служащее для обозначения *сплетницы*, на Юге имеет отличное значение — *свидетельница на обряде крещения* [4: p. 3]. Слово *babbo* на всей территории Италии является синонимом слова «рарà» (папа), но на Сицилии означает «глупый». Словом *bistecca* в центральной Италии обозначают *блюдо из мяса с костью*, в то время как на севере этим словом обозначается *мясо без кости* [4: p. 207].

Итак, региональная вариативность разговорной речи одинаково заметно проявляется на всех уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом. На практике это означает, что особого внимания в преподавании современного итальянского языка заслуживает вариативность разговорной речи. Кроме того, затруднения у студентов могут вызвать диалекты — историческое наследие языка. Вместе с тем вариативность итальянского языка составляет его неотъемлемое свойство и отражает разнообразие региональных культур внутри страны.

Библиографический список

Литература

1. Меркурьева В.Б. Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах: отношения комплементарности и изоморфизма: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / В.Б. Меркурьева. — Иркутск: ИГЛУ, 2005. — 408 с.
2. Смирнова М.А. Тимаушский язык в регионе Фриули – Венеция Джулия (Италия) как пример романо-германской лингвистической интерференции / М.А. Смирнова // Актуальные вопросы лингвистики, литературоведения, лингводидактики: мат-лы II Научной сессии (29 февраля 2008 г.). — М.: МГПУ, 2009. — С. 121–127.
3. Швейцер А.Д. Введение в социолингвистику: учеб. пособие / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. — М.: Высшая школа, 1978. — 216 с.
4. Beccaria G.L. Per difesa e per amore. La lingua italiana oggi / G.L. Beccaria. — Milano: Garzanti, 2006. — 382 p.
5. Berruto G. Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo. — Nuova edizione / G. Berruto. — Roma: Carocci editore, 2012. — 280 p.
6. Corbucci G. Fenomeni di variazione sociolinguistica nell'insegnamento dell'italiano a stranieri / G. Corbucci. — URL: <http://ojs.cimdoc.uniba.it/index.php/glottodidattica/article/view/15>.
7. Eco U. La lingua degli italiani, trent'anni dopo / U. Eco // Gli italiani e la lingua / a cura di Franco Lo Piparo e Giovanni Ruffino. — Palermo: Sellerio, 2003. — P. 31–42.
8. Moretti B. Alcuni aspetti della situazione sociolinguistica ticinese / B. Moretti // *Bullettin CILA*, 58, numero speciale a cura di Iwar Werlen, *Schweizer Soziolinguistik – Soziolinguistik der Schweiz*. — Berna: CILA, 1993. — P. 129–143.
9. Serianni L. Manuale di linguistica italiana. Storia, attualità, grammatical / L. Serianni, G. Antonelli. — Milano – Torino: Pearson Italia, 2011. — 305 p.

Справочные и информационные издания

10. *Da Malino F.* Personali, pronomi / F. Da Malino // Enciclopedia dell'Italiano 2011. – URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pronomi-personali_\(Enciclopedia_dell'Italiano\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/pronomi-personali_(Enciclopedia_dell'Italiano)).

References*Literatura*

1. *Merkur'eva V.B.* Dialekt i literaturny'j yazy'k v nemeckoyazy'chny'x dramax: otnosheniya komplementarnosti i izomorfizma: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.04 / V.B. Merkur'eva. – Irkutsk: IGLU, 2005. – 408 s.
2. *Smirnova M.A.* Timaushskij yazy'k v regione Friuli – Veneciya Dzhuliya (Italiya) kak primer romano-germanskoj lingvisticheskoj interferencii / M.A. Smirnova // Aktual'ny'e voprosy' lingvistiki, literaturovedeniya, lingvodidaktiki: mat-ly' II Nauchnoj sessii (29 fevralya 2008 g.). – M.: MGPU, 2009. – S. 121–127.
3. *Shveicer A.D.* Vvedenie v sociolingvistiku: ucheb. posobie / A.D. Shveicer, L.B. Nikol'skij. – M.: Vy'sshaya shkola, 1978. – 216 s.
4. *Beccaria G.L.* Per difesa e per amore. La lingua italiana oggi / G.L. Beccaria. – Milano: Garzanti, 2006. – 382 p.
5. *Berruto G.* Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo. – Nuova edizione / G. Berruto. – Roma: Carocci editore, 2012. – 280 p.
6. *Corbucci G.* Fenomeni di variazione sociolinguistica nell'insegnamento dell'italiano a stranieri / G. Corbucci. – URL: <http://ojs.cimedoc.uniba.it/index.php/glottodidattica/article/view/15>
7. *Eco U.* La lingua degli italiani, trent'anni dopo / U. Eco // Gli italiani e la lingua / a cura di Franco Lo Piparo e Giovanni Ruffino. – Palermo: Sellerio, 2003. – P. 31–42.
8. *Moretti B.* Alcuni aspetti della situazione sociolinguistica ticinese / B. Moretti // Bullettin CILA, 58, numero speciale a cura di Iwar Werlen, Schweizer Soziolinguistik – Soziolinguistik der Schweiz. – Berna: CILA, 1993. – P. 129–143.
9. *Serianni L.* Manuale di linguistica italiana. Storia, attualità, grammatical / L. Serianni, G. Antonelli. – Milano – Torino: Pearson Italia, 2011. – 305 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. *Da Malino F.* Personali, pronomi / F. Da Malino // Enciclopedia dell'Italiano 2011. – URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pronomi-personali_\(Enciclopedia_dell'Italiano\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/pronomi-personali_(Enciclopedia_dell'Italiano))

В.А. Курдюмов

Морфологический уровень китайского языка как изолирующего топикового. Сущность и содержание позиции частицы

В русле предложенной автором ранее предикационной концепции языка и её частного раздела — позиционной морфологии части речи в языках изолирующего строя (которые чаще всего являются языками с выдвижением топика) представляют собой не фиксированные словарные сущности, а позиции, сформированные либо в синхронии, либо, преимущественно, в диахронии (служебные позиции). В данной статье описываются как маршруты и диапазоны, так и конкретные частицы путунхуа, диалектов и некоторые архаичные частицы.

Within the author's previously proposed Predicationist concept of language and its positional morphology section, parts of speech in the isolative languages (which often are Topic-prominent) are not entities fixed in vocabulary, but rather the positions formed in either synchrony or predominantly in diachrony (position of function words). This article describes the routes, the ranges and the positions of particle in Putonghua and some archaic dialects.

Ключевые слова: частица; китайский язык; позиционная морфология; предикационная концепция языка; части речи; маршруты.

Keywords: particle; Chinese; positional morphology; predicationist concept of language; parts of speech.

Теоретическую основу данной статьи составляет предикационная концепция языка, разработанная на основе анализа явлений китайского языка и предполагающая, что язык рассматривается как совокупность предикационных цепей: процессов порождения и восприятия, причём такие цепи распространяются не только на синхронию, но и на диахронию [2]. Цепи могут быть представлены в русле структурных моделей с выделением основных этапов и соответствующих им образований (единиц), в отличие от традиционных представлений советской психолингвистической школы, где за основу берутся операции, а единицы если и рассматриваются, то достаточно размыто и абстрактно.

Более частная концепция позиционной морфологии [3] касается проблемы частей речи, которая по отношению к китайскому языку является «веч-

ной» и «нерешаемой»: в большинстве случаев частеречное значение зависит лишь от конкретного употребления и определяется синтаксисом. Автором предложены характеризующие частеречное состояние категории маршрута, диапазона и позиции.

Позиция (или морфологическая позиция) суть конкретное употребление с однозначной частеречной характеристикой; диапазон характеризует естественное состояние лексических единиц, которые, как правило, колеблются в пределах нескольких значений: к примеру, одна и та же единица (без дополнительной аффиксации или каких-либо трансформаций) может становиться глаголом, герундием, инфинитивом и существительным (строит – строить – строительство), а также причастием и относительным прилагательным, либо существительным и относительным прилагательным (Китай – китайский), либо глаголом и качественным прилагательным (зеленеть – зелёный). Диапазон находится в пределах узуса. Маршрут предполагает стилистическую окраску и (несколько насильственный) выход единицы за пределы диапазона (к примеру, китайские эквиваленты понятий *кофе* и *кофейничать*, воплощённые одной и той же единицей в китайском, причём глагольное состояние допустимо и понятно, но находится вне литературной нормы).

Топиковыми автор называет языки, где типичный говорящий в типичной ситуации говорения выбирает не «подлежащую» стратегию с уподоблением любой ситуации деятелю и действию, а топиковую, где канонически расчлennённое предложение состоит из характеризуемой и характеризующей части без необходимости согласования и унификации ролевой формы [3].

Служебные части речи, характеризующиеся «обслуживающей», «деривационной» функцией по отношению к оформляемым единицам, в китайском языке достаточно явно (и синхронно) проявляют знаменательную этимологию: предлоги — это одновременно и глаголы, счётные слова — существительные и т. д., за исключением междометий, которые, видимо, так или иначе реализуют изначальное состояние коммуникации, не требовавшей разделения на топик и комментарий / члены предложения.

Сущность и основные особенности позиций частиц в китайском языке

Частица (助词 в китайской терминологии) — позиция-маркер, с её помощью отмечается (маркируется) изменение грамматического или эмоционального значения единства, к которому частица присоединяется. «Единство», в свою очередь, представляет собой синтаксическую / морфологическую позицию любого ранга: от элементарной, заполняемой лексической, фразеологической, не-предикативно-синтаксической единицей (слово, фразеологизм, словосочетание), до предикативно-синтаксической (предложение).

Таким образом, под традиционным термином «изменение грамматического значения» понимается смена синтаксической / морфологической позиции, под термином «изменение эмоционального значения» понимается то, что условно можно обозначить как «смена стилистической позиции», смена модуса

или соотношения модуса и адреса (изменение адресно-модусной конфигурации при той же знаковой структуре предложения).

Частицу нельзя рассматривать как «абсолютный модификатор», или решающий фактор смены значения, — суждение о том, что качество единства меняется только и именно благодаря добавлению частицы, будет формалистичным и неверным. Частица всего лишь маркер, относительно факультативный «синтаксический аффикс».

Сентенциальные («фразовые») частицы

Сентенциальные частицы (语气助词, 语气词, 句末助词 в китайской терминологии) маркируют изменение соотношения адреса и модуса (указывают на изменение характера согласования деятельности между коммуникантами) при тождественном знаковом «наполнении» предложения, т. е. меняются модальность или стилистическая окраска высказывания, на что, наряду с другими факторами, указывают частицы. Фразовые частицы ставятся либо в конце предложения, либо по завершении коммуникативно значимой и выделяемой говорящим синтагмы (маркируют завершение топика или другие коммуникативно значимые логические паузы).

В чём сущность фразовой частицы как позиции? Возможно, наиболее прозрачной будет аналогия с современным русским языком, особенно с тем вариантом речи, который постоянно прерывается нецензурными вставками, к примеру (в относительно «мягком варианте»): *Я, блин, хотел, как лучшие* или *Я хотел как лучшие, вот блин* и пр. Синтаксически такие вставки могут заполняться как словами, так и словосочетаниями и предложениями. В принципе, они занимают позицию вводного элемента, т. е. дополнительного предиката субъективной модальности (оценки основного предложения), т. е. передают эмоции говорящего типа: *Мне нравится, что ..., Я в восторге от того, что ..., Я раздосадован тем, что ..., Я удивлён тем, что ...* и пр.

Однако в повседневной речи подобные элементы часто вообще теряют экспрессию, и на вопрос, зачем коммуникант пользуется подобными маркерами, следует ответ: мол, чтобы просто «разметить паузы». Таким образом, вводные элементы либо полностью, либо частично переходят в частицы (стремятся к переходу в позицию частицы). Следовательно, логичным было бы предположение о том, что сущность позиции частицы вообще и её маршрут в диахронии — оценочная или иная маркировка высказывания *в движении от вводных оценочных предикатов субъективной модальности*. В любом случае, если есть любая оценка (при помощи частицы, или даже просто интонации, или даже мимики, жестов), слушающий при восприятии обязательно разлагает высказывание говорящего на «чисто содержательный» и оценочный предикат (*Говорящий (при этом) удивлён, Говорящий (при этом) расстроен* и т. п.).

Аналогичным образом можно рассмотреть жаргонное употребление наречия *уже* в современном русском языке. В высказываниях типа *Да ты мне скажешь уже?* или *Да она надоела мне уже!* наречно-союзная функция фактически перекрывается эмоциональной, и *уже* стремится к переходу в частицу. Подобная

трансформация происходит с широко употребляемым в современной спонтанной речи наречным заместителем *как бы*, которое указывает на стилевой регистр речи: *Да мы как бы студенты, Мы как бы хотели зачёт сдать* и пр.

Кроме того, вполне естественно, что этимология некоторых частиц может восходить к междометиям, тем более что и в русском, и в китайском языках отдельные частицы совпадают с ними по форме:

междометие	→	частица
модальный маркер, являющийся целым предложением, носитель нерасчленённого предикативного значения, выражающий отношение говорящего к «основному» высказыванию	→	модальный маркер, корректирующий значение «основного» высказывания

Однако следует отметить, что этимология частиц в китайском языке (равно как и любом другом) достаточно неясна и требует дальнейшего изучения, хотя совершенно очевидно, что частицы возникли в результате «предельного» разгона сферы частеречных позиций после трансформации знаменательных позиций.

Как правило, каждому из китайских диалектов присущ собственный набор фразовых частиц, полностью или частично синонимичных частицам нормативного общегосударственного языка *путунхуа*, например:

- 嘛 *kuao, zhe*

我先至23嘛 = 我才23呀 *Да мне всего-то лишь 23 (года).*

Полностью иной, чем в *путунхуа*, набор частиц (причём не менее разнообразный) свойственен классическому литературному языку *вэньянь* (т. е. языку, который считался нормативным в письменном общении вплоть до 1920-х годов).

В современном китайском языке условно могут быть выделены группы (часто взаимозаменяемых) частиц с близким или связанным произношением, которые маркируют близкие оттенки, при этом чтение частиц и/или выбор конкретной частицы из группы может варьироваться в зависимости как от диалекта, так и от устоявшейся версии *путунхуа*, принятой в той или иной местности.

Этимологически многие «производные» частицы в группах могут рассматриваться как результат стяжения основной частицы в группе с какой-либо другой частицей (например, 啦 ← 了 + 啊; 嘛 ← 么 + 啊 и др.) или как результат ассимиляции звуков (частицы группы 啊 a).

Наиболее употребительные фразовые частицы можно сгруппировать следующим образом:

– частицы группы **ba**: 吧 (罢) *ba*, 呗 *bei* (口拜 *bai*), 罢了 *bale* (архаичный вариант — 而已 *éryi*) в общем и целом маркируют оттенки побуждения;

– частица **ne** (呐, возможные чтения *ni, na*) в общем и целом маркирует топик (в том числе и топик — целое высказывание) и необходимость его дальнейшего пояснения;

– частицы группы **ma**: 吗 *ma* (么 *ma, me*), 嘛 *ma* в общем и целом маркируют вопрос и убеждение-очевидность;

- частицы группы **la**: 了 le, 啦 la, 咯 lo в общем и целом маркируют изменение ситуации;
- частицы группы **a**: частица 啊 a и её варианты 呀 ya, 哇 wa, 哪 na;
- частица 的 -de в позиции фразовой частицы (структурная частица → фразовая частица).

Частицы группы **ba**

Частица 吧 ba (иногда пишется как 罢) в основном является побудительной, т. е. маркирующей побуждение к какому-то действию; остальные оттенки могут быть истолкованы как производные от основной роли. Приблизительный русский аналог — частица *Ну...* в начале предложений или синтагм.

Побуждение «в чистом виде» ([*Ну*] *сделай это!*; [*Ну*] *давайте сделаем это!*):

- 你们快过去吧! *Скорее подойдите!*
- 你快过来坐下吃饭罢! *Скорей подходи, садись есть!*

Рекомендация (мягкое побуждение) *Тебе (мне, ему) бы лучше...; Тебе бы сначала (мне, ему)...* с наречиями типа 还是 háishì, 先 xiān:

- 还是我来找吧! (*Ну*) *Лучше я поищу!*
- 还是给钱吧 (*Ну*) *Лучше дать (дай) денег; Лучше бы дал денег.*

Неполная, но всё же уверенность (*должно быть, наверное, обязательно*); обычно в вопросительных предложениях. Часто сочетается с вводными наречиями 可能 kěnéng *возможно*, 大概 dàgài *возможно, примерно*, 也许 yěxǔ *возможно, вероятно*, 一定 yīdìng *обязательно* и т. п.:

- 他们不来了吧? *Они (видимо) не придут? (Ну, они не придут?)*

在这儿打电话的人一定很多吧? (*Ну*) *Здесь, скорей всего, много тех, кто звонит по телефону?*

Побуждение – согласие – окончательное решение (*Ну так и ...*), часто в конце первой части сложных предложений:

- 那好吧, 我就买这件 *Ну хорошо, покупаю эту (вещь).*

那好罢, 我待会过来 *Ну хорошо, подойду позже.*

Оттенок *Ну, если ...* (в конце топика / условной части):

- 拿我家来说吧, 早上都忙着上班, 没时间吃早饭 *Ну, если говорить о нашей семье, то с утра спешим на работу, нет времени на завтрак.*

• 举例来说吧, 我们班就从来没有缺过课 (*Ну*), *К примеру, в нашей группе никто ни разу не пропускал занятия.*

Частица 呗 bei (иногда пишется как 口拜 с произношением bai; этимологически 呗 bei ← 吧 ba + 唉 e/ai) чаще всего маркирует оттенки типа *Да ведь ...,*

Ну это ясно..., Ну это же так просто..., Ну это же очевидно, Не стоит и говорить, что..., при этом чаще всего высказывание отражает недовольство или возмущение говорящего и может считаться не слишком вежливым ($\approx$ Ну ёлки-палки, это же....) и т. п.:

- 团结就是力量呗! *Да ведь в единстве сила!*
- 狗就是狗呗,还能是什么东西? *Да ведь собака это [лишь] собака, чем*

она ещё может быть?

В конце предложений с повтором глагольной группы и наречием → союзом 就 jiù частица 呗 bei маркирует оттенок типа ..., ну и пусть..., ..., ну и ладно..., ..., так..., ... и т. п.: глагол (+дополнение) + 就 jiù + глагол (+дополнение) + ... 呗 bei:

- 下就下呗,咱们带着雨衣呢! *Идёт, и пусть себе идёт [дождь], у нас с собой плащи!*

- 说就说呗,谁怕呀 *Говоришь, так говори, кому от этого страшно.*

Достаточно часто частица 呗 bei ставится после выражений типа 就得了, 就行了 на конце предложения (..., ну и достаточно, ..., ну и хорошо...):

- 我自己修理不就得了呗 *Да мы сами отремонтируем и ладно!*
- 我们准备好了就得了呗 *Мы приготовили и ладно!*

Частица 罢了 bale (и её архаичный аналог — 而已 éryǐ) придаёт высказыванию модальный оттенок ... всего лишь ..., ... всего только ..., ... просто-напросто..., ... и только и часто сочетается с наречиями-союзами со значением только (лишь), такими как 不过 búguò, 无非 wúfēi, 只 zhǐ, 仅仅 jǐnjǐn и др.

- 就是感觉不同罢了 *Ощущения разные и только.*
- 这不过是一个错误罢了 *Это всего лишь навсегда ошибка.*

Частица 呢 ne

Частица 呢 ne (также могла читаться как ní; иногда записывается как 呐) является приблизительным аналогом русских частиц *A...* или *...же...* (или комплекса *A... же ...*) и показывает, что упоминаемый факт (выраженный как словом, так и целым предложением) требует дальнейшей характеристики (дальнейшего описания), т. е. является топи́ком, требующим дополнительного комментария. Возможные оттенки являются производными:

我的钢笔呢? (我的钢笔在哪儿呢?) *А моя ручка? (А где моя ручка?)*

小李呢? 楼下有人找她。 (小李到哪儿去了呢?) *А Сяо Ли? Внизу её ищут.*

(А куда ушла Сяо Ли?)

Оттенок противопоставления (...), (а) я же... и т. п.)

- 他喜欢跳舞，我呢，喜欢打球 *Он любит танцевать, я же — играть*

в мяч.

你要是想去呢，我也不反对 *Если же ты захочешь уйти, то я не буду*

против.

Оттенок «заранее было известно»: *Да ведь... же...* (обычно в восклицательных предложениях):

- 我原来选了五门课呢！*Да ведь я первоначально выбрал пять уроков!*
- 这真不容易呢！*Ведь это так нелегко!*

Оттенок *а кто (же)...?, а что (же)...?, а где (же)...?* и пр. (обычно в вопросительных предложениях):

- 哪一种才是最理想的呢？*А какой же самый идеальный?*

她在哪儿呢？*Да где же она?*

Альтернативный вопрос (... или (же...)):

• 只有一辆车，你骑呢，还是我骑(呢)？*Велосипед только один, ты поедешь или же мне ехать?*

• 你喜欢这件呢，还是喜欢那件(呢)？*А тебе нравится эта или та (вещь)?*

Оттенок (*ведь*) *же ещё (не)*: (*ведь*) *уже* (с глаголами в отрицательной форме с 没 *méi* ((*ведь*) *ещё не*) **противопоставлен формам с суффиксом совершенного вида** 了 *-le*), (*ведь*) *ещё* (что-то длится — с глаголами с суффиксом продолженности 着 *-zhe*):

- 别开玩笑，上课呢！*Не надо шутить, ведь (ещё) идёт урок!*
- 孩子正洗澡呢！*А ребёнок как раз моется!*

Частицы группы *та*

Вопросительная частица 吗 *та* (иногда записывается как 么) представляет собой приблизительный аналог русской частицы *ли* или вопросительного наречия ↔ частицы *разве*, но, в отличие от них, в большинстве случаев ставится строго в конце предложения. Принципиально соблюдается следующая схема (естественно, с изменением интонации): **утверждение + 吗 *та* → общий вопрос.**

吗 *та* **не ставится** в предложениях, где вопрос задаётся при помощи вопросительных слов-заместителей типа 谁 *shuí*, 什么 *shénme*, 怎么 *zěnmě*, там, где есть вопрос с ...*или*... и т. д.

- 这是你的书吗？*Это твоя книга?*
- 您是从莫斯科来的吗？*Ты приехал из Москвы?*

В отличие от синонимичной формы с повтором и отрицанием типа 你认识不认识我? (*Ты знаешь меня?*) форма предложения с 吗 *ma* 你认识我吗? звучит (в принципе, как и в аналогичных случаях в русском языке) несколько менее категорично.

В предложениях с отрицаниями, особенно там, где есть 不是 *búshì*, оттенок *разве* усиливается; предложения, заканчивающиеся на обособленное 是吗? *shì ma?* или 不是吗? *búshì ma?*, могут переводиться с использованием оборотов типа *разве не так?*, *не так ли?*, *так ли?*, *да?*:

- 这不是他的方式吗? *Разве это не его метод?*
- 走了这么久,你不累吗? *Разве ты не устал, ведь шёл так долго?*

Частица 吗 *ma* может маркировать топик или первую часть сложного предложения, другие варианты обособления синтагм, внося оттенок: *Что же касается... ммм...*:

- 你要问我的意见吗,我不同意 *Если ты спросишь моё мнение, то я — не согласен.*

- 你要不是愿意去吗,就让小李去吧 *Если ты не хочешь идти сам, то — пусть идет Сяо Лю.*

При помощи частицы 嘛 *ma* (иногда записывается как 墨; некоторые носители языка часто смешивают частицы 嘛 *ma* и 吗 / 么 *ma*; этимологически 嘛 ← 么 + 啊) маркируется очевидность сказанного, производится убеждение собеседника, приводятся доводы (*Да (ведь)...*):

- 谁说我迟到了?我早就来了嘛! *Кто сказал, что я опоздал? Да я (же) как раз прибыл заранее!*

登山也是一项很好的运动嘛! *Да ведь альпинизм — тоже прекрасный вид спорта!*

嘛 *ma* часто используется в сложных предложениях со значением условия-уступки как после первой, так и после второй части (*Если уж..., Ведь если..., ..., тогда ведь...? , ..., тогда уж...*):

- 有意见就提嘛,你怎么不提呀? [*Если*] *уж* *есть* *мнение*, [*то*] *выскажи, чего же не говоришь?*

- 他自己要走的嘛,我有什么办法吗? [*Если*] *он сам захотел идти, то что уж мне делать?*

嘛 *ma* часто используется в побудительных предложениях для выражения надежды, совета, желая отговорить собеседника от какого-либо поступка (*...уж бы... (не)...*):

- 不让你唱,你就别唱嘛! *Не пел бы уж, если не разрешают!*

- 小明，汽车开慢一点儿嘛！*Сяо Мин, вёл бы ты машину помедленней!*

Как и другие частицы, 嘛 та может маркировать топик, первую часть сложного предложения и другие логические паузы (опять же с оттенком выражения очевидности, убеждения, побуждения и др.):

- 科学嘛,就得讲实事求是 *Ведь наука же должна иметь дело с фактами.*
- 所以嘛,他结果还是会赢的 *Вот поэтому в результате он может выиграть.*

выиграть.

Частицы группы la

Фразовая частица 了 le (了 -le₂; иногда записывается как 啦 la) по своей роли не слишком отличается от глагольного суффикса перфектности (завершённого вида) 了 -le¹ (了 -le₁). Фактически два 了 le — варианты одной и той же единицы в диапазоне глагольный суффикс ↔ фразовая частица.

А.А. Драгунов в монографии 1941 года [1: с. 225 и далее] называл 了 le «фразовым суффиксом», противопоставляя оба варианта 了 le другому «фразовому суффиксу» 呢 ne. Этимологически маршрут 了 le восходит к глагольному значению 了 liǎo закончить, завершить (这件事儿已经了啦 *Ну, с этим делом уже покончено*).

Если глагольный суффикс 了 -le маркирует завершённость действия и ставится непосредственно после глагольной основы, то 了 -le фразовое указывает на переход всей ситуации в новое качество (*уже получилось так*) и ставится в конце комментария (в конце предложения). С нашей точки зрения, различие между ними гораздо менее принципиально, чем это обычно принято считать: если 了 -le₁ представляет собой суффикс собственно глагола (одно- или много-сложной единицы в глагольной позиции), то 了 -le₂ — суффикс «большого глагола», каковым и является комментарий, к примеру, в таких разговорных высказываниях, как:

你知道是什么时候了不? *Ты знаешь, сколько уже / стало времени?*

Показательно, что в отдельных случаях два варианта 了 le вообще почти не различимы, как, например, в предложениях типа:

- 今天你走了,一路顺风... *Сегодня ты уже уезжаешь, счастливого пути...*
- 天黑了.两边的路灯亮起来 *Стемнело. По краям дороги зажглись фонари.*
- 这块土地已经空了好多年,一直没有人管理 *Эта земля уже много лет*

остаётся пустой, всё некому ею управлять. (либо 空了好多年 — глагол + суф-

¹ Глагольный суффикс 了 -le₁ подробно рассмотрен нами ранее, см. [3: с. 262–268], там же рассмотрены ситуации, где нужно различать суффикс и частицу (если необходимо), но — «с позиции суффикса».

фикс + дополнение длительности, либо топик с частицей 这块土地已经空了 + 好多年 комментарий).

Если всё же следовать традиции и требовать различения двух вариантов: 了 $-le_1$ и 了 $-le_2$ (хотя, подчёркиваем ещё раз, для позиционной морфологии это не настолько существенно), то приняты формальные правила, наиболее общим из которых является то, что если 了 $-le$ находится там, где глагольному суффиксу не место, а именно: после прилагательных, существительных, местоимений, глаголов с отрицаниями и пр., то это фразовое 了 $-le_2$.

В роли аналогов современной вопросительной частицы 吗 *ma* в вэньяне могли выступать следующие конечные частицы: 乎 *hū*, 邪 (邪) *yé*, 也乎 *yě hū*, 与 (软) *yǐ*:

- 远来相视，子令吾去。败义以求生，岂荀巨伯所行邪！ [Я] *прибыл*

увидеться издалека, [а] Вы велите мне уйти. Потерять честь, чтобы спасти жизнь — разве так поступает Сюнь Цзюйбо?

- 是鲁孔丘软? *Это Кун Цю из Лу?*

Библиографический список

Литература

1. Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка / А.А. Драгунов. – 2-е изд. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – 270 с.
2. Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка / В.А. Курдюмов. – М.: Военный ун-т, 1999. – 194 с.
3. Курдюмов В.А. Курс китайского языка: Теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов. – М.: Цитадель, Лада, 2005. – 576 с.

References

Literatura

1. Dragunov A.A. Grammaticheskaya sistema sovremennogo kitajskogo razgovornogo yazy'ka / A.A. Dragunov. – 2-e izd. – L.: Izd-vo LGU, 1962. – 270 s.
2. Kurdyumov V.A. Ideya i forma. Osnovy' predikacionnoj koncepcii yazy'ka / V.A. Kurdyumov. – M.: Voenny'j un-t, 1999. – 194 s.
3. Kurdyumov V.A. Kurs kitajskogo yazy'ka: Teoreticheskaya grammatika / V.A. Kurdyumov. – M.: Citadel', Lada, 2005. – 576 s.

**Г.Т. Хухуни,
А.А. Осипова**

Понятие «библейский язык» как переводческая проблема

В статье рассматривается понятие «библейский язык», имеющее несколько связанных, но не совпадающих друг с другом значений (сами языки, на которые переводилась Библия, их лексика и фразеология, стилистическая характеристика библейских книг). Анализируется традиция библейских переводов в России в связи со спецификой функционирования в качестве переводных церковнославянского и русского языков, а также полемика относительно современных подходов к передаче текстов Священного Писания.

The present paper deals with the notion «Biblical language». This term has different meanings (the languages themselves, actually used as target languages for the books of the Bible, words and phrases, typical for religious texts, and the style of the Bible translation in different versions). The tradition of such translations in Russia in connection with the using of Russian and Church Slavonic languages and the discussions about modern approaches to the rendering of the Holy Writ are also analyzed.

Ключевые слова: Библия; язык; перевод; текст; традиция.

Keywords: the Bible; language; translation; text; tradition.

При исследовании понятия «библейский язык» в первую очередь принимаются во внимание следующие его аспекты:

- общелингвистический (язык, на который переводится Священное Писание);

- лексико-фразеологический (совокупность лексических единиц и устойчивых выражений — «библейзмы»), связанных с передачей содержания Ветхого и Нового Завета и вызывающих в памяти соответствующие ассоциации);

- лингвостилистический, придающий тексту определённую окраску («возвышенную», «разговорную», «сниженную» и т. п.).

При рассмотрении первого аспекта отметим следующее. С одной стороны, Библия предназначена для определённой аудитории в качестве текста для чтения; с другой — является важнейшим богослужебным элементом христианского (а её ветхозаветная часть — и иудейского) культа. Как известно, в те или иные эпохи в различных религиозных традициях «библейские языки» в указанных сферах могут не совпадать. Если применительно к протестантским конфессиям можно говорить об их изначально едином характере, то в католической церкви дело обстояло иначе: от теории триязычия, означавшей, по существу, монополию латыни, через разрешение использовать переводы на народные языки «для душеполезного чтения», — к закреплению последних и в литургической сфере. Наконец, говоря о том, что понимается под «библей-

ским языком» в Русской Православной Церкви, приходится констатировать существование ярко выраженной оппозиции русского и церковнославянского.

Русский язык, несомненно, является в наши дни доминирующим во всех коммуникативных сферах, *кроме* литургической, где (несмотря на старания православных модернистов и многочисленные дискуссии, посвящённые этой проблеме) почти безраздельно господствует церковнославянский. Нельзя не отметить в данном случае наличия, на первый взгляд, своеобразного конфессионально-лингвистического парадокса. А именно: канонизировавшая в своё время Вульгату в качестве «богодухновенной», католическая церковь отказалась от монополии латыни как «библейского языка» в собственно богослужебной области, но сохранила её в качестве официального языка папских энциклик. Находившаяся же всегда в резкой оппозиции к «триязычникам-пилатникам» Русская Православная Церковь заняла обратную позицию.

Вместе с тем достаточно долго сама возможность использования русского языка в качестве «библейского» (т. е. функционирование его как языка перевода Священного Писания) ставилась под сомнение. В частности, российский писатель и государственный деятель XIX века А.С. Шишков, по ироничному (хотя несколько одностороннему) замечанию русского библеиста И.А. Чистовича, «образовал свой вкус и язык на чтении славянской библии, четых-миней и произведений духовного витийства прошлого (т. е. XVIII. — Г.Х., А.О.) века. В славянском языке он видел корень русского языка, в славянской библии — образцы для дальнейшего развития русского языка» [14: с. 66]. Показательно в этом отношении часто цитируемое высказывание А.С. Шишкова: «Когда поют: се женихъ грядеть въ полнощи, я вижу Христа; но когда тожь самое скажутъ: вонъ женихъ идетъ въ полночь, то я отнюдь не вижу тутъ Христа, а просто какова нибудь жениха. Сколько смешно въ простыхъ разговорахъ говорить высокимъ славенскимъ слогомъ, столько же странно и дико употреблять простой языкъ въ священном писании» (цит. по: [2]). Его современник М.М. Сперанский писал по поводу русского перевода Евангелия: «Какая разность, какая слабость в сравнении с славянским! Может быть, и тут действует привычка, но мне кажется — всё не так и не на своём месте: и хотя внутренне я убеждён, что это всё одно и то же, но нет ни той силы, ни того услаждения. Вообще, я никогда бы не смел одобрить сего установления... Никогда русский язык не сравнится с славянским ни точностью, ни выразительностью форм, совершенно греческих. *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ.* И сказал Бог, чтобы был свет, и был свет... в одном есть нечто столь быстрое, точное; в другом все вяло, неопределенно, *vulgaire*» [14: с. 37].

Проблема выбора языка для перевода библейского текста занимала исследователей и в XX веке. Так, по мнению видного отечественного филолога-классика А.Ч. Козаржевского, сравнение различных переводов Евангелия выявляет очевидность того, что церковнославянский язык конгениален греческому. Перевод, выполненный на церковнославянском языке, точен как с точки зрения сюжета, так и с точки зрения смысла. Ни латинский, ни русский переводы не могут, по мнению А.Ч. Козаржевского, претендовать на такую точность и чистоту. Сложности церковнославянского языка пугаться, по мнению

учёного, не стоит, так же как и не стоит рассматривать его в качестве языка иностранного, того, который следует выучить, потому как носитель русского языка уже хранит церковнославянский в своих генах.

В 30-х годах прошлого века историк и философ русского зарубежья Г.П. Федотов, говоря о причинах, побуждающих отдавать при передаче библейского текста преимущество церковнославянскому языку, а не русскому, заметил, что слова и выражения церковнославянского языка, которые не стали частью разговорного пласта лексического фонда, а функционируют только в религиозном дискурсе, приобретают некую торжественную коннотацию. Г.П. Федотов также указывал, что никаких черт аристократичности в момент появления у церковнославянского языка не было. И лишь со временем, благодаря употреблению практически только в религиозной сфере, данный язык приобретает статус языка сакрального и торжественного. Безусловно, немаловажную роль в поддержании у церковнославянского языка такого статуса играют ассоциации — в сознании носителя современного русского языка церковнославянский язык и понятия религии, канонического текста неразрывно связаны.

В целом, разумеется, с этим вполне можно согласиться. Однако приходится принимать во внимание, что представление о связи «с кругом религиозных идей и чувств» может порой приводить к довольно неожиданным результатам. Вполне справедливым можно считать замечание Г.П. Федотова относительно того, что многие славянские слова приобретают иногда в современном употреблении комические коннотацию и звучание вследствие возникновения различных ассоциаций.

Характерен в этом смысле случай, относящийся к переводческой деятельности Библейского общества в начале XIX столетия: «Князь Голицын [тогдашний президент Общества. — Г.Х., А.О.] обратил внимание митрополита Серафима на перевод 2-го стиха в псалме 2-м: *живущий на небесах, улыбается Господь, смеётся им*, предлагая перевести его другим каким-либо образом, более приличествующим. М(итрополит) Серафим отвечал, что ‘он предлагал о сем комитету, который согласился перевести сей стих так: *живущий на небесах осклабляется и Господь посмеивается им*. Слово *осклабляется* — ...яко славянское более приличествует здесь, нежели улыбаться. Лучше сего перевести не придумали’» [14: с. 37–38]. Очевидно, что даже современные сторонники приоритета церковнославянского языка в библейских переводах не приняли бы предложенный почтенным иерархом вариант.

Впрочем, уже в XIX столетии принижение возможностей русского языка как «недостаточно библейского» по сравнению с церковнославянским и отрицание возможности адекватного воссоздания на нём книг Священного Писания вызывало и противоположную реакцию, примером которой может служить рассуждение по данному вопросу историка Н.А. Астафьева: «Имея в виду лишь точность и ясность передачи речи с одного языка на другой, что при переводе составляет, конечно, главное, и оставляя в стороне посторонние соображения, беспристрастный человек вряд ли усумнится, какому языку отдать предпочтение, — языку ли народа, едва начинающего жить гражданской жизнью

и не имеющего еще собственной письменности, или языку, прошедшему уже тысячелетний период развития и имеющему богатую литературу» [5: с. 199].

Укажем на ещё одну сторону, обусловленную фактором языковой изменчивости. Благодаря деятельности Российского Библейского Общества в 1819 году вышло первое издание Евангелия на русском языке. Оно было снабжено предисловием, подписанным тремя видными иерархами Русской Православной Церкви. Причём один из них (упомянутый выше митрополит Серафим) в дальнейшем зарекомендовал себя как последовательный противник создания «русской Библии», а другой — прославленный впоследствии митрополит Московский Филарет — вошёл в историю как организатор и вдохновитель создания Синодального перевода Священного Писания, донныне являющегося основной его русскоязычной версией. В этом предисловии интересно следующее суждение: «... Между тѣмъ какъ языкъ въ книгахъ неизмѣнно храниться можетъ многіе вѣки, языкъ въ устахъ народа въ одномъ вѣкѣ измѣняется много; и написанное за нѣсколько столѣтій на нашемъ отечественномъ языкѣ нынѣ намъ уже мало понятно, безъ особеннаго изученія сего языка въ древнемъ его состояніи. Изъ сего открывается, для безпрепятственнаго употребленія и распространенія Слова Божія, необходимость не только переводить Священное Писаніе на отечественный языкъ, но и на семь самомъ языкѣ отъ времени до времени возобновлять переводъ, сообразно съ состояніемъ сего языка въ его народномъ употребленіи» [2].

Справедливость приведённых строк, по нашему мнению, бесспорна; однако стоит обратить внимание на следующие нюансы. Во-первых, само понятие «состояния языка в его народном употреблении» у различных носителей этого языка может существенным образом различаться. В этой связи можно вспомнить полемический отклик одного из отечественных богословов советской эпохи А.И. Иванова на вышедший в середине прошлого столетия за рубежом перевод Нового Завета. Упомянув о содержащемся в предисловии к названной версии утверждении о необходимости возобновлять переводы Библии как можно чаще, учитывая изменения в современной языковой системе, А.И. Иванов иронически замечает, что проживающие за пределами России инициаторы перевода едва ли в полной мере могут владеть современным русским разговорным языком. Учёный также приводит довольно любопытный пример «модернизации» посредством лексической единицы, ставшей к тому времени в России уже историзмом: «‘И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два’... Новый перевод стремится придать этому понятию современное значение и употребляет слово ‘верста’. Такая модернизация едва ли уместна в применении к Священным Письменам, и если доводить её до конца, то ещё более современным в данном случае был бы термин ‘километр’» [7].

Во-вторых, приходится принимать во внимание фактор, о котором упоминал С.С. Аверинцев, также занимавшийся переводами библейских книг: если перевод один, то простой читатель (а не профессиональный теолог, филолог или переводчик) не задумывается над степенью точности данного перевода, иногда даже не отдавая себе отчёт в том, что перед ним не подлинник. В случае, когда переводов много, уверенность в достоверности одного или нескольких может исчезнуть.

Безусловно, для православных священнослужителей начала позапрошлого столетия было совершенно очевидно — цитировать Священное Писание полагается по-церковнославянски. Однако в наши дни данная проблема весьма актуальна (причём отнюдь не только для верующих), ибо неизбежно возникает вопрос, какой из библейских переводов приходится считать (в том числе и в языковом отношении) более «библейским»? С другой стороны, отход от привычного и ставшего традиционным текста (каковым к настоящему времени в отечественной культуре единодушно и вполне справедливо признаётся Синодальный перевод) неизбежно порождает достаточно болезненную реакцию у значительного числа тех, кто сталкивается с более «современными» версиями, причём отторжение последних зачастую не ограничивается чисто языковым аспектом.

Так произошло, в частности, и с недавно вышедшим современным русским переводом, выпущенным Российским Библейским обществом. В ходе сопровождавшей это событие дискуссии нередко звучали и утверждения, подобные следующему: «Стоит ли нам в настоящий момент резко менять сложившуюся историческую традицию использования канонического синодального перевода Библии в богослужебной практике и народном чтении на более доступный и упрощённый вариант перевода, рассчитанный на неучей и лиц, никак не связанных с русской православной традицией?» [10].

Таким образом, подводя итог нашему описанию данного вопроса, можно констатировать, что проблема «библейского языка» носит сложный и разноаспектный характер, а её дальнейшее изучение как с собственно филологических, так и с лингвокультурных позиций представляется крайне актуальной задачей.

Библиографический список

Источники

1. Инока Максима Грека Сказание о еже како подобает блюсти исповедание православныя веры / Максим Грек. — URL: <http://starajavera.narod.ru/maksimgrek1.html>, режим доступа: свободный.
2. Опытъ переложения на русскій языкъ священныхъ книгъ Новаго Завета Россійскаго Библейскаго Общества. ВОЗГЛАШЕНИЕ КЪ ХРИСТОЛЮБИВЫМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ, напечатанное при первомъ Изданіи Евангелія на Рускомъ нарѣчїи. — URL: biblia.russportal.ru/index.php?id=newt.rbo.rb02, режим доступа: свободный.
3. Юнгеров П.А. Введение в Ветхий Завет. Книга первая / П.А. Юнгеров // Holy Trinity Orthodox Mission. — URL: <http://www.magister.msk.ru/library/bible/history/yungеров/yungер00.htm>, режим доступа: свободный.

Литература

4. Аверинцев С.С. Послесловие переводчика / С.С. Аверинцев // Электронная библиотека «Грамотей». — URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269049099#ТОС_idm140305295037856, режим доступа: свободный.
5. Астафьев Н.А. Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами / Н.А. Астафьев. — [Б. м.]: Adamant Media Corporation, 2001. — 252 с.
6. Десницкий А.С. Библейские переводы С.С. Аверинцева и читатель XXI века / А.С. Десницкий. — URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1687239.html>, режим доступа: свободный.

7. *Иванов А.* Новый перевод на русский язык Евангелия от Матфея (окончание) / А. Иванов // Журнал Московской Патриархии. – 1954. – № 5. – URL: <http://archive.jmp.ru/page/index/195405369.html>, режим доступа: свободный.
8. *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя) / В.В. Калугин. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 416 с.
9. *Козаржевский А.* Церковнославянский язык — это чудо... Из интервью православной газете МГУ «Татьянин день» / А. Козаржевский // Православный журнал «Благодатный огонь». – URL: <http://www.blagogon.ru/biblio/39/>, режим доступа: свободный.
10. *Мотков С.И.* О новом переводе Библии на русский язык / С.И. Мотков. – URL: <http://kopio.ru/o-novom-perevode-biblii.htm>, режим доступа: свободный.
11. *Николсон Г.* Дипломатия. – М.: ОГИЗ, 1941. – URL: <http://scilib.narod.ru/Other/Nickolson/Diplomacy.htm#X>, режим доступа: свободный. – Электрон. версия печ. публикации.
12. Тезисы Пражского лингвистического кружка / Пражский лингвистический кружок: сб. ст. / Сост. Н.А Кондрашов. – М.: Прогресс, 1967. – С. 17–41.
13. *Федотов Г.П.* Славянский или русский язык в богослужении? / Г.П. Федотов // Путь. – 1938. – № 57. – Сентябрь – Октябрь. – С. 3–28. – URL: <http://azbyka.ru/tserkov/tserkovno-slavyanskiy/yazik-all.shtml>, режим доступа: свободный.
14. *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык / И.А. Чистович. – 2-е изд. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – 347 с.

References

Istochniki

1. Inoka Maksima Greka Skazanie o ezhe kako podobaet blyusti ispovedanie pravoslavny'ya very' / Maksim Grek. – URL: <http://starajavera.narod.ru/maksimgrek1.html>, rezhim dostupa svobodny'j.
2. Опы't'' perelozheniya na russkij yazy'k'' svyashhenny'x knig Novago Zaveta Rossijskago Biblejskago Obshhestva. VOZGLASHENIE K KRISTOLYUBIVY'M'' CHITATELYAM, napechatannoe pri pervom Izdanii Evangeliya na Ruskom' narechii. – URL: biblia.russportal.ru/index.php?id=newt.rbo.rb02, rezhim dostupa svobodny'j.
3. *Yungerov P.A.* Vvedenie v Vetxij Zavet. Kniga pervaya / P.A. Yungerov // Holy Trinity Orthodox Mission. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/bible/history/yungerov/yunger00.htm>, rezhim dostupa svobodny'j.

Literatura

4. *Averincev S.S.* Posleslovie perevodchika // E'lektronnaya biblioteka «Gramotey» / S.S.Averincev. – URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269049099#TOC_idm140305295037856, rezhim dostupa svobodny'j.
5. *Astaf'ev N.A.* Опы't istorii Biblii v Rossii v svyazi s prosveshheniem i npravami / N.A. Astaf'ev. – [В. м.]: Adamant Media Corporation, 2001. – 252 с.
6. *Desniczkij A.S.* Biblejskie perevody' S.S. Averinceva i chitatel' XXI veka / A.S. Desniczkij. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1687239.html>, rezhim dostupa svobodny'j.
7. *Ivanov A.* Novy'j perevod na russkij yazy'k Evangeliya ot Matfeya (okonchание) / А. Иванов // Zhurnal Moskovskoj Patriarxii. – 1954. – № 5. – URL: <http://archive.jmp.ru/page/index/195405369.html>, , rezhim dostupa svobodny'j.

8. *Kalugin V.V.* Andrej Kurbskij i Ivan Grozny'j: (Teoreticheskie vzglyady' i literaturnaya texnika drevnerusskogo pisatelya) / V.V. Kalugin. – M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1998. – 416 s.

9. *Kozarzhevskij A.* Cerkovnoslavyanskij yazy'k — e'to chudo... Iz interv'yu pravoslavnoj gazete MGU «Tat'yanin den'» / A. Kozarzhevskij // Pravoslavny'j zhurnal «Blagodatny'j ogon'». – URL: <http://www.blagogon.ru/biblio/39/>, rezhim dostupa svobodny'j.

10. *Motkov S.I.* O novom perevode Biblii na russkij yazy'k / S.I. Motkov. – URL: <http://kopio.ru/o-novom-perevode-biblii.htm>, rezhim dostupa svobodny'j.

11. *Nicolson G.* Diplomatiya. – M.: OGIZ, 1941. – URL: <http://scilib.narod.ru/Other/Nickolson/Diplomacy.htm#X>, rezhim dostupa svobodny'j. – E'lektron. versiya pech. publikacii.

12. Tezisy' Prazhskogo lingvisticheskogo kruzhka / Prazhskij lingvisticheskij kruzhok: sb. st. / Sost. N.A Kondrashov. – M.: Progress, 1967. – S. 17–41.

13. *Fedotov G.P.* Slavyanskij ili russkij yazy'k v bogosluzhenii? / G.P. Fedotov // Put'. – 1938. – № 57. – Sentyabr' – Oktyabr'. – S. 3–28. – URL: <http://azbyka.ru/tserkov/tserkovno-slavyanskiy/yazik-all.shtml>, rezhim dostupa svobodny'j.

14. *Xristovich I.A.* Istoriya perevoda Biblii na russkij yazy'k. – 2-e izd. – SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899. – 347 s.

В.М. Костева

Лингвистические исследования в тоталитарных государствах

В статье рассматриваются основные направления развития лингвистики в тоталитарных государствах XX века, выявляется взаимосвязь лингвистики и государственной политики, определяется влияние политических и идеологических установок государства на развитие лингвистики, раскрывается проявление «тоталитарности» в лингвистической парадигме указанного периода.

The paper examines the main trends of development of linguistics in the twentieth century in the totalitarian states, discovers the relationship of linguistics and public policies, determines the impact of public policy on language policy, and reveals a manifestation of «totalitarianism» in the linguistic paradigm of the period.

Ключевые слова: тоталитарный; лексикография; социология; диалектология; культура речи.

Keywords: totalitarian; lexicography; sociology; dialectology; culture of speech.

Разрабатывая концепцию «тоталитарной» лингвистики, мы исходим из положения о том, что она является составной частью тоталитарной парадигмы. Находясь в неразрывной связи с тоталитарным государством, «тоталитарная» лингвистика проецирует на себя родовые признаки тоталитаризма. Как и остальные понятийные категории этой парадигмы — тоталитарный дискурс, тоталитарный и антитоталитарный языки, — концепт «тоталитарной» лингвистики имеет несколько реализаций, среди которых — научные школы и направления, существующие в тоталитарном обществе [2: с. 65]. Развитие науки вообще, и лингвистики как важной духовной составляющей общественной жизни особенно, определяется политикой государства, т. е. зависит от общественной парадигмы, связано с текущими задачами устройства или переустройства общества.

В данной статье мы остановимся на некоторых аспектах лингвистических исследований следующих политических режимов XX века: СССР (1923–1953), Германии (1933–1945), Италии (1922–1943), Испании (1939–1975), Албании (1941–1985) и Румынии (1948–1989), так как именно они представляют собой, по мнению большинства политологов, историков и обществоведов, образец тоталитарного государственного устройства на разных этапах его развития и в различные временные периоды XX века. Следует отметить, что тоталитарный характер лингвистики в данных государствах связан прежде всего с дискурсивными практиками тоталитарного общества в духе М. Фуко. К числу основных относятся выполнение социального и политического заказа органов власти на исследования в лингвистической области, решение языковедческих задач, возведённых правительственными кругами в ранг общегосударственных и приоритетных; личные научные искания

учёных и научных коллективов, связанные в том числе и с приспособлением к тоталитарной государственной политике. Отметим, что вышеперечисленные факторы влияния имеют место и в нетоталитарных государствах. Но, согласно нашей концепции, признаки «тоталитарной» лингвистики аналогично признакам тоталитарного государства, выделенным в тоталитарной модели К. Фридриха и З. Бжезинского (1965), имеют релевантный характер, т. е. могут существовать и в государствах с иным общественным устройством.

Будучи порождением тоталитарного государства, «тоталитарная» лингвистика не является неким монолитом с застывшим механизмом действия. Её изменения происходят параллельно с изменениями политических интересов правящих кругов, они связаны также со степенью развития тоталитарного государства. На этапе становления тоталитарного общества, представляющего собой, как правило, многонациональное государство, в круг политических и лингвистических интересов и задач входило развитие диалектов и языков национальных меньшинств. В развитом тоталитарном государстве актуальными стали вопросы, связанные с формированием общегосударственного языка, что было сопряжено с решением ряда принципиальных вопросов, в том числе о выборе диалекта, который может быть положен в основу общенационального языка; о его нормах; о способах его культивирования и пр. Это, в свою очередь, привело к смещению акцента с изучения национальных языков на изучение общенационального языка. Известно, что многие решения в области языковой политики были приняты исходя из политических интересов и пристрастий правящей элиты, что требовало подтверждения правильности выбранного курса в форме статей и выступлений.

Построение нового общества связано с созданием новой общественной парадигмы и соответственно с созданием новых траекторий развития отдельных наук. В нацистской Германии это была так называемая «новая философия языка», предполагающая обновление науки о языке, отказ от позитивизма в языкознании и утверждение идеалистической философии языка, создание новых учений о языке, в результате которых появилась, например, теория языка «материнский язык – языковое сообщество» [1: с. 7].

В СССР начала правления И.В. Сталина лингвисты стремились к созданию подлинно марксистского языкознания, базирующегося на идеях марксизма-ленинизма, понимаемых ими, однако, по-разному (ср., например, работы Т.П. Ломтева «За марксистскую лингвистику», Е.Д. Поливанова «За марксистское языкознание»; Р.О. Шор «Неотложная задача (к построению марксистской философии языка)» и др.).

Новая тоталитарная лингвистическая парадигма, возникшая на следующем этапе развития тоталитарного государства, была связана с монополией одного или нескольких научных направлений. Доминирующей становится теория, имеющая на тот временной период наибольший интерес и поддержку административного ресурса. Так, «Новое учение о языке» Н.Я. Марра как нельзя лучше соответствовало общественно-политической парадигме конца 1920-х – начала 1930-х годов и на государственном уровне было признано единственно правильным. Насажде-

ние, а затем развенчание марровской теории было осуществлено с привлечением государственного авторитета и диктата, с помощью мер, заставлявших лингвистов работать в русле данного направления, в том числе преференций, получаемых последователями марризма.

Примеру СССР следовали и другие тоталитарные государства. Участие в осуждении теорий марристов было, например, обязательным элементом работы лингвистов Румынии послевоенного времени [6: S. 23]. В Германии в 1933 году статус государственной политики получила расовая теория языка. Это решение было принято также без научных дискуссий и серьёзных доказательств её научности и аутентичности [4: с. 126].

Это не означает, что исследования другого рода не проводились вообще. Упомянем, например, телеологическое направление в Германии, психолингвистическое направление в Румынии. Однако большинство лингвистических теорий в тоталитарных государствах было связано с социологизмом. Актуальными стали вопросы социальной обусловленности языка и формы её проявления, функциональная и территориальная неоднородность языков. В СССР и Германии социологическая направленность лингвистических исследований определялась обращением к идеям В. фон Гумбольдта и их интерпретацией с позиций доминирующих идей расы (Германия) [4] и социума (СССР).

Социологические изыскания стали ведущими в социалистических государствах Румынии и Албании и во многом копировали научные исследования в СССР. В Румынии разрабатывалась теория зависимости развития языка от уровня развития производства и роли языковой коммуникации в процессе производства [6: S. 30]. Социологический подход утвердился также в диалектологических исследованиях В.М. Жирмунского и немецких учёных-диалектологов, в том числе Т. Фрингса. Центр фонетических и диалектологических исследований Бухареста сфокусировал своё внимание на изучении взаимоотношения литературного языка и диалекта у носителей диалекта [6: S. 28–29].

В связи с распространением и пропагандой общенародного языка развитие получили диалектологические и исторические исследования конкретного языка. По собранным нами статистическим данным на основании «Библиографического указателя литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 год» [12], в СССР за период тоталитарного правления на 296 работ по изучению русского языка приходилось 90 работ по диалектологии, что составляет более 30 % от общего количества.

Установление литературной нормы общегосударственного языка проходило в тесной взаимосвязи с вопросом о литературном языке. В Румынии, например, эта проблематика стала подлинно государственной задачей, нашла своё отражение в общественной жизни страны через газетные и журнальные публикации. Благодаря СМИ в обиход вошло выражение *cultivarea limbii* (культивирование языка), под которым понималась борьба за правильную устную и письменную речь [10: S. 1440]. Развитие данного направления осуществлялось с помощью специальных языковых институтов и комиссий, проводивших обширные общественные кампании.

Пристальное внимание государства к данному вопросу способствовало вовлечению в эту работу практически всех лингвистов страны, что привело к появлению огромного количества научных трудов по данной теме. В качестве примера приведём несколько названий: «Сборник статей по вопросам культуры речи на румынском языке и привития навыков правильной речи учащимся средней школы Румынии» («Cultivarea limbii, culugere de articole», 1964), «Вопросы культуры речи» А. Граура («Limba corectă», 1963). Чрезвычайно актуальными становятся вопросы культуры устной и письменной речи в СССР, что по временным рамкам совпадает с переходом от идеи равенства всех наций и языков к идее общегосударственного языка. К наиболее заметным работам в этой области можно отнести труды «Русская орфоэпия и её задачи» Д.Н. Ушакова, (1929), «Культура языка. Очерки лингвистической технологии» Г.О. Винокура (1925, 1929).

Вероятно, установка тоталитарного государства на сверхзадачи способствовала развитию крупномасштабных лексикографических проектов. В Румынии к таковым относится, например, «Академическая грамматика румынского языка» («Gramatica academică a limbii române»). К работе по её созданию было привлечено большое количество учёных из университетов и исследовательских институтов, которые впоследствии создали целый ряд авторских пособий, рассчитанных на разные уровни владения языком. С 1965 года была вновь начата работа над тезаурусом румынского языка. В Испании в 1947 году была возобновлена работа над созданием исторического словаря. Новый проект, одобренный Королевской академией и возглавляемый Х. Касаресом, предусматривал создание 15 томов общим объёмом в 16 000 страниц, осуществление проекта должно было завершиться через 35 лет [5: с. 88].

Лексикографическая практика во многом определялась политическими и идеологическими соображениями. Так, например, в двуязычной лексикографии Албании издавались словари, использовавшие преимущественно материал языков дружественных на тот период стран: русского, болгарского, венгерского и сербско-хорватского. Решение проблем в области взаимоотношений диалектов также нашло своё отражение в лексикографии. Албано-немецкий словарь (1954) основывался на текстах северо-гегской литературы предвоенного времени. Этот шаг можно было расценить как определённую уступку населению, говорящему на северном — гегском наречии, и одну из возможностей привлечь его на сторону политического руководства, после того как правящими кругами по политическим соображениям было принято решение использовать в качестве общенационального литературного языка южное — тоскское наречие [10].

Составление толковых словарей было связано также с формированием тоталитарного языка, так как именно словарь снабжает пользователя системой идеологических предписаний и зависимостей, а также способствует формированию насаждавшейся идеологии и её инструмента — тоталитарного языка. Словарная кодификация слов с помощью специального метаязыка являлась задачей прежде всего лингвистической. Следовательно, учёные были вынуждены создавать основы тоталитарного языка как части идеологическо-

го дискурса, использовали в своей работе различные методы, в том числе и кодификацию нетрадиционной сочетаемости, отражающей идеологические стандарты, создавали искусственные идеологемы.

Немаловажным фактором развития лингвистики в тоталитарных государствах являются личные научные искания учёных, связанные с инстинктом самосохранения в существующем тоталитарном режиме. Так, в Испании диктатура Франко, провозгласив лозунг “¡Muera la inteligencia! ¡Viva la Muerte!” (Смерть интеллигенции! Да здравствует смерть!), во время гражданской войны 1936–1939 годов и в послевоенное время инициировала расстрел 6000 преподавателей, 100 из 430 профессоров испанских университетов. Большое число учёных, профессоров вынуждены были эмигрировать. Естественно, что оставшиеся в живых предпочли заниматься темами, предписываемыми и субсидированными правящими кругами, в частности, связанными с апологией франкизма, с XIII веком, чтимым как золотой век западной цивилизации [3]. Основным содержанием научной работы созданной комиссии по культуре и образованию (*la Comisión de Cultura y Enseñanza*) стало заимствование научных разработок, ещё не переведённых на государственный язык.

В СССР занятия даже такими «мирными» аспектами, как изучение истории славянских языков или древних памятников литературы, могли стать причиной ареста и последующей ссылки или расстрела (Дело «славистов» 1933–1934 гг.). Поэтому учёные были вынуждены постоянно искать «безопасную» тему для своих научных занятий и изысканий. Борьба с формализмом в языкознании заставила, например, В.М. Жирмунского заняться фольклором и диалектами, что нашло широкий отклик у его учеников и стало поощряться правительственными кругами. Однако уже с середины 1930-х годов, с началом антинемецкой компании, исследования в области немецкого языка стали опасными, и учёный несколько раз был арестован как немецкий шпион [11].

В Германии в 1933 году был введён запрет на профессию для людей еврейской национальности, так как они считались политически неблагонадёжными, в результате чего эмиграция учёных и преподавателей стала массовой. Только среди преподавателей университетов эта цифра достигла 39 % всего профессорско-преподавательского состава. Общее количество лингвистов-эмигрантов за период с 1933 по 1945 год составляет приблизительно 318 человек [8: S. 25–31]. Условия жизни в эмиграции заставили многих немецких филологов активно заниматься методической работой, применительно, например, к вопросам диалектологии, литературоведением, языковым анализом в рамках традиционной критики языка. Работавшие в Германии были вынуждены менять свои убеждения в соответствии с расовой теорией. Примером этому может послужить лингвистическая деятельность Г. Шмидт-Рора, чьи лингвистические взгляды на взаимоотношение языка и мышления после 1933 года претерпели резкий поворот в сторону идеологии национал-социализма [4: с. 117–122].

В Румынии режим Г. Георгиу-Дежа провозгласил для лингвистов следующие принципы работы: отражение связи науки с рабочим классом, придание языку статуса общенародного достояния, освобождение языка от элементов,

присущих классу эксплуататоров. Н. Чаушеску стремился превратить всех учёных в партийных активистов, пропагандистов, распространяющих идеи диктатора о превосходстве румынской нации [10: S. 1442].

Таким образом, можно констатировать, что для функционирования «тоталитарной» лингвистики характерно, во-первых, физическое и духовное насилие над личностью учёного со стороны власти; во-вторых, аналогично наличию единой идеологии, выдвигание на первый план определённого, единого для всех направления лингвистики и подкрепление его государственными субсидиями. Однако нельзя отрицать и тот факт, что, несмотря на закрытость тоталитарного общества, «тоталитарная» лингвистика развивалась параллельно с общемировыми тенденциями или опережая их, внесла большой вклад в развитие теории и практики общего языкознания. Созданная таким образом лингвистическая «тоталитарная» парадигма представляет собой определённый феномен, требующий дальнейшего всестороннего изучения, в том числе и с точки зрения вклада в общую лингвофилософскую парадигму XX века.

Библиографический список

Литература

1. Демьяненко М.А. «Новая» философия и теория языка в Германии 1920–1930 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, защищена 27.12.2007 г. / М.А. Демьяненко; МГПУ. – М., 2006. – 23 с.
2. Костева В.М. О термине «тоталитарная» лингвистика / В.М. Костева // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2012. – № 1. – С. 59–67.
3. Пашков Г.Н. Средства массовой информации в системе идеологических институтов франкистской Испании (1939–1956): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Г.Н. Пашков; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1978. – 16 с.
4. Радченко О.А. Проблема языкового сообщества в немецкой философии языка первой половины XX века / О.А. Радченко // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 110–138.
5. Садиков А.В. Испанская лексикография на рубеже веков / А.В. Садиков // Филологические науки в МГИМО: сб. науч. тр. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – С. 76–92.
6. Bochmann K. Die Herausbildung soziolinguistischer Betrachtungsweisen in der rumänischen Sprachwissenschaft / K. Bochmann // Soziologische Aspekte der rumänischen Sprache. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1980. – S. 9–34.
7. Hetzer A. Albanische Lexikographie / A. Hetzer // Wörterbücher: ein internationales Handbuch der Lexikographie. hrsg. F.-J. Hausman. – Berlin – New York: de Gruyter, 1999. – Teilbd. 3. – S. 2361–2366.
8. Maas U. Verfolgung und Auswanderung deutschsprachiger Sprachforscher 1933–1945. Einleitung und biobibliographische Daten A – F / U. Maas. – Bd. 1. – Osnabrück: Secolo, 1996 – 288 S.
9. Moraw P. Kleine Geschichte der Universität Gießen von den Anfängen bis zur Gegenwart / P. Moraw. – Gießen: Verlag Ferber, 1990. – 280 S.
10. Munteanu E. Sprachplanung, Sprachlenkung, und institutionalisierte Sprachpflege: Rumänisch / E. Munteanu, F. Şuteu // G. Ernst, M.–D. Gleßgen, Ch. Schmitt, W. Schweickard. Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprache. – Berlin – New York: de Gruyter, 2006. – S. 1440–1445.

11. *Naiditsch L. Viktor M. Schirmunski. — Sein Leben und seine Forchung / L. Naiditsch // Schirmunski V. Deutsche Mundartkunde: Vergleichende Laut- und Formenlehre der Deutschen Mundarten. — Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2010. — S. 9–34.*

Справочные и информационные издания

12. Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957. — Вып. I: Книги и сборники по русскому языку, изданные в СССР 1918–1955. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 368 с.

References

Literatura

1. *Dem'yanenko M.A. «Novaya» filosofiya i teoriya yazy'ka v Germanii 1920–1930 gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19, zashhishhena 27.12.2007 g. / M.A. Dem'yanenko; MGPU. — M., 2006. — 23 s.*

2. *Kosteva V.M. O termine «totalitarnaya» lingvistika / V.M. Kosteva // Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». — 2012. — № 1. — S. 59–67.*

3. *Pashkov G.N. Sredstva massovoj informacii v sisteme ideologicheskix institutov frankistskoj Ispanii (1939–1956): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10 / G.N. Pashkov; MGU im. M.V. Lomonosova. — M., 1978. — 16 s.*

4. *Radchenko O.A. Problema yazy'kovogo soobshhestva v nemeczkoy filosofii yazy'ka pervoj poloviny' XX veka / O.A. Radchenko // Voprosy' yazy'koznaniya. — 2000. — № 4. — S. 110–138.*

5. *Sadikov A.V. Ispanskaya leksikografiya na rubezhe vekov / A.V. Sadikov // Filologicheskie nauki v MGIMO. sb. nauch. tr. — M.: MGIMO-Universitet, 2011. — S. 76–92.*

6. *Bochmann K. Die Herausbildung soziolinguistischer Betrachtungsweisen in der rumänischen Sprachwissenschaft / K. Bochmann // Soziologische Aspekte der rumänischen Sprache. — Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1980. — S. 9–34.*

7. *Hetzer A. Albanische Lexikographie / A. Hetzer // Wörterbücher: ein internationales Handbuch der Lexikographie. hrsg. F.-J. Hausman. — Berlin – New York.: de Gruyter, 1999. — Teilbd. 3. — S. 2361–2366.*

8. *Maas U. Verfolgung und Auswanderung deutschsprachiger Sprachforscher 1933–1945. Einleitung und biobibliographische Daten A – F / U. Maas. — Osnabrück: Secolo, 1996 – Bd. 1. — 288 S.*

9. *Moraw P. Kleine Geschichte der Universität Gießen von den Anfängen bis zur Gegenwart / P. Moraw. — Gießen: Verlag Ferber, 1990. — 280 S.*

10. *Munteanu E. Sprachplanung, Sprachlenkung, und institutionalisierte Sprachpflege: Rumänisch / E. Munteanu, F. Şuteu // G. Ernst, M.–D. Gleßgen, Ch. Schmitt, W. Schweickard. Romanische Sprachgeschichte. Ein internationales Handbuch zur Geschichte der romanischen Sprache. — Berlin – New York: de Gruyter, 2006. — S. 1440–1445.*

11. *Naiditsch L. Viktor M. Schirmunski. — Sein Leben und seine Forchung / L. Naiditsch // Schirmunski V. Deutsche Mundartkunde: Vergleichende Laut- und Formenlehre der Deutschen Mundarten. — Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2010. — S. 9–34.*

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

12. Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957. Вып. I: Книги и сборники по русскому языку, изданные в СССР 1918–1955. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — 368 с.

**ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

В.А. Гончарова

Метакультура в контексте целей современного иноязычного образования

В статье обосновывается идея метакультуры как целевого приоритета современного иноязычного образования. На основе анализа нормативных документов формулируются главные проблемы целеполагания иноязычного образования на современном этапе относительно межкультурного подхода к обучению как общепризнанной инновации. Предлагается переосмыслить формулировки цели в нормативных документах в компетентностном ключе.

The article provides the idea of metaculture as the goal priority of foreign language education. To explain the idea the author points at the key problems of goal setting within intercultural approach to FLT based on the analysis of the official documents. It is concluded that the goal setting must be reconsidered as to the competences involved.

Ключевые слова: целеполагание; иноязычная коммуникативная компетенция; межкультурная компетенция; диалог культур; метакультура.

Keywords: goal formulation; foreign language communicative competence; intercultural competence; the dialogue of cultures; metaculture.

Показателем развития методической науки обучения иностранным языкам всегда была цель, вернее, её законченная формулировка. Именно определение этой цели, соотнесённость науки с особенностями мировоззрения, характерного для того или иного периода развития человеческого сознания (как сферы «потребления» данной науки), помогает проследить связь методики с философским первоисточником всякой междисциплинарности. В настоящее время данная методическая наука столкнулась с целым рядом ключевых проблем: определение главной цели обучения иностранным языкам в рамках существующих методологических подходов, собственно применение этих подходов с позиции единой цели, а именно очередного пересмотра терминологического аппарата, адаптация внутрилогических связей науки к требованиям общества и времени. В данной статье предпринимается попытка скорее поставить вопрос, чем дать на него ответ, сформулировать частное понимание современных проблем методики в аспекте целеполагания и, в частности, наметить ориентиры для их возможных решений.

Проблема № 1. Компетентностный синтез: эффект двоемирия?

Предпосылкой вопроса является некоторая двусмысленность дифференциации иноязычной (далее — ИКК) и межкультурной (далее — МКК) коммуникативной компетенций как общепризнанных в настоящее время целями обучения иностранным языкам [8].

Согласно ФГОС полного общего образования от 17.05.2012 г. требования к предметным результатам освоения базового курса иностранного языка должны отражать «сформированность коммуникативной иноязычной компетенции, необходимой для успешной социализации и самореализации, как инструмента межкультурного общения в современном поликультурном мире» [2: с. 8]. Более того, Примерные программы по иностранным языкам уточняют, что «основное назначение иностранного языка состоит в формировании коммуникативной компетенции, т. е. способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка...» [1: с. 2].

Очевидно, что ИКК интерпретируется как способность осуществлять иноязычное общение в определённом социокультурном контексте. Согласно определению И.Л. Бим, ИКК может трактоваться как «способность и реальная готовность осуществлять иноязычное общение с носителями языка, а также приобщение школьников к культуре страны / стран изучаемого языка, лучшее осознание культуры своей собственной страны, умение представлять её в процессе общения» [5: с. 43]. С другой стороны, однако, ИКК может рассматриваться и в более узком понимании, в частности, по Г.В. Елизаровой, как «функциональная языковая способность; выражение, интерпретация и обсуждение значения, включая взаимодействие между двумя или несколькими индивидами, принадлежащими к одному и тому же или различным речевым сообществам или между одним индивидом и письменным или устным текстом» [4: с. 220].

Отсюда явственно следует, что понятие ИКК в представлении современного официального целеполагания получило более расширенную интерпретацию и скорее, напротив, предполагает межкультурную составляющую общения. Способность осуществлять иноязычное общение в свете современных требований российского образования понимается уже в широком смысле межкультурной коммуникации. Как следствие, осевыми понятиями, центробежными силами, скрепляющими всю структуру ИКК, выступают понятия «общение» (в частности, межкультурное), «диалог культур», «взаимопонимание», «самореализация» (как результат личностного усилия). Любопытно, что именно такими понятиями оперирует терминсистема МКК, которая, согласно Г.В. Елизаровой, не имеет аналогии с коммуникативной компетенцией носителей языка и может быть присуща только медиатору культур — языковой личности, изучающей некий язык в качестве иностранного [4: с. 236].

Таким образом, существующее положение вещей может привести к следующим способам интерпретации соотношения исследуемых компетенций. С одной стороны, ИКК может рассматриваться как понятие, тождественное МКК, обеспечивающей межкультурное пространство обучения. С другой стороны, в научном понимании (чему, однако, противоречат ФГОС и Примерные программы) МКК

видится альтернативой ИКК, то есть имеющей самостоятельную цель и сущность и потому не являющейся синонимом для иноязычной компетенции.

Проблема № 2. Неоднозначность цели — двузначность объекта усвоения?

Помимо собственно общения на иностранном языке в пространстве иноязычной культуры с носителями языка предполагается способность обучающегося осуществлять коммуникацию на языке международного общения, что естественным образом заставляет пересмотреть приоритеты в объектах усвоения в процессе иноязычного образования. Так, согласно ФГОС полного общего образования требования к предметным результатам освоения базового курса иностранного языка должны отражать «достижение порогового уровня владения иностранным языком, позволяющего выпускникам общаться в устной и письменной формах как с носителями изучаемого иностранного языка, так и с представителями других стран, использующими данный язык как средство общения» [2: с. 8].

Итак, ИКК, очевидно понимаемая как межкультурная, должна обеспечить возможность общения учащихся не только с носителями изучаемого языка, но и с носителями других языков (а главное, культур), говорящих на изучаемом языке, т. е. функционируя в «поликультурном мире». Концепт «носитель языка» сменяется концептом «носитель варианта». При этом вариант иностранного языка становится понятием функциональным, а не чисто лингвистическим, то есть предполагается необходимость первостепенного учёта потребностей для дальнейшего пользования языком [7].

Подобный пересмотр сферы иноязычного общения приводит к естественной необходимости переформулировать объекты обучения и усвоения для иноязычного образования в целом. Специфика наднационального общения подразумевает развитие ценностно-смысловой, мировоззренческой составляющей образования. Иными словами, участник такого межкультурного общения должен не только обладать предметными компетенциями, но и также сформировать личностный потенциал и способность к самостоятельному мышлению. Такой продукт должен быть заложен как в самой цели обучения, так и в требованиях к его результатам.

Проблема № 3. Требования к результатам обучения иностранному языку: требования превыше цели?

Рассмотренная выше цель иноязычного образования школьников соответственно находит отражение в ряде требований к результатам такого обучения, в частности, личностного, метапредметного и предметного характера. Так, согласно ФГОС полного общего образования результаты личностного характера в самом общем смысле предполагают формирование целостного мировоззрения как следствие личностного самоопределения [2]. В метапредметном плане иноязычное образование должно способствовать формированию стратегий осознанной рефлексии как инструмента саморазвития и самореализации. Наконец, в предметном отношении результат иноязычного образования — формирование ИКК, в том числе как инструмента для познавательной деятельности.

Таким образом, обучение иностранным языкам на этапе общего среднего образования ориентировано прежде всего на формирование ИКК в аспекте

развития личностной социализации учащихся в современном поликультурном пространстве, т. е. в национальном, межкультурном ключе. При этом основой для формирования выступает развитое ценностное сознание учащихся, способствующее становлению личности, самоопределению, осуществлению рефлексии, формированию комплекса отношений и, наконец, возможности вести диалог культур. Ключевым понятием в этом процессе является мировоззрение, а ядро, смысл, потребность, причина и способ проявления его — культурные ценности. При таком понимании результатов иноязычного образования очевидно, что компетентностный подход не исчерпывает ожидаемых возможностей. В этой связи возможно согласиться с учёными (Е.И. Пассов, И.К. Джерелиевская, А.В. Кирьякова и др.), настаивающими на необходимости смены компетентностной парадигмы образования — ценностной.

Проблема № 4. Парадигмальный синтез: недвусмысленность сомнения?

Как известно, помимо формирования ИКК Примерные программы по иностранным языкам уточняют необходимость «развития и воспитания школьников средствами учебного предмета» [1: с. 2]. Комплексный подход к реализации целей в рамках личностно ориентированной парадигмы образования предполагает совокупность практической (коммуникативной), образовательной, воспитательной и развивающей целей в их функциональном единстве. При этом считается, что именно практическая цель подразумевает ИКК, тогда как воспитательная и развивающая цели моделируют требования к личностным и метапредметным результатам образования соответственно. В таком случае остается неясным статус образовательной цели, которая, во-первых, одноимённа с современным пониманием процесса обучения иностранным языкам, а во-вторых, содержательно совпадает со структурными компонентами ИКК (в частности, с социокультурной и лингвистической субкомпетенциями). Кроме того, не однозначным видится понимание того, насколько личностные и метапредметные результаты иноязычного образования отражены в ИКК, и в случае если всё-таки такое отражение существует, то зачем при формулировке общей цели вводятся также понятия «воспитание» и «развитие» в качестве дополнительных.

Метакультура: гипотетическое решение проблем?

Таким образом, аспект целеполагания современного иноязычного образования видится неоднозначным. Несмотря на очевидную обоснованность расширения процесса приобщения к иностранному языку именно в образовательном ключе, остается неясным вопрос о статусе и характере ведущей компетенции, объектов изучения, ключевого приоритета такого образования. На фоне подобной неопределённости терминосистемы остаются несомненными, однако, следующие императивы в осмыслении цели овладения учащимися иностранным языком. Во-первых, целесообразное общение на иностранном языке очерчивается исключительно в рамках межкультурного общения и, в частности, формулируется как способность вести диалог культур. Кроме того, иностранный язык начинает осмысливаться как функциональный инструмент, универсализирующий такой диалог именно в условиях поликультурности, полиморфности национальных принадлежностей субъектов общения, т. е. как язык международного общения.

И наконец, что более важно, в качестве конечного продукта иноязычного образования рассматривается развитая личность со сформированным мировоззрением, способная действовать (в том числе в межкультурном русле) и осмысливать свою деятельность на ценностной основе. Иными словами, итог школьного иноязычного образования — умение осуществлять межличностное иноязычное общение (диалог культур) в поликультурном контексте, с учётом использования и развития ценностно-мировоззренческого потенциала.

На наш взгляд, истинное межкультурное общение, основанное на истинном же диалоге культур, предполагает три ключевых и преемственных смысла: готовность общаться (как психоэмоциональный фактор, так и реальная возможность), преодоление проблем понимания (включая индивидуальную рефлексию как результат самостоятельного творчества), личностное ценностно-смысловое развитие (как условие и продукт преодоления проблемы) [3].

В этом смысле диалог культур, понимаемый как «равноправное взаимодействие и взаимопонимание представителей разных культур» [10: с. 99], по нашему мнению, не полностью исчерпывает понятие «межкультурная коммуникация», которая в самом широком смысле трактуется как «общение людей, представляющих разные культуры» [10: с. 172]. В теории межкультурной коммуникации в настоящее время существует целый ряд понятий, для которых корневым является именно такой тип общения: коммуникация межкультурная, кросс-культурная, интеркультурная, межнациональная, транскультурная, бикультурная [10]. Соответственно все термины имеют и сочетания с компетенциями, с ними связанными. Уточняя частности, все эти термины сходятся в главном — признании межкультурного общения как общения между представителями иноязычных культур. Такое множество формулировок свидетельствует не только о сложности определяемого явления, но и о том, что неопределённым, размытым может быть не термин, а само понятие.

В контексте обобщённых смыслов целеполагания в современном иноязычном образовании нам видится возможным обратить внимание на понятие «метакультура» как понятие, способное реализовать весь заявленный потенциал такого образования и устранить тем самым ряд выявленных противоречий. Согласно словарю терминов межкультурной коммуникации метакультура определяется как «система человеческих ценностей и поведения, которые выходят за рамки этнокультурных ориентаций и ситуаций <...> основание культуры человечества вообще, связывающее все этнокультуры, на первый взгляд кажущиеся изолированными» [10: с. 245–246].

Так, метакультура предлагает осмысливать коммуникацию в ценностно-мировоззренческом измерении. С.Е. Ячин подчёркивает, что метакультуру в общем смысле можно понимать как рефлексивную культуру, но обязательно с учётом того, что «рефлексивный контур проходит через личность, а значит, выходит за рамки культурной формы» [9: с. 110]. На уровень рефлексии человек может выйти только при условии встречи с Другим. Идея рефлексивности является ключевой для понимания состояния метакультуры.

С.Е. Ячин полагает, что развитие культур происходит не столько благодаря заимствованиям, сколько благодаря самому наличию границы с иной культурой, и что всякое развитие происходит на границе сред. При этом граница обозначает себя не в качестве барьера, а как место встречи культур. Иными словами, метакультура — это «состояние культуры, возникающее на границах культурных сред, при котором рефлексивно проясняется зависимость развития культуры от творческого потенциала личности» [9: с. 116].

Отсюда следует, что метакультура в смысле ситуации общения иноязычных культур есть та же самая исходная национальная культура коммуниканта, проявляющаяся в его мировоззрении, но модифицированная, осознавшая себя в результате встречи с Другим. Тем самым мы говорим о факте становления и развития мировоззрения личности. Следовательно, метакультура может быть недостающим звеном, способным снять противоречия в современном целеполагании иноязычного образования, поскольку метакультура:

1) предполагает ценностно-смысловую основу деятельности, т. е. ориентирована на обращение (формирование и развитие) к мировоззрению субъекта общения; тем самым в качестве объекта образования метакультура может способствовать достижению основной цели *образования*, заявленной в требованиях к его результатам;

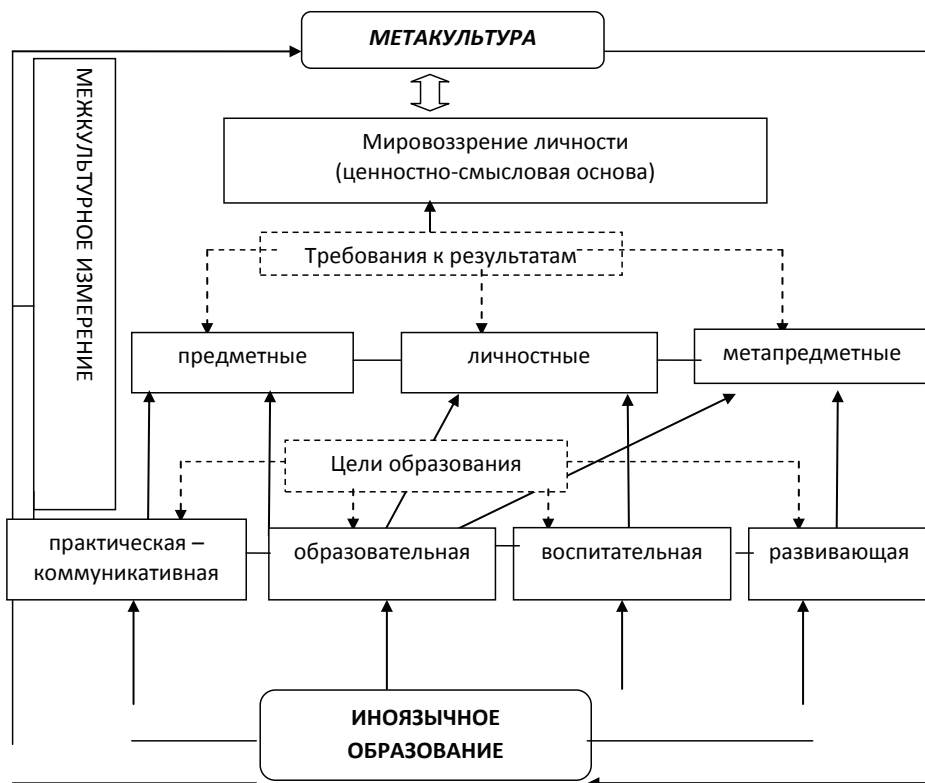
2) будучи сопряжена с развитием личности в ценностно-мировоззренческом ключе, способствует интеграции воспитания, развития и обучения в едином процессе иноязычного образования;

3) предполагая надкультурный уровень общения и культурной рефлексии, отвечает запросам иноязычного образования на способность выпускника общаться в поликультурном мире, т. е. потенциальна в смысле обучения иностранному языку как языку международного общения;

4) предлагает более точное понимание диалога культур и, как следствие, может точнее выразить межкультурную направленность коммуникативной цели иноязычного образования.

В обобщенном виде потенциал понятия «метакультура» выражен нами на рисунке 1.

Таким образом, ответом на сформулированные проблемы в целеполагании иноязычного образования явилась гипотеза метакультуры как ключевого смысла, возможной квинтэссенции цели. Однако возможно ли говорить о метакультурной компетенции в качестве логической замены иноязычной коммуникативной компетенции или метакультура должна послужить основой для создания общей концепции иноязычного образования в свете обновленного понимания его сущности, пока представляется очередной проблемой для изучения.

Рис. 1. Сущность метакультуры в целеполагании современного иноязычного образования

Библиографический список

Источники

1. Примерные программы по иностранным языкам. Английский язык. (Основное общее образование.) – URL: <http://www.window.edu.ru/resource/178/37178/files/04-o.pdf>.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт полного общего образования от 12.05.2012 г. – URL: http://www.минобрнауки.рф/документы/2365/файл/736/12.05.17-Приказ_413.pdf.

Литература

3. Гончарова В.А. Межкультурное общение: непонимание? Лингводидактические решения: монография / В.А. Гончарова, М.Ф. Овчинникова, И.Н. Столярова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. – 212 с.
4. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб.: Союз, 2001. – 291 с.
5. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А.А. Миролюбова. – Обнинск: Титул, 2010. – 464 с.
6. Пассов Е.И. Методика как теория и технология иноязычного образования / Е.И. Пассов. – Кн. 1. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. – 543 с.
7. Прошина З.Г. Смена парадигмы языкового образования? (Предисловие к статье А. Мацуды) / З.Г. Прошина // Личность. Культура. Общество: между-

народ. ж-л соц. и психол. наук. – М.: РАН, 2012. – Т. XIV. – Вып. 2. – № 71–72. – С. 176–177.

8. *Языкова Н.В.* Межкультурный подход в языковом образовании: содержательно-целевой аспект / Н.В. Языкова // *Функциональная лингвистика: сб. науч. работ под ред. А.Н. Рудякова.* – Т. II. – Симферополь: Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, 2011. – С. 314–316.

9. *Ячин С.Е.* Метакультура — место творчества личности на границе культурных сред / С.Е. Ячин // *Личность. Культура. Общество: междунар. ж-л соц. и психол. наук.* – М.: РАН, 2010. – Т. XII. – Вып. 1. – № 53–54. – С. 108–116.

Справочные и информационные издания

10. *Жукова И.Н.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 632 с.

References

Istochniki

1. Primerny'e programmy' po inostranny'm yazy'kam. Anglijskij yazy'k (Osnovnoe obshhee obrazovanie). – URL: <http://www.window.edu.ru/resource/178/37178/files/04-o.pdf>.

2. Federal'ny'j gosudarstvenny'j obrazovatel'ny'j standart polnogo obshhego obrazovaniya ot 12.05.2012 g. – URL: http://www.miobnauki.rf/dokumenty/2365/fayl/736/12.05.17-Prikaz_413.pdf.

Literatura

3. *Goncharova V.A.* Mezukul'turnoe obshhenie: neponimanie? Lingvodidakticheskie resheniya: monografiya / V.A. Goncharova, M.F. Ovchinnikova, I.N. Stolyarova. – Ulan-Ude': Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2012. – 212 s.

4. *Elizarova G.V.* Kul'tura i obuchenie inostranny'm yazy'kam / G.V. Elizarova. – SPb.: Soyuz, 2001. – 291 s.

5. Metodika obucheniya inostranny'm yazy'kam: tradicii i sovremennost' / Pod red. A.A. Mirolyubova. – Obninsk: Titul, 2010. – 464 s.

6. *Passov E.I.* Metodika kak teoriya i tehnologiya inoyazy'chnogo obrazovaniya / E.I. Passov. – Kn. 1. – Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2010. – 543 s.

7. *Proshina Z.G.* Smena paradigm yazy'kovogo obrazovaniya? (Predislovie k stat'e A. Maczudy') / Z.G. Proshina // *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo: mezhdunarod. zh-l soc. i psixol. nauk.* – М.: РАН, 2012. – Т. XIV. – Вып. 2. – № 71–72. – С. 176–177.

8. *Yazy'kova N.V.* Mezukul'turny'j podxod v yazy'kovom obrazovanii: sodержatel'no-yazy'kovoj aspekt / N.V. Yazy'kova // *Funkcionalnaya lingvistika: sb. nauch. trudov. pod red. A.N. Rudyakova.* – Т. II. – Simferopol': Kry'mskij respublikanskij institut poslediplomnogo obrazovaniya, 2011. – С. 314–316.

9. *Yachin S.E.* Metakul'tura — mesto tvorchestva lichnosti na granice kul'turny'x sred / S.E. Yachin // *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo: mezhdunarod. zh-l soc. i psixol. nauk.* – М.: РАН, 2010. – Т. XII. – Вып. 1. – № 53–54. – С. 108–116.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. *Zhukova I.N.* Slovar' terminov mezukul'turnoj kommunikacii / I.N. Zhukova, M.G. Lebed'ko, Z.G. Proshina, N.G. Yuzefovich; pod red. M.G. Lebed'ko i Z.G. Proshinoj. – М.: FLINTA: Nauka, 2013. – 632 s.

А.С. Будник

Видео как аудиовизуальное средство обучения иностранным языкам

В статье ставится проблема использования видео при обучении иностранным языкам в профильной школе. Рассматриваются основные концепции визуально-вербальной модальности, а также особенности функционирования когнитивно-перцептивных механизмов при работе с видео.

The article sets up the problem of using video in teaching foreign languages. The main concepts of visual and verbal modality, as well as the peculiarities of cognitive-perceptive mechanisms while working with video are viewed.

Ключевые слова: когнитивно-перцептивная деятельность; визуальная и вербальная модальность; зрительная опора.

Keywords: cognitive-perceptive activity; visual and verbal modality; visual support.

Рассмотрение проблем, связанных с когнитивно-перцептивной деятельностью человека, сегодня наиболее значимо в контексте научных, в том числе и лингводидактических исследований. Перцептивная деятельность представляет собой сложный когнитивный процесс, включающий операции восприятия, понимания и интерпретации фактов окружающей действительности. Данный вид деятельности определяет специфику целей и содержания обучения иностранному языку (далее — ИЯ), в частности в профильной школе.

В связи с этим переоценки требуют средства обучения иностранному языку, в частности **видео**. Эффективность применения видео в иноязычном образовании подтверждается действием ряда факторов, что прежде всего обусловлено современными тенденциями развития средств массовой информации и той ролью, которую они играют, воздействуя на широкие массы людей. По мнению философа В.С. Шаповалова, «мощь влияния масс-медиа в современном обществе столь возросла, что они в известной мере *видоизменяют саму природу человека*» [9: с. 484]. Нельзя не согласиться с автором в том, что аудиовизуальный способ восприятия обеспечивает безусловное преимущество звучащей и наглядной модальности с точки зрения повышения результативности восприятия информации.

Об этом же свидетельствуют многолетние результаты психологических исследований, которые показывают, что использование средств аудиовизуальной наглядности «соответствует особенностям восприятия, развивает воображение, зрительную и слуховую память, и <...> создаёт большой потенциал для обучения» [4: с. 43].

Большой интерес в данном вопросе представляют результаты исследований в психолингвистике (А.А. Залевская, А.А. Леонтьев и др.). О важной роли зрительного и слухового анализаторов при восприятии говорит, в частности, И.А. Зимняя: схемы их формирования «многоступенчаты и содержат такие уровни операций, как обнаружение объекта, выделение его содержания, ознакомление с содержанием в процессе перцептивных или перцептивно-викарных действий» [3: с. 299]. Данные анализаторы обеспечивают, таким образом, более полное смысловое восприятие.

Сочетание визуальной и вербальной модальностей является также объектом интереса лингвистов, в частности учёных, исследующих поликодовые тексты (Е.Е. Анисимова, Л.С. Большакова, Е.Ю. Дьякова, А.Г. Сонин, В.Е. Чернявская и др.). Как отмечает в своем исследовании В.Е. Чернявская, «многомерный взгляд на текст как поликодовое образование является следствием и отражением поликодового характера человеческой коммуникации на современном этапе, в частности эстетизации коммуникации, проявляющейся в усиленной визуализации коммуникативного сообщения» [8: с. 90]. Таким образом, визуальное и вербальное соединяются в поликодовом тексте как когерентное целое.

О роли и значимости аудиовизуальных опор немало написано в теории и методике обучения иностранным языкам. Так А.Н. Щукин отмечает, что данные средства «являются эффективным источником обучения благодаря яркости, выразительности и информационной насыщенности зрительно-слуховых образов». Именно органическое соединение зрительного и слухового ряда, по мнению учёного, обладает ситуативностью и динамизмом изображения, силой впечатления и эмоционального воздействия [10: с. 237].

На учёте значимости аудиовизуальной природы восприятия основываются современные требования к процессу обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе. Нормативными документами диктуется необходимость использования видеоматериалов. Так, в разделе «Аудирование» Примерной программы по ИЯ для среднего (полного) общего образования базового уровня указано, что на данном этапе необходимо «дальнейшее развитие понимания на слух (с различной степенью полноты и точности) <...> содержания аутентичных аудио- и видеотекстов различных жанров и длительности звучания до трёх минут» [1]. Что касается профильного уровня, то здесь требования программы расширяются: учащиеся должны понимать содержание устных диалогов, монологов, теле- и радиопередач не только по знакомой, но и частично незнакомой тематике [1]. Итак, на старшем этапе обучения ИЯ необходимо применять разнообразные аудиовизуальные средства при работе с учащимися, чтобы задействовать их зрительный и слуховой каналы.

Необходимо отметить, что роль видео в обучении ИЯ менялась на протяжении развития методической науки. Так, в рамках аудиовизуального метода, направленного на интенсивное обучение разговорной речи, активно использовались диафильмы и фильмы, которые служили иллюстрацией в учебном процессе, помогали применить уже выученные образцы в новых ситуациях, закрепить приобретённые умения и навыки устной речи, и, что особенно важно, позволяли лучше узнать страну, язык которой изучается. Тем не менее роль видео была оценена представителями данного метода явно недостаточно: они отводили более значимую роль слуховому восприятию, нежели зрительному, постепенно убирая изображение как опору из процесса обучения.

В противовес данной точке зрения в отечественной методике постепенно кристаллизовалась теория обучения аудированию, в рамках которой при работе с аудиоматериалом зрительным опорам отводится особая роль. Н.И. Гез отмечает, что «зрительные опоры, такие как органы речи, жесты, мимика, кинемы и другие, подкрепляют слуховые ощущения, облегчают внутреннее проговаривание и уяснение смысла речи» [5: с. 216]. При этом, по мнению Н.В. Елухиной, важно различать предметную (или образительную) наглядность, а также жесты и мимику говорящего, которые хотя и не раскрывают содержания речи, но передают эмоциональное отношение говорящего к высказыванию. Наблюдение за артикуляцией подкрепляет слуховые ощущения и делает восприятие звучащей речи более полным и точным [6: с. 6].

Таким образом, при оценке роли видео в обучении слуховой рецепции в истории методики сформировалось два возможных подхода. Один усиливал роль слухового восприятия, зрительная наглядность при этом имела вспомогательное значение и была важна только на первых этапах постижения языка и культуры. Второй подход определял равную значимость как слуховой, так и зрительной модальности, которые, взаимно поддерживая друг друга, призваны обеспечить эффективность понимания и переработки информации, передаваемой по зрительно-слуховому каналу.

На современном этапе развития методической науки предпочтение отдается второму из перечисленных подходов, более того, он усиливает свои позиции в связи с процессами глобализационного характера и распространением стандартов массовой культуры. Учёные отмечают, что особая роль в развитии глобализирующихся тенденций принадлежит новым информационно-коммуникационным технологиям, обеспечивающим доступ к опыту и знаниям в мире, большому информационному богатству. Данные технологии благодаря сочетанию вербальной и визуальной составляющих позволяют учащимся ориентироваться в новом социокультурном контексте, в насыщенном информационном потоке, быть мобильными и инициативными в решении познавательных, учебных, профессиональных и личных проблем [2].

Итак, именно видео предполагает неразрывное единство визуального и вербального компонентов. При работе с видео обе системы — зрительная и вербальная — действуют взаимосвязанно: «осознание видимого предполагает подключение вербально-понятийного аппарата, а зрительная система об-

ладает поразительной способностью превращать незримое в зримое, визуализировать любые чувственные сигналы» [7: с. 29].

Таким образом, процесс восприятия видео является целостным. Именно одновременная работа этих двух каналов обеспечивает эффективность освоения учащимися видеоматериала.

Библиографический список

Источники

1. ФГОС: среднее (полное) общее образование. — URL: <http://www.standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=6408> / режим доступа: свободный.

Литература

2. Гальскова Н.Д. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность / Н.Д. Гальскова, Е.Г. Тарева // Иностранные языки в школе. — 2012. — № 1. — С. 3–11.

3. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. — 432 с.

4. Макковеева Ю.А. Развитие иноязычной социокультурной компетенции у студентов языковых вузов на основе аутентичной аудитивной и аудиовизуальной музыкальной наглядности: английский язык как второй иностранный: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02; защищена 14.11.2007 г. / Ю.А. Макковеева. — СПб., 2007. — 233 с.

5. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: учебник / [Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролубов и др.]. — М.: Высшая школа, 1982. — 373 с.

6. Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия / [И.Л. Бим, А.А. Леонтьев и др.]. — М.: Русский язык, 1991. — 358 с.

7. Розин В.М. Визуальная культура и восприятие: как человек видит и понимает мир / В.М. Розин. — М.: КомКнига, 2006. — 224 с.

8. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. — М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009. — 248 с.

9. Шаповалов В.С. Основы философии: от классики к современности: учеб. пособие / В.С. Шаповалов. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. — 608 с.

10. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов / А.Н. Щукин. — М.: Филоматис, 2004. — 416 с.

References

Istochniki

1. FGOS: srednee (polnoe) obshhee obrazovanie. — URL: <http://www.standart.edu.ru/catalog.aspx?CatalogId=6408> / rezhim dostupa: svobodny'j.

Literatura

2. Gal'skova N.D. Cennosti sovremennogo mira globalizacii i mezhkul'turnoe obrazovanie kak cennost' / N.D. Gal'skova, E.G. Tareva // Inostranny'e yazyki v shkole. — 2012. — № 1. — S. 3–11.

3. Zimnyaya I.A. Lingvopsixologiya rechevoj deyatel'nosti / I.A. Zimnyaya. — M.: Moskovskij psixologo-social'ny'j institut; Voronezh: NPO «MODE'K», 2001. — 432 s.

4. Makkoveeva Yu.A. Razvitie inoyazy'chnoj sociokul'turnoj kompetencii u studentov yazy'kovy'x vuzov na osnove autentichnoj auditivnoj i audiovizual'noj muzy'kal'noj

naglyadnosti: anglijskij yazy'k kak vtoroj inostranny'j: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02, zashhishhena 14.11.2007 g. / Yu.A. Makkoveeva. – SPb., 2007. – 233 s.

5. Metodika obucheniya inostranny'm yazy'kam v srednej shkole: uchebnik / [N.I. Gez, M.V. Lyaxoviczkij, A.A. Mirolyubov i dr.]. – M.: Vy'sshaya shkola, 1982. – 373 s.

6. Obshhaya metodika obucheniya inostranny'm yazy'kam: xrestomatiya / [I.L. Bim, A.A. Leont'ev i dr.]. – M.: Russkij yazy'k, 1991. – 358 s.

7. *Rozin V.M.* Virtual'naya kul'tura i vospriyatie: kak chelovek vidit i ponimaet mir / V.M. Rozin. – M.: KomKniga, 2006. – 224 s.

8. *Chernyavskaya V.E.* Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost': ucheb. posobie / V.E. Chernyavskaya. – M.: KD «LIBROKOM», 2009. – 248 s.

9. *Shapovalov V.S.* Osnovy' filosofii: ot klassiki k sovremennosti: ucheb. posobie / V.S. Shapovalov. – M.: FAIR-PRESS, 2000. – 608 s.

10. *Shhukin A.N.* Obuchenie inostranny'm yazy'kam: teoriya i praktika: ucheb. posobie dlya prepodavatelej i studentov / A.N. Shhukin. – M.: Filomatis, 2004. – 416 s.

Е.В. Лучина

Компетентностно-парадигмальный взгляд на компенсаторную способность как объект овладения в языковом вузе

В статье выявляются существенные аспекты компетентностного подхода применительно к компенсаторной компетенции как объекту овладения в языковом вузе.

The article features the significant aspects of competence-based approach applied to the compensatory competence as an object of mastering in the language university.

Ключевые слова: компетентностный подход; компенсаторная компетенция; индивидуализация; практицизм; адаптивность.

Keywords: competence approach; compensatory competence; individualization; practicality; flexibility.

Быстроменяющиеся объективные социально-политические и экономические факторы, а также широкое внедрение в сферу образования новейших информационных и коммуникационных технологий ужесточают конкуренцию на рынке образовательных услуг и повышают требования к качеству образования, которое, по мнению зарубежных и российских исследователей, «обеспечивает основу инновационного общества — производство нового знания» [4: с. 11].

Создание в таких условиях единого европейского образовательного пространства направлено на улучшение трудоустройства выпускников, повышение их мобильности и обеспечение конкурентоспособности. Присоединение России к Болонскому процессу способствует повышению качества образования, обеспечению доступности образования для широких слоёв населения. Эти тенденции ставят российские учреждения высшего профессионального образования перед необходимостью следовать основным положениям Болонской декларации, определяющим будущее европейской высшей школы. К ним относятся переход на многоуровневое образование, введение кредитов, обеспечение мобильности как студентов, так и преподавателей, контроль качества образования [4: с. 386–388].

Эти положения отражены в основных российских образовательных документах, в том числе в Федеральных целевых программах развития образования на 2006–2010 и 2011–2015 годы, в Плане мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005–2010 годы, а также в действующем Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС). В основе данных образовательных документов лежит компетентностный подход, означающий «постепенную переориентацию доминирующей образовательной

стратегии с преимущественной трансляции знаний, формирования навыков на овладение комплексом компетенций» [8: с. 66].

По мнению российских и зарубежных исследователей, данный подход, основанный на понятиях компетенции/компетентности, призван выработать сопоставимые качественные характеристики для выпускников высших учебных заведений различных стран Европы, получающих одну и ту же академическую степень или квалификацию. Следовательно, имея сравнимые образовательные квалификации, российский специалист будет конкурентоспособен в сфере единого европейского образовательного пространства.

Необходимость внедрения данного подхода в российское образование объясняется рядом причин, из которых важнейшей является смена парадигмы как «совокупности убеждений, ценностей, технических средств и т. д., характерных для членов данного сообщества» [5: с. 1]. К.Д. Бейли охарактеризовал её как некоторый «перспективный фрейм соотнесения для рассмотрения социального мира, состоящий из совокупности концептов и допущений; ментальное окно, через которое исследователь рассматривает мир» (цит. по: [5: с. 1]). По мнению И.А. Зимней, новая парадигма результата современного образования состоит в переходе на компетентностную модель, заключающуюся в обеспечении «более полного, личностно- и социально-интегрированного результата» образования [5: с. 1]. Компетентностная модель специалиста предполагает «формирование социально активной и социально ответственной личности, обладающей инновационным мышлением, высокой коммуникабельностью, адаптационными способностями, широким профессиональным кругозором» [4: с. 199].

Таким образом, переход на компетентностный подход в образовании, с одной стороны, обеспечит создание единых квалификаций европейских специалистов, что повысит их мобильность на рынке труда, с другой, — будет способствовать формированию специалиста высокой квалификации, отвечающего требованиям современной рыночной экономики. С позиций компетентностного подхода формирование такого специалиста обладает рядом важных аспектов.

1. Аспект индивидуализации. В российской системе образования в настоящее время делается максимальный акцент на индивидуальности обучающегося. Ряд исследователей (К.А. Абульханова-Славская, Г.А. Бериулава, Е.А. Климов) рассматривают параметры будущего специалиста, выделяя среди них личность — человека, обладающего «индивидуальным стилем как показателем высшего уровня развития во всех аспектах его жизнедеятельности», то есть своими неповторимыми способностями, чертами характера, типом темперамента, особенностями восприятия, памяти и мышления [2: с. 38]. «Задача обучающегося состоит в том, чтобы помочь человеку найти наиболее подходящий, наиболее выгодный для него <...> индивидуальный стиль работы, а не рассматривать обучающихся как машины одной марки, не стараться сделать их на одно лицо» [7: с. 41].

2. Аспект практицизма, профессионализма. Формирование специалиста нового поколения происходит при максимальном приближении к практике, т. е. к реальной профессиональной деятельности. Сегодня требуется высококлассный профессионал, часто достаточно узкого профиля, способный вы-

полнить конкретные профессиональные функции. Термин «компетентность» выступает «категорией профессиональной и социальной подготовленности» выпускника [4: с. 197], наличие которой обусловит решение проблемы трудоустройства, конкурентоспособности, карьерного и профессионального роста, переподготовки и профессионального самосовершенствования.

3. Аспект гибкости, адаптивности. Современные условия требуют нового специалиста, активного и гибкого в принятии решений, когда важны не столько знания, сколько способность приспосабливаться и применять их в быстроменяющихся условиях, в связи с чем компетентностный подход, охватывающий наряду с конкретными знаниями и навыками такие категории, как способности, готовность к познанию, социальные навыки, приобретает особое значение. Компетентностная модель специалиста предполагает «формирование социально активной и социально ответственной личности, обладающей инновационным мышлением, высокой коммуникативностью, адаптационными способностями, широким профессиональным кругозором» [4: с. 199]. Поэтому отличие компетентностной модели специалиста от ранее распространённой квалификационной состоит в меньшей привязанности к предмету труда и большей мобильности в изменяющихся условиях рынка [3].

Установки компетентностного подхода прослеживаются во всех сферах образовательной действительности, прежде всего в профессиональной компетентности. Именно исходя из этого формируется особый комплекс компетенций, которыми должен обладать выпускник. Применительно к выпускникам языкового вуза следует говорить о межкультурной коммуникативной компетенции, одной из составляющих которой является **компенсаторная компетенция**. Роль и значение её показательны по отношению ко всем выделенным выше аспектам рассмотрения компетентностного подхода:

1. Компенсаторная компетенция в аспекте индивидуализации ориентирована на выявление и использование индивидуальных преимущественных характеристик личности, когда для каждого индивидуума формируется свой набор компенсаторных стратегий для преодоления проблем в процессе коммуникации. Он зависит от субъективных, психофизиологических факторов субъекта (возраста, пола, общего развития, особенностей психики и т. д.) и объективных (условий и специфики вида речевой деятельности, в который вовлечён коммуникант). Выбор адекватной стратегии — важный механизм действия компенсаторной компетенции.

2. Овладение компенсаторной компетенцией в аспекте практицизма позволяет выпускникам языкового вуза справляться с коммуникативными трудностями, не прерывая процесса иноязычной коммуникации, и тем самым максимально приблизиться к реальной профессиональной деятельности, добиться успешности и осознать свою профессиональную коммуникативную компетентность.

3. Компенсаторная компетенция в аспекте адаптивности подразумевает способность приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям, которые ставят перед специалистом новые задачи, требующие незамедлительного решения. Для успешного процесса коммуникации необходимо заранее прогнозировать

течение событий и свою реакцию, что представляется особо значимым в условиях недостатка иноязычных знаний и речевого и социального опыта коммуниканта. К тому же овладение компенсаторной компетенцией позволяет редуцировать стресс и напряжение, возникающие в процессе межкультурной коммуникации, расширить когнитивный опыт коммуниканта и освоить новые средства коммуникации.

Таким образом, овладение компенсаторной компетенцией соответствует основным установкам компетентностного подхода в образовании: она является неотъемлемой составляющей межкультурной коммуникативной компетенции, одной из основополагающих в формировании специалиста высокой квалификации, конкурентоспособного на мировом рынке труда.

Библиографический список

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. *Берулава Г.А.* Стиль индивидуальности: теория и практика / Г.А. Берулава. – М.: Педагогическое агентство России, 2001. – 236 с.
3. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: перспективы развития: монография / Колл. авт. под ред. Я.И. Кузьмина, Д.В. Пузанкова, И.Б. Фёдорова, В.Д. Шадрикова. – М.: Логос, 2004. – 328 с.
4. *Гретченко А.И.* Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство: предисловие С. Бианчини / А.И. Гретченко, А.А. Гретченко. – М.: Кнорус, 2013. – 430 с.
5. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования / И.А. Зимняя. – URL: http://hse.ru/data/2011/03/24/1211893909/Ключевые_компетенции._Зимняя.doc. (дата обращения: 01.10.2013 г.).
6. *Климов Е.А.* Психология профессионала / Е.А. Климов. – М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: НПО МОДЭК, 1996. – 400 с.
7. *Либин А.В.* Стилевые и темпераментальные свойства в структуре индивидуальности человека: дис. ... канд. псих. наук / А.В. Либин. – М., 1993. – 164 с.
8. *Тарева Е.Г.* Деятельностно-компетентностный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров / Е.Г. Тарева, Е.М. Казанцева // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2011. – № 2 (8). – С. 65–77.
9. *Bailey K.D.* Methods of Social Research / K.D. Bailey. – N-Y.: Free Press, 1982. – 553 p.

References

Literatura

1. *Abul'xanova-Slavskaya K.A.* Strategiya zhizni / K.A. Abul'xanova-Slavskaya. – M.: My'sl', 1991. – 299 s.
2. *Berulava G.A.* Stil' individual'nosti: teoriya i praktika / G.A. Berulava. – M.: Pedagogicheskoe agentstvo Rossii, 2001. – 236 s.
3. Gosudarstvenny'e obrazovatel'ny'e standarty' vy'sshego professional'nogo obrazovaniya: perspektivy' razvitiya: monografiya / Koll. avt. pod red. Ya.I. Kuz'minova, D.V. Puzankova, I.B. Fyodorova, V.D. Shadrikova. – M.: Logos, 2004. – 328 s.

4. *Gretchenko A.I.* Bolonskij process: integraciya Rossii v evropejskoe i mirovoe obrazovatel'noe prostranstvo: predislovie S. Bianchini / A.I. Gretchenko, A.A. Gretchenko. – M.: Knoruss, 2013. – 430 s.
5. *Zimnyaya I.A.* Klyuchevy'e kompetencii — novaya paradigma rezul'tata sovremennogo obrazovaniya / I.A. Zimnyaya. – URL: http://hse.ru/data/2011/03/24/1211893909/Klyuchevy'e_kompetencii. – Zimnyaya.doc (data obrashheniya 01.10.2013 g.).
6. *Klimov E.A.* Psixologiya professionala / E.A. Klimov. – M.: Izd-vo Instituta prakticheskoj psixologii; Voronezh: NPO MODEK, 1996. – 400 s.
7. *Libin A.V.* Stilevy'e i temperamental'ny'e svojstva v strukture individual'nosti cheloveka: dis. ... kand. psix. nauk / A.V. Libin. – M., 1993. – 164 s.
8. *Tareva E.G.* Deyatel'nostno-kompetentnostny'j podxod k sozdaniyu uchebny'x posobij dlya podgotovki bakalavrov / E.G. Tareva, E.M. Kazanceva // Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». – 2011. – № 2 (8). – S. 65–67.
9. *Bailey K.D.* Methods of Social Research / K.D. Bailey. – N-Y.: Free Press, 1982. – 553 p.

Е.С. Мурашева

Языковой портфель как средство формирования субъектности младшего школьника

В статье раскрывается потенциал языкового портфеля, способствующий на формированию субъектности учащихся при обучении иностранным языкам. Автор описывает особенности субъектности учащегося начальной школы, её ядерные и периферийные характеристики, а также критерии и показатели, позволяющие их диагностировать. Предпринимается попытка доказать возможность использования языкового портфеля как средства формирования субъектности младших школьников.

The article reveals the potential of the language portfolio aimed at the formation of students' subjectivity in teaching foreign languages. The author singles out the peculiarities of young learners' subjectivity, its nuclear and peripheral characteristics, its criteria and indexes, allowing to diagnose them. There is an attempt to put forward the idea of using the language portfolio as a means of forming junior pupils' subjectivity.

Ключевые слова: языковой портфель; младший школьник; субъектность; ядерные и периферийные характеристики; обучение иностранным языкам.

Keywords: language portfolio; junior pupil; subjectivity; nuclear and peripheral characteristics; foreign language teaching.

В современной практике обучения иностранным языкам (ИЯ) всё большее распространение получает новое учебное средство «Языковой портфель» (далее — ЯП), в котором чётко отражаются задачи, поставленные перед современным школьным образованием, и который постепенно становится неотъемлемой частью учебно-методического комплекса по иностранным языкам (УМК).

Целью данной статьи является рассмотрение и в дальнейшем доказательство необходимости использования ЯП как средства формирования субъектности младших школьников, изучающих иностранный язык.

В лингводидактике накоплено немало наработок, касающихся продуктивного использования языкового портфеля. ЯП рассматривается как перспективная технология рефлексивного обучения ИЯ (З.Н. Никитенко, Е.С. Полат, Н.Н. Сметанникова), средство развития мотивации познавательной деятельности учащихся при обучении ИЯ (Т.Г. Новикова, И.В. Шалыгина), средство демонстрации достижений учащихся, изучающих ИЯ (Н.Д. Гальскова, О.Л. Горегляд, А.Н. Щукин), средство самоорганизации и саморазвития личности при изучении ИЯ (Н.Ф. Коряковцева, Е.Ю. Кудрявцева), компонент учебно-методического комплекса по ИЯ (А.С. Кулигина, А.В. Щепилова). Одна из главных целей ЯП — «углубление взаимопонимания среди граждан

Европы и уважительное отношение к разнообразным культурам и стилям жизни» [6: с. 198] (перевод наш. — *Е.М.*).

При всём многообразии подходов к исследованию потенциала языкового портфеля, изучены далеко не все его позитивные возможности. В частности, языковой портфель не изучен с точки зрения его влияния на развитие **субъектности младших школьников**, овладевающих иностранным языком как средством элементарного иноязычного общения.

Субъектность применительно к характеристике младшего школьника, изучающего ИЯ, определяется как неотъемлемое свойство личности, мотивированной к изучению ИЯ и стремящейся быть субъектом учебно-познавательной деятельности. Оно реализуется через проявление активности и рефлексивности обучающегося в процессе овладения навыками и умениями, обеспечивающими способность к иноязычному общению — элементарную коммуникативную компетенцию [3: с. 149].

Анализ педагогической литературы по обозначенной проблеме позволил определить основные параметры, критерии сформированности, а также диагностики субъектности. К общим параметрам субъектности младших школьников относятся рефлексивность, познавательная активность, мотивированность, элементарные основы умения учиться, активная субъектная позиция. К частным критериям — удовлетворенность учебными достижениями, интерес к знаниям, трудолюбие, осознанность действий и своих возможностей, творческое и положительное отношение к учёбе.

Выделенные параметры и критерии становятся основой для формирования элементарной коммуникативной компетенции. Как отмечает Т.Н. Князева, «прораствание субъектности ребенка во все сферы учебной деятельности знаменует собой развитие того психического новообразования, которое лежит в основе умения учиться» [4: с. 206].

Между выделенными критериями и показателями субъектности имеется множество совпадений. По мнению А.В. Брушлинского, субъектность определяется как «высшая системная целостность всех сложнейших противоречивых качеств, в первую очередь психических процессов, состояний и свойств, его сознания и бессознательного» [2: с. 10]. Опираясь на изложенные точки зрения, можно сказать, что субъектность учащегося представляет собой единую, взаимосвязанную, взаимодополняемую общность качеств, и данные совпадения неслучайны.

Общие параметры характеристик субъектности в большей степени соотносятся с ядерными и периферийными характеристиками субъектности младших школьников. Это доказывает то, что рассмотренные характеристики могут и должны квалифицироваться как основные показатели, позволяющие диагностировать субъектность младшего школьника в процессе овладения им иностранным языком: её наличие, степень выраженности, динамику и пр. Таким образом, через данные проявления можно определять позитивные сдвиги формирования субъектности у младших школьников, так как выделенные показатели и критерии субъектности позволяют их детализировать.

Анализ дескрипторов универсального ЯП позволяет заключить, что в нём имеет место направленность на формирование субъектности младших школьников, изучающих ИЯ. При этом выделяются сквозные характеристики (рефлексивность, стремление стать субъектом) и одновременно на различных уровнях владения языков в центр ставятся **разные** характеристики субъектности: уровень А1 — мотивированность; уровень А2 — активность; уровень В1 — сформированные навыки и умения.

Фактически ЯП даёт итоговый срез того, чем должен обладать младший школьник, постепенно — с уровня на уровень — овладевая иностранным языком, и какие характеристики субъектности он должен и может при этом демонстрировать. По окончании начальной школы учащийся должен обладать уровнем А1 владения иностранным языком и сформированной элементарной коммуникативной компетенцией, обеспечивающей «способность и готовность младшего школьника осуществлять межличностное и межкультурное общение с носителями изучаемого иностранного языка в устной и письменной формах в ограниченном круге типичных ситуаций и сфер общения, доступных для младшего школьника» [1: с. 127]. При этом возможна асимметрия данных уровней по разным видам речевой деятельности.

При всей положительной характеристике проанализированного ЯП важно отметить два момента, значимых с точки зрения нашей концепции: ЯП не ориентирован на собственно **формирование** субъектности; ЯП не предусматривает диагностику **постепенного** присвоения её составляющих, он лишь фиксирует итоговые данные, которые могут быть приурочены к финальной аттестации по предмету за курс начальной школы.

Судя по материалам ЯП, авторами предполагается, что ученик к моменту пользования портфелем уже занимает активную субъектную позицию и способен объективно себя оценить. Как показывает практика преподавания языка, это далеко не так. К сожалению, задания УМК в большей степени направлены на формирование отдельных характеристик субъектности, а не их совокупности. Большинство заданий делают акцент исключительно на проверке сформированных характеристик субъектности младших школьников.

Представляется необходимым внести ряд **предложений** по моделированию такого ЯП, который как по содержанию, так и по процессу применения был бы направлен на формирование субъектности младшего школьника.

Во-первых, необходимо дополнить ЯП (в виде приложения) дескрипторами, представленными в научно обоснованной последовательности, которая обусловлена спецификой субъектности как комплексного явления, иными словами, включить в ЯП «дескрипторы субъектности».

Во-вторых, следует предусмотреть специальную работу (тренинг), обеспечивающую посильность и доступность осознания младшими школьниками дескрипторов субъектности и понимания ими собственного уровня сформированности характеристик данного качества.

В-третьих, с точки зрения совместимости с изучаемым материалом УМК, ученик должен использовать ЯП трижды: в начале, середине и конце прой-

денной темы. Данная систематичность позволит младшему школьнику увидеть и оценить свой уровень владения ИЯ, что способствует развитию всех компонентов его субъектности. Это связано с тем, что в младшем школьном возрасте формируются основные психологические характеристики школьников, которые влияют на успешное овладение иностранным языком. Кроме того, на начальном этапе необходимо заложить базовые механизмы овладения иностранным языком, чтобы у учащегося сформировался алгоритм осознания и осмысления себя в процессе изучения языка.

В-четвертых, в ЯП необходимо заложить последовательную систему формирования характеристик субъектности. Для этого необходимо соотнесение содержания портфеля с темами УМК с той целью, чтобы субъектность учащегося стала предметной и чтобы младший школьник научился сам выявлять её параметры, а учитель направлял бы эти действия. Таким образом, ЯП ускоряет процесс овладения языком, так как запускаются в действие механизмы осознания и осмысления себя в процессе изучения языка.

Итак, данные положения должны быть разработаны в игровой форме. Как отмечает Е.Г. Тарева, «игровые приёмы создают определённую нестандартную ситуацию, требующую принятия правильного решения за ограниченный промежуток времени» [5: с. 56].

ЯП способен стать инструментом реализации индивидуальных образовательных стратегий обучающихся, так как он ориентирован на самостоятельную работу младшего школьника и помогает ему увидеть личностный смысл в том, что он делает. ЯП должен быть неотъемлемым компонентом УМК по иностранному языку для начальной школы, так как у него есть своя зона ответственности и сфера деятельности. Благодаря его использованию можно существенно повысить уровень субъектности младших школьников — улучшить их базовую готовность к самореализации на протяжении всей жизни.

Библиографический список

Источники

1. Примерные программы по учебным предметам. Начальная школа: в 2-х ч. — Ч. 2. — 4-е изд., перераб. — М.: Просвещение, 2011. — 231 с.

Литература

2. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая) / А.В. Брушлинский // Психологический журнал. — 1991. — № 6. — С. 3–10.
3. Мурашева Е.С. Субъектность младших школьников при обучении иностранным языкам: ядерные и периферийные характеристики / Е.С. Мурашева // Вестник БГУ. Теория и методика обучения. — 2012. — № 15. — С. 146–150.
4. Ребёнок в современном обществе: сб. научн. ст. / Под ред. Л.Ф. Обухова, Е.Г. Юдина. — М.: МГППУ, 2007. — 336 с.
5. Тарева Е.Г. Личностно развивающий потенциал учебного пособия по иностранному языку / Е.Г. Тарева // Вестник МГЛУ. — 2007. — № 538. — С. 49–58.
6. Andrade A.I. Connecting languages: the use of the portfolio as a means of exploring and overcoming frontiers within the curriculum / Ana Isabel Andrade // European Journal of Teacher Education. — 2007. — Vol. 30. — № 2. — P. 195–213.

References***Istochniki***

1. Primerny'e programmy' po uchebny'm predmetam. Nachal'naya shkola: v 2-x ch. – Ch. 2. – 4-e izd., pererab. – M.: Prosveshhenie, 2011. – 231 s.

Literatura

2. *Brushlinskij A.V.* Problema sub'ekta v psixologicheskoy nauke (stat'ya pervaya) / A.V. Brushlinskij // Psixologicheskij zhurnal. – 1991. – № 6. – S. 3–10.

3. *Murasheva E.S.* Sub'ektnost' mladshix shkol'nikov pri obuchenii inostranny'm yazy'kam: yaderny'e i periferijny'e xarakteristiki / E.S. Murasheva // Vestnik BGU. Teoriya i metodika obucheniya. – 2012. – № 15. – S. 146–150.

4. Rebyonok v sovremennom obshhestve: sb. nauch. st. / Pod red. L.F. Obuxova, E.G. Iudina. – M.: MGPPU, 2007. – 336 s.

5. *Tareva E.G.* Lichnostno razvivayushhij potencial uchebnogo posobiya po inostrannomu yazy'ku / E.G. Tareva // Vestnik MGLU. – 2007. – № 538. – P. 49–58.

6. *Andrade A.I.* Connecting languages: the use of the portfolio as a means of exploring and overcoming frontiers within the curriculum / Ana Isabel Andrade // European Journal of Teacher Education. – 2007. – Vol. 30. – № 2. – P. 195–213.

Н.Н. Мухина

Аксиологический потенциал пословиц и поговорок в английском и русском языках

В статье рассматривается аксиологический потенциал пословиц и поговорок в английском и русском языках в обучении иностранным языкам с позиции межкультурного подхода.

The article discusses the axiological potential of English proverbs and sayings from the point of view of intercultural approach to language teaching.

Ключевые слова: аксиологический подход; ценности; ценностные ориентации; пословицы и поговорки; межкультурный подход.

Keywords: axiological approach; values; value orientations; proverbs and sayings; intercultural approach.

Отечественная система высшего образования стоит перед проблемой пересмотра существующей парадигмы воспитания и обучения. Образование может помочь человечеству поверить в непрерывность истории и поддержать его веру в лучшую жизнь в будущем. Кроме того, могут возникнуть новые ценности когнитивного и перспективного характера, которые не столько наследуются, сколько культивируются [2: с. 197]. На данном этапе развития общества аксиологический подход в образовании является актуальным и представляет особый интерес, так как позволяет личности через осознание и понимание своего места в мире занять активную гуманистически-направленную жизненную позицию.

Многие исследователи посвятили свои работы изучению аксиологии в области *философии*, в частности, В.П. Барышков, С.Н. Кочеров, *культурологии и социологии* (В.М. Доброштан, В.В. Ковалёв), *педагогике* (О.В. Коновалова, Г.И. Чижакова), *филологии* (Л.Г. Лисицкая, М.С. Ретунская). Особый интерес для нашего исследования представляют работы по аксиологии в области *лингвокультурологии*, сформировавшейся под руководством В.Н. Телия и позднее получившей развитие в работах М.Л. Ковшовой, В.В. Красных. Аксиологический подход в *лингвокультурологии* освещён в работах Е.В. Бабаевой, А.А. Поляковой. Значительное внимание уделено аксиологическому аспекту во *фразеологии* (Г.А. Багаутдинова, А.А. Савельева) и *паремииологии* (А.В. Егорова, Н.Ю. Тразанова).

Глубинное понимание и формирование ценностей индивида происходит в процессе общения с другими людьми, через сопоставление своих ценностей и представлений о жизни с системами ценностей других людей. В настоящее время мир находится в процессе глобализации. Люди, являющиеся представителями и носителями той или иной культуры, постоянно становятся участ-

никами межкультурного диалога. Главный критерий готовности к такому диалогу — способность личности быть медиатором культур, что подразумевает осознание и уважение ценностей как родной, так и иной культуры.

Ценность во многих словарях и философских трудах определяется как *положительная* или *отрицательная значимость* окружающих объектов для человека. М.С. Каган выделяет следующие группы ценностей: эстетические, нравственные, политические, художественные, религиозные, экзистенциальные [5: с. 78]. В культурологии под ценностью понимается не природное свойство предметов и явлений, а *отношение индивида* к этим предметам и свойствам; представление о том, что есть человеческое благо.

В педагогике ценность — это форма проявления определенного рода отношения между субъектом и объектом, которая имеет педагогический стержень и основывается на основополагающих ценностях в обучении, идеал, выступающий как *эталон должного*, источник *мотивации* поведения личности.

Обобщив всё разнообразие определений понятия «ценность», мы сформулировали наше понимание категории **ценность** как субъективной значимости явлений реального мира, отражающей систему общественных отношений в рамках той или иной культуры.

Избирательное отношение к ценностям, система установок, убеждений, предпочтений, выраженная в поведении, определяется как **ценностная ориентация**. Существует немало различных подходов к пониманию ценностных ориентаций. Большинство исследователей сходятся во мнении, что ценностные ориентации являются одним из важнейших личностных образований, так как выражают *отношение* человека к социальной реальности. Под **ценностными ориентациями** в статье понимаются ценностные ориентиры отдельно взятого индивида, являющиеся решающими при выборе жизненной стратегии и составляющие *аксиологический потенциал* личности, её мотивационный уровень.

В основном в литературе ценностные ориентации рассматриваются как ориентация на уже существующие в обществе ценности. Так, А.В. Кирьякова говорит о присвоении ценностных ориентаций и разделяет процесс на 3 фазы: присвоение ценностей (продукт — образ мира); преобразование личности на основе присвоенных ценностей (результат — образ «я»); проектирование (результат — образ будущего) [6: с. 58].

Однако не все исследователи разделяют эту точку зрения. Нам близка точка зрения В.М. Доброштан, который рассматривает ценностно-ориентационную деятельность как процесс формирования ценностей в сознании субъекта, а не выбор готовых ценностей [4: с. 85]. Данная позиция позволяет говорить о возможности воспитания определенных ценностных ориентаций студентов с опорой на критическое мышление и те ценности культуры, которые представляются наиболее значимыми и содержательными.

В соответствии с антропоцентрической парадигмой, принятой в качестве методологической базы современных исследований в области лингвообразования, аксиологический потенциал образовательного процесса выступает

в качестве приоритетного направления современных исследований межкультурного обучения иностранным языкам [7; 10].

Согласно компетентностному подходу, целью обучения иностранным языкам в вузе является становление у студента черт вторичной языковой личности, формирование иноязычной межкультурной коммуникативной компетенции в единстве прагматического (знания, навыки, умения), когнитивного (знания, мышление и процессы понимания), педагогического («внелингвистические» характеристики личности), операционального, действенного и аксиологического аспектов [3: с. 96]. В связи с этим содержание обучения иностранному языку наряду со знаниями, навыками и умениями составляет отношение (*attitudes*), ценности, ценностные ориентации, мотивы, личностные качества студентов, которые могут обеспечить эффективное межкультурное общение.

По мнению В.С. Библера, каждая культура имеет свой особый тип загадочности (энigmatичности) и свой специфический способ разгадывания (свой тип разума). Культура — это форма общения культур, когда цивилизация в форме культуры выходит на грань с другой культурой и только тогда возникает как культура [1: с. 135]. Основное средство создания, развития, хранения и передачи культуры — национальный язык, который определяет способы познания окружающего мира, являясь основой для языковой и ценностной картин мира — иерархии ценностей в языковом сознании народа.

С этой точки зрения высоким аксиологическим потенциалом обладают поговорки и пословицы. С целью исследования аксиологического потенциала паремий в процессе обучения иностранным языкам в языковом вузе нами выбран концепт *дружба*, отражающий одну из наиболее важных универсальных ценностей человечества, близкую и актуальную для современной молодёжи. В ходе проведённого исследования путем сплошной выборки было отобрано и проанализировано 230 русских пословиц и поговорок о дружбе и 60 английских. Такой диспаритет не может быть случайным и говорит о том, что дружба занимает важное место в образе мира русских людей, тогда как в англосаксонском сознании дружба не является столь важной ценностью. Данный вывод подтверждается сравнительным исследованием лексем «друг» и «friend», в котором понятие «друг» занимает 9-е место в ядре сознания русских, а понятие «friend» располагается на 73-м месте в ядре англосаксонского языкового сознания [9: с. 209].

Концепт *дружба* для русского обыденного сознания означает отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов, любви, уважении и т. д. Например:

Дерево держится корнями, а человек друзьями; Человек без друзей что сокол без крыльев; Сердечный друг не бывает врозь.

Понятие *friend* для английского языкового сознания относительно русского является незначительным, оно практически замыкает ядро английских культурных доминант и связано с иными реалиями. В содержательном минимуме концепта *friend* на первый план выходит личностная дифференциация, охраняющая границы личного. Например:

The hedge between keeps friendship green. — Изгородь между друзьями хранит дружбу).

Существует множество русских пословиц, у которых нет аналогов в английском языке:

Лучше матери друга не сыщешь; Нет такого дружка, как родная матушка; Сыр калача белее, а мать всех друзей милее.

В данных пословицах роль матери сопоставляется с ролью друга, что говорит как об особом отношении к матери, так и о наделинии понятия *дружба* высшим, духовным смыслом в русскоязычном сознании.

Таким образом, анализ результатов лингвокультурологического исследования позволяет сделать выводы о том, что пословицы и поговорки не только являются материалом для расширения знаний о культуре и истории страны изучаемого языка, но и способствуют пониманию ценностей в языковом сознании представителей различных лингвокультур. Всесторонний анализ и сопоставление ценностей в английском и русском языковом сознании, представленных в пословицах и поговорках, ведёт к расширению аксиологического потенциала личности, что в итоге способствует реализации общеобразовательной и воспитательной цели иноязычного образования.

Библиографический список

Литература

1. Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков / В.С. Библер. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 423 с.
2. Викулова Л.Г. Социометрия рефлексии о ценностях современного общества / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова, О.А. Кулагина // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллектив. монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 196–230.
3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 3-е изд., стереотип. – М.: Академия, 2006. – 336 с.
4. Доброштан В.М. Аксиологические основы мировоззрения личности: монография / В.М. Доброштан. – СПб.: СПГУТД, 2006. – 136 с.
5. Каган М.С. Философская теория ценности / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
6. Кирьякова А.В. Теория ориентации личности в мире ценностей: монография / А.В. Кирьякова. – Оренбург, Южный Урал, 1996. – 188 с.
7. Тарева Е.Г. Динамика ценностных смыслов лингводидактики / Е.Г. Тарева // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллектив. монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова. – М.: Тезаурус, 2011. – С. 231–245.
8. Теля В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Теля. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
9. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
10. Языкова Н.В. Методология научного исследования по теории и методике обучения иностранным языкам с позиции антропоцентрической парадигмы / Н.В. Язы-

кова // Иностранные языки в Байкальском регионе: опыт и перспективы межкультурного диалога: мат-лы междунар. научно-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. – С. 194–198.

References

Literatura

1. *Bibler V.S.* Na granyax logiki kul'tury'. Kniga izbranny'x ocherkov / V.S. Bibler. – M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1997. – 423 s.
2. *Vikulova L.G.* Sociometriya refleksii o cennostyax sovremennogo obshhestva / L.G. Vikulova, E.F. Serebrennikova, O.A. Kulagina // *Lingvistika i aksiologiya: e'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektiv. monografiya* / Otv. red. L.G. Vikulova. – M.: Tezaurus, 2011. – S. 196–230.
3. *Gal'skova N.D.* Teoriya obucheniya inostranny'm yazy'kam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie / N.D. Gal'skova, N.I. Gez. – 3-e izd., stereotip. – M.: Akademiya, 2006. – 336 s.
4. *Dobroshtan V.M.* Aksiologicheskie osnovy' mirovozzreniya lichnosti: monografiya / V.M. Dobroshtan. – SPb.: SPGUTD, 2006. – 136 s.
5. *Kagan M.S.* Filosofskaya teoriya cennosti / M.S. Kagan. – SPb.: Petropolis, 1997. – 205 s.
6. *Kir'yakova A.V.* Teoriya orientacii lichnosti v mire cennostej: monografiya / A.V. Kir'yakova. – Orenburg, Yuzhny'j Ural, 1996. – 188 s.
7. *Tareva E.G.* Dinamika cennostny'x smy'slov lingvodidaktiki / E.G. Tareva // *Lingvistika i aksiologiya: e'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektiv. monografiya* / Otv. red. L.G. Vikulova. – M.: Tezaurus, 2011. – S. 231–245.
8. *Teliya V.N.* Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty'. – M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1996. – 288 s.
9. *Ufimceva N.V.* Yazy'kovoe soznanie: dinamika i variativnost' / N.V. Ufimceva. – M.: Institut yazy'koznaniya RAN, 2011. – 252 s.
10. *Yazy'kova N.V.* Metodologiya nauchnogo issledovaniya po teorii i metodike obucheniya inostranny'm yazy'kam s pozicii antropocentricheskoj paradigmy' / N.V. Yazy'kova // *Inostranny'e yazy'ki v Bajkal'skom regione: opyt i perspektivy' mezhkul'turnogo dialoga: mat-ly' mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* – Ulan-Ude': Izd-vo BGU, 2013. – S. 194–198.

Е.Л. Сафроненкова

Английский научный текст как культурно-специфический феномен (на материале научной коммуникации)

В статье рассматривается вопрос о культурной специфике научного текста. Автор исходит из модели текстуальности, дополненной критерием культурной маркированности. Анализ англоязычных гуманитарных научных текстов выявил доминирующую роль диалогичности, реализуемую при помощи категории адресованности, которая характеризуется в терминах «коммуникативная стратегия» и «тактика».

The paper presents a scientific text as a culturally specific product of language system. The study is based on the following theoretical ground: cultural specificity is agreed to be one of the characteristics of a text. Analysis of the scientific text corpus in the Humanities field written by English-speaking scholars revealed that dialogue orientation plays a key role in the texts. This feature is realized with the help of the category of addressee orientation which is described in this study in terms of communicative strategy and communicative tactics.

Ключевые слова: культурная маркированность; когнитивный стиль; научный текст; коммуникативная стратегия; коммуникативная тактика.

Keywords: cultural specificity; cognitive style; scientific text; communicative strategy; communicative tactics.

Вданной статье мы исходим из представления о тексте как о культурно детерминированном продукте реализации языковой системы. Акцент делается на культурной специфике научного текста в частности.

Культурная маркированность признаётся на сегодняшний день как базовое свойство текста и как ещё один критерий текстуальности, который дополняет её традиционную модель [4, 6]. Суть анализируемого критерия текстуальности раскрывается в следующей цитате: «Языковая специфика текстов (т. е. определённых разновидностей — типов, жанров текста) есть одновременно культурно-значимая специфика» [5: с. 155].

Мы связываем здесь наш анализ культурно обусловленной специфики текстов с влиянием фактора культурной идентичности на протекание познавательных процессов. Приведём цитату из монографии В.Е. Чернявской, которая во многом определила направление данного исследования: «...стиль научного мышления должен рассматриваться как часть культурно детерминированной человеческой практики» [5: с. 165]. Данное положение позволяет рассматривать существующие стили мышления в качестве основы для изучения различий в структуре научного текста.

В основе исследования лежит работа норвежского философа Й. Гальтунга, который предложил типологию интеллектуальных стилей. Он выдвигает

предположение о том, что существует три западных (германский, англо-американский и французский) и один восточный стиль мышления (японский). Терминология, используемая для описания данных стилей, следующая: «тевтонский», «саксонский», «галльский» и «ниппонский» [3, 7, 9].

Понятие интеллектуального стиля, используемое в классификации Й. Гальтунга, имеет несколько наименований. Помимо интеллектуального стиля мышления встречаются и следующие термины: познавательный стиль, когнитивный стиль; *style of scientific thinking*; *cognitive style*; *Denkstil*; *kognitiver Stil*. Все они схожи по значению, но в разных областях научного знания предпочтение отдаётся тому или иному термину.

Рассматривая *когнитивный стиль* в качестве ключевого понятия при анализе культурной маркированности академического научного текста, целесообразно дать дефиницию данному термину. Когнитивный стиль может быть определён «как стиль подачи и представления информации, особенностей её расположения и структуризации в тексте/дискурсе, связанный со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов» [6: р. 57]. Анализируя данное дефиницию, можно сделать вывод, что когнитивный стиль имеет отношение к способности человека осуществлять когнитивные процессы, которые обуславливают структуру языковой деятельности человека.

Ввиду того что объектом анализа нашего исследования являются англоязычные гуманитарные академические тексты, рассмотрим особенности англо-американского когнитивного стиля более подробно.

Отличительными особенностями данного стиля считаются *диалогичность* и *толерантность к адресату*. Приведём в качестве иллюстрации цитату из работы М. Клайна: «В саксонском стиле главнее взаимодействие (co-operation) между автором и адресатом» [7: р. 238]. (Здесь и далее перевод наш. — Е.С.) Англоязычный исследователь ориентирован в большей степени на адресата и выстраивает текст с учётом реакции адресата. В подтверждение мысли о толерантности к адресату отметим точку зрения Й. Гальтунга: «Учёные продолжают оставаться одной командой, сохраняя единство. В научном сообществе действует негласное джентльменское соглашение, по которому исследователи должны держаться вместе, несмотря на расхождения во взглядах» [9: р. 824].

Англо-американский когнитивный стиль приближается к научно-популярному стилю. Ответственность за понимание текста лежит именно на авторе. В немецкой традиции установка делается не на получателя, а на сообщение. И, как результат, ответственность за понимание текста распределяется неравномерно между автором и читателем. Теоретичность изложения, характеризующая немецкие академические тексты, делает их трудными для чтения.

С точки зрения немецких учёных, *популяризация изложения* в англоязычных академических текстах воспринимается как недостаток, нарушение нормы академического стиля. И оценка научного текста как «легко читаемого», выглядящая положительной в англо-американской традиции, является негативной и даже оскорбительной в немецких научных сообществах [8: р. 64].

Каждая из приведённых характеристик англо-американского когнитивного стиля (диалогичность, толерантность к адресату, популяризация изложения) направлена на достижение общей цели — передать новое научное знание потенциальному читателю в доступной форме с учётом реакции адресата. Таким образом, все рассмотренные особенности англо-американского стиля могут быть сведены к ключевой характеристике данного интеллектуального стиля мышления — адресатоцентричности.

Данная черта англо-американского когнитивного стиля реализуется при помощи текстовой категории адресованности. Последняя может быть определена как «текстовая категория коммуникативно-прагматического плана, посредством которой в тексте опредмечивается авторское представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности» [2: с. 5].

Представляется целесообразным рассматривать функциональную составляющую категории адресованности в англоязычном академическом научном тексте с позиции теории коммуникации, а именно: оперировать понятиями «коммуникативная (речевая) стратегия», «тактика», «ход» [1].

Таким образом, категория адресованности может быть представлена как стратегия адресованности речи. Данная стратегия является детерминирующей для содержания анализируемых текстов и может быть охарактеризована как общая.

Детальный анализ корпусного материала позволяет выделить тактические приёмы и средства реализации макростратегии адресованности, которую осуществляют в своей совокупности три частных стратегии: (1) *контактоустанавливающая стратегия*; (2) *стратегия некатегоричности научного изложения*; (3) *стратегия смягчения критики*.

Так, **контактоустанавливающая стратегия** направлена на привлечение читателя к участию в размышлениях автора. Она реализуется в тексте англоязычной научной статьи при помощи двух тактических приёмов: (1) обращение к потенциальному читателю как коллеге и (2) обращение к коллеге за советом. Наиболее частотными средствами развертывания данных тактических приёмов служат вопросно-ответные комплексы и косвенные обращения-упоминания читателя в качестве третьего лица. Приведём пример, заимствованный из журнала «*Studia Linguistica. Journal of General Linguistics*» (2012, № 3, р. 311), в котором реализуется тактика обращения к потенциальному читателю как коллеге:

Importantly, and as Karttunen also observes, again in relation to implicatives, this requirement of tense identity is not unique to the past tense, as evidenced, for example, by the parallel future examples in (56) and (57) in which the matrix clause is now in the future and so too must be the embedded one. (The reader may verify for him/herself that the same tense identity requirement is maintained in the present tense.)

Здесь автор научной статьи указывает на грамматическую альтернативность употребления языковой единицы. Далее, используя косвенное обращение к читателю в третьем лице (*the reader*), исследователь предоставляет ему возможность самостоятельно проверить данное утверждение. Автор выражает тем самым уверенность в компетентности читателя.

Другой пример, заимствованный из текста англоязычной статьи «Defectiveness and homophony avoidance» из журнала «*Journal of Linguistics*» (2011, № 47, p. 16), демонстрирует использование вопросно-ответного комплекса:

If the explanation above is correct, why are these paradigms not defective too? I can only speculate: one possibility may be that it is a by-product of elicitation conditions, i.e. the infelicity of affirmative/negative homophony only struck the speaker when larger chunks of the paradigm were being offered.

Автор обращается к читателю как компетентному коллеге, приглашая его к диалогу, тем самым вовлекая его в обсуждение изучаемой проблемы и совместный поиск верного решения. Задавая вопрос потенциальному читателю, он формулирует собственное решение анализируемой проблемы. В смоделированной ситуации реального общения апелляция к реальному реципиенту стимулирует его когнитивные действия-размышления.

Рассмотрим пример реализации тактики обращения к коллеге за советом, заимствованный из журнала «*English Language and Linguistics*» (2012, № 16/1, p. 124):

It is not clear, however, what the status of the syntactic object thus produced is. If such a DP is constructed and merged into an argumental position, say the complement of VP, and a phase head such as V is then merged above it, why do we not expect the article to be sent to spell out by the higher phase head?

Использование в текстовой ткани научной статьи «монологического вопроса» [2: с. 15], т. е. вопроса автора к самому себе, позволяет пригласить читателя к размышлению. С помощью данного типа вопроса автор актуализирует проблемную ситуацию и как бы обращается к читателю за советом.

Обсуждая сказанное в связи с научным текстом, подчеркнём в качестве вывода следующее. Научный академический текст представляет собой культурно детерминированное явление. Культурная детерминированность данного типа текста определяется когнитивным стилем / познавательным стилем / интеллектуальным стилем мышления. Саксонский (англо-американский) стиль мышления обладает определёнными характеристиками, отличающими его от других когнитивных стилей. Среди особенностей анализируемого когнитивного стиля вычленимы следующие: толерантность к адресату, популяризация изложения и диалогичность. Всё это характеризует англоязычный академический текст как адресатоцентричный. Специфичность формулирования англоязычного гуманитарного научного текста связывается с доминированием диалогичности, реализуемой при помощи категории адресованности, которая, в свою очередь, описывается в терминах «стратегия» и «тактический приём».

Библиографический список

Литература

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
2. Романова Н.Л. Языковые средства выражения адресованности в научном и художественном текстах (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд.

филол. наук: 10.02.04; защищена 22.10.1997 г. / Н.Л. Романова; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 1997. – 24 с.

3. *Чернявская В.Е.* Интеркультурная вариативность научного текста: к постановке проблемы / В.Е. Чернявская // *Stylistika*. Т. XIV. – Opole, 2005. – С. 351–364.

4. *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

5. *Чернявская В.Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В.Е. Чернявская. – М.: КД «ЛИБРОКОМ», URSS, 2011. – 240 с.

6. *Beaugrande R.* Introduction to textlinguistics / R. Beaugrande, W. Dressler. – London: Longman, 1981. – 270 p.

7. *Clyne M.* Cultural differences in the organization of academic texts / M. Clyne // *Journal of Pragmatics*. – 1987. – № 1. – P. 211–247.

8. *Clyne M.* The sociocultural dimension: the dilemma of the German-speaking scholar / M. Clyne // *Subject-oriented texts*, ed. H. Schroder. – 1991. – P. 49–67.

9. *Galtung J.* Structure, culture, and intellectual style: An essay comparing saxon, teutonic, gallic and nipponic approaches / J. Galtung // *Social Science Information*. – SAGE, London and Beverly Hills, 1981. – № 20 (6) – P. 817–856.

References

Literatura

1. *Issers O.S.* Kommunikativny'e strategii i taktiki russkoj rechi / O.S. Issers. – М.: Izd-vo LKI, 2008. – 288 s.

2. *Romanova N.L.* Yazy'kovy'e sredstva vy'razheniya adresovannosti v nauchnom i xudozhestvennom tekstax (na materiale nemeczkogo yazy'ka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04; zashhishhena 22.10.1997 g. / N.L. Romanova; Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gercena. – СПб., 1997. – 24 s.

3. *Chernyavskaya V.E.* Interkul'turnaya variativnost' nauchnogo teksta: k postanovke problemy' / V.E. Chernyavskaya // *Stylistika*. Т. XIV. – Opole, 2005. – С. 351–364.

4. *Chernyavskaya V.E.* Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' / V.E. Chernyavskaya. – М.: КД «Librokom», 2009. – 248 s.

5. *Chernyavskaya V.E.* Kommunikaciya v nauke: normativnoe i deviantnoe. Lingvisticheskij i sociokul'turny'j analiz / V.E. Chernyavskaya. – М.: КД «LIBROKOM», URSS, 2011. – 240 s.

6. *Beaugrande R.* Introduction to textlinguistics / R. Beaugrande, W. Dressler. – London: Longman, 1981. – 270 p.

7. *Clyne M.* Cultural differences in the organization of academic texts / M. Clyne // *Journal of Pragmatics*. – 1987. – № 1. – P. 211–247.

8. *Clyne M.* The sociocultural dimension: the dilemma of the German-speaking scholar / M. Clyne // *Subject-oriented texts*, ed. H. Schroder. – 1991. – P. 49–67.

9. *Galtung J.* Structure, culture, and intellectual style: An essay comparing saxon, teutonic, gallic and nipponic approaches / J. Galtung // *Social Science Information*. – SAGE, London and Beverly Hills, 1981. – № 20 (6) – P. 817–856.

А.А. Степанова

Характерные особенности англоязычного культурного дискурса

В статье предпринята попытка определить понятийную сущность термина «культурный дискурс» с точки зрения лингвистического подхода, а также проанализировать особенности англоязычного культурного дискурса на материале британских электронных газет.

The article aims to define the notional essence of «cultural discourse» in terms of linguistics and to analyze the specific features of English cultural discourse on the basis of British electronic newspapers.

Ключевые слова: дискурс; медиадискурс; культура; культурный дискурс.

Keywords: discourse; media-discourse; culture; cultural discourse.

Понятие культуры является одним из основополагающих и в то же время самых неопределённых во всей системе гуманитарного знания. Как известно, существует более 500 дефиниций культуры, трактующих её в русле различных дисциплин и зачастую противопоставленных друг другу. Данное обстоятельство, безусловно, затрудняет определение содержания производного термина «культурный дискурс». Наглядное отражение данной проблема нашла в заголовке статьи Джереми Гилберта: «Signifying Nothing: ‘Culture’, ‘Discourse’ and the Sociality of Affect» [7]. И действительно, понятия *дискурс* и *культура* наделяются настолько объёмным содержанием, что говорить о культурном дискурсе, не уточнив значения каждого компонента этого словосочетания, не представляется возможным.

Прежде всего отметим, что термин *культурный дискурс* (cultural discourse) не является абсолютно новым, однако до сих пор сфера его применения ограничивалась культурологией и социологией. Так, традиционная трактовка определяет его как «рассмотрение социальной жизни людей прежде всего с точки зрения языка и понятий культуры, т. е. их ценностного и нормативного сознания» [9]. Схожим образом описывает культурный дискурс Донал Карбо: «a historically transmitted expressive system of communication practices, of acts, events, and styles, which are composed of specific symbols, symbolic forms, norms, and their meanings» [6: p. 167]. Очевидно, что данные трактовки не соответствуют целям и задачам лингвистического подхода к изучению дискурса, в то время как в терминологическом аппарате самого языкознания понятие культурного дискурса отсутствует.

Итак, культурный дискурс, в нашем представлении, соотносится прежде всего не с культурой в широком понимании этого термина, а с так называемой массовой, или популярной, культурой. Популярная культура, согласно принятому определению, — область культуры, доступная для понимания пред-

ставителям всех социальных слоев и групп и получившая широкое распространение в обществе, в том числе в молодёжной среде. Существенной чертой популярной культуры является её ориентация на сопровождение досуговой деятельности, её основная функция — развлекательная. Исходя из вышесказанного, отметим, что более точно будет именовать исследуемый нами феномен «дискурсом массовой культуры».

Несмотря на растущую популярность исследований, ориентированных на дискурс и дискурсивный анализ, многие учёные говорят о несформированности терминологического аппарата данного подхода и, в первую очередь, самого понятия дискурса. Так, о «размытости категории» дискурса писал Т.А. ван Дейк и объяснял это как условиями формирования и бытования данного термина, так и неопределённостью места дискурса в системе категорий языка [1: с. 46]. Отметим, что данная проблема не утратила актуальности: Д. Гилберт так описывает статус понятия в категориальном аппарате: «*‘discourse’ is a term which is now everywhere used and nowhere adequately defined*» [7]. Проблеме определения понятия дискурса посвятили свои работы такие учёные, как Н.Д. Арутюнова, В.В. Богданов, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, П. Серио, Д. Шифрин и многие другие.

Принимая во внимание междисциплинарный характер и полисемантическую терминологию, в данной работе мы, однако, не будем приводить всё множество подходов к определению дискурса, ограничившись дефиницией, предложенной Н.Д. Арутюновой, в соответствии с которой дискурс есть «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [8: с. 136]. Отметим также, что в рамках теории дискурс-анализа важную роль играет понятие институциональности.

Основой для выделения институционального дискурса, наряду с бытовым и художественным, является фокусировка на интенциональной базе и ориентированности общения. В.В. Звягинцева трактует институциональный дискурс как «дискурс, определяемый типами сложившихся в обществе социальных институтов и в соответствии с нормами данного социума» [2]. При этом разграничение и классификация институциональных дискурсов традиционно осуществляется по типам социальных институтов.

В.И. Карасик отмечает, что массово-информационный дискурс, в работах других исследователей обозначаемый как массмедийный дискурс или дискурс СМИ (Е.И. Шейгал, М.Р. Желтухина), тяготеет к поглощению других дискурсов, охватывая практически все аспекты общественной жизни [3]. Именно этим объясняется отсутствие в терминологическом аппарате дискурсивного направления лингвистики понятия культурного дискурса, несмотря на то, что он репрезентирует одну из важнейших сторон жизни социума. Прежде чем перейти к описанию характеристик культурного дискурса, уточним понятие дискурса СМИ, которым опосредуется культурная коммуникация.

Дискурс массмедиа можно назвать одним из наиболее активно исследуемых институциональных дискурсов, что обусловлено глобальным характером его распространения и развития, а также совершенно особой ролью массовой

коммуникации в современном мире. Специфические черты данного дискурса нашли отражение в определении, сформулированном К.В. Никитиной: «Дискурс СМИ — это сложное коммуникативное явление, нацеленное на формирование общественного мнения, включающее текст как вербализованный результат речи, контекст — ситуативный и социокультурный, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса» [4].

Далее автор выделяет основные характеристики дискурса массмедиа, среди которых называет публичность, т. е. неограниченный круг потребителей; не прямое, разделённое в пространстве и времени взаимодействие коммуникантов; однонаправленность воздействия от коммуникатора к реципиенту, невозможность перемены их ролей и способность воздействовать на аудиторию. При этом особо подчёркивается тот факт, что средства массовой информации не только передают сведения, но и сами становятся активными участниками глобальных процессов в обществе, создавая ситуации, формируя настроения и мнения. В связи с этим важно отметить, что рассмотрение массмедийного дискурса возможно преимущественно в рамках культуры конкретного государства, так как его институциональность предполагает наличие идеологии, глобальных установок в сфере формирования общественного мнения, что во многом определяется политикой внутри страны.

В отношении культурного дискурса массово-информационный дискурс является глобальной средой, а журналисты выступают в качестве посредников между событиями культуры и массовой аудиторией. Обладая множеством сходных черт, дискурс СМИ и культурный дискурс пересекаются в некоторой области своего применения. Так, например, лекция, посвящённая какому-либо явлению культуры, будет относиться к культурному дискурсу, в то время как новостная заметка о ней — уже к культурному дискурсу СМИ. Речь деятеля культуры на церемонии вручения награды представляет собой культурный дискурс, а опубликованный репортаж или трансляция этой речи — культурный дискурс массмедиа. Таким образом, наиболее точным термином для обозначения исследуемого феномена будет массмедийный дискурс популярной культуры.

Для выделения характерных особенностей англоязычного культурного дискурса воспользуемся предложенной в работе [5] схемой, включающей в себя 8 компонентов.

1. Представление о социальной миссии данного института. В других работах, посвящённых дискурсивным исследованиям, данный компонент представлен как цель дискурса (В.И. Карасик). Цель культурного дискурса — способствовать усилению интереса аудитории к культурным событиям, привлечь внимание клиентов дискурса к продукции, производимой индустрией массовой культуры. Отличительной особенностью дискурса популярной культуры является ярко выраженная развлекательная, досуговая составляющая его миссии.

2. Особый язык, включая профессиональный, который принято использовать при включении в конкретную институциональную коммуникацию. Безусловно, лингвистические особенности культурного дискурса во многом

обусловлены тенденциями в развитии языка СМИ. Однако он обладает также и уникальными единицами (например, *showbiz*, *celebs*, *to wow*), характерными для таблоидов, часто используемыми в широкоформатных изданиях (*debut*, *masterly*, *to star*), а также специфическими словообразовательными моделями, среди которых можно отметить сокращение (*R-Patz*, *K-Stew*) и синтаксическое сложение (*end-of-tour bash*).

3. Нормативная модель типично событийной статусно-ролевой коммуникации, к реализации которой принуждает конкретный институциональный дискурс. Сюда включаются типичное событие, типичные участники, хронотоп, статусы и ролевые отношения типичных участников коммуникации, ситуативные контексты коммуникации, официально принятые нормы коммуникации, традиционные формы общения, а также каналы коммуникации. Для культурного дискурса типичное событие — это появление нового объекта культуры, например, публикация книги, выход фильма на экраны, открытие выставки. Хронотоп в электронных версиях газетных изданий будет ограничен наличием или отсутствием у адресата подключения к Интернету, так как именно он служит каналом данного сектора культурного дискурса. Однако если рассматривать культурный дискурс в его полном объёме, в числе каналов можно назвать не только СМИ, но и лекции, экскурсии, книги и др. И всё же, для существенной части текстов культурного дискурса характерна статичная однонаправленная коммуникация, в которой присутствует строгое разграничение участников на адресантов и адресатов.

4. Система базовых ценностей, транслируемых и внушаемых посредством институциональных коммуникаций. В дискурсе массовой культуры ценности будут задаваться социально-культурной средой и варьироваться в зависимости от потребительского запроса и государственного заказа.

5. Основные стратегии институционального дискурса. В целом, набор стратегий культурного дискурса во многом совпадает со стратегиями дискурса рекламы. По крайней мере, классификация этих стратегий на позиционирующие и оптимизирующие будет общей. Отметим, однако, что, поскольку стратегии дискурса определяются его целями, стратегии культурного дискурса могут быть направлены на установление не только позитивного, но и негативного восприятия продукта клиентом, например, критическая рецензия.

6. Жанры культурного институционального дискурса. Среди наиболее распространённых жанров можно назвать статью, интервью, рецензию (обзор), новостную заметку и др.

7. Прецедентные тексты. Прецедентность является одной из отличительных особенностей языка СМИ в целом, но для культурного дискурса можно выделить специфические категории прецедентных текстов и имён. Наиболее распространены в культурной коммуникации прецедентные имена, отсылающие читателя к ставшим стереотипическими явлениям культуры. Например, *a new Sara Bernard*, *the next Saga*, *Forrest Gamp type*. Прецедентными текстами чаще всего становятся названия книг, фильмов, спектаклей.

8. Типичные дискурсные формулы. Примером может послужить сама структура электронного издания: классификация текстов внутри тематической рубрики «Культура» осуществляется по заданным дискурсом критериям формы, жанра, актуальности и др. Не менее наглядной представляется модель презентации текста публикации: помимо свойственных всему дискурсу массмедиа заголовка, подзаголовка и самого сообщения тексты культурного дискурса предваряются иллюстрацией и, как правило, насыщены гипертекстуальными ссылками, в том числе справочного характера.

Таким образом, можно сделать вывод, что англоязычный культурный дискурс — это сложное коммуникативное явление, имеющее своей целью привлечение внимания аудитории к продуктам индустрии массовой культуры и формирование мнения о них, включающее текст, контекст — ситуативный и социокультурный, а также специальные языковые средства, отвечающие целям и задачам дискурса и обладающие уникальными лингвокультурными характеристиками.

Библиографический список

Литература

1. *Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
2. *Звягинцева В.В.* К вопросу об определении границ семейного дискурса в свете лингвопрагматической теории / В.В. Звягинцева // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. научн. тр. / Под ред. Т.Ю. Сазоновой. — Курск: КГУ, 2010. — № 1 (7). — URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/007-11.pdf>, режим доступа свободный.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
4. *Никитина К.В.* Дискурс СМИ: возможности манипулирования общественным мнением / К.В. Никитина // Факультет журналистики УРГУ им. А.М. Горького. — URL: <http://journ.igni.urfu.ru/index.php/component/content/article/424> (дата обращения: 21.03.2013 г.).
5. *Русаков О.Ф.* PR-дискурс: Теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русаков, В.М. Русаков. — Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. — 340 с.
6. *Carbaugh D.* Cultural Discourse Analysis: Communication Practices and Intercultural Encounters / D. Carbaugh // Journal of Intercultural Communication Research. — 2007. — № 3. — P. 167–182.
7. *Signifying Nothing: ‘Culture,’ ‘Discourse’ and the Sociality of Affect* // Culture Machine. — URL: <http://www.culturemachine.net/index.php/cm/article/viewArticle/8/7> (дата обращения: 13.02.2013 г.).

Справочные и информационные издания

8. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С. 136.
9. *Семёнова В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: глоссарий к книге / В. Семёнова // Глубинная психология: учения и методики. — URL: <http://www.psyoffice.ru/6-588-kulturnyi-diskurs.htm> (дата обращения: 15.09.2013 г.).

References***Literatura***

1. *Dejk van T.A.* Yazy'k. Poznanie. Kommunikaciya: per. s angl. / T.A. van Dejk. – M.: Progress, 1989. – 312 s.
2. *Zvyaginceva V.V.* K voprosu ob opredelenii granicz semejnogo diskursa v svete lingvo-pragmaticheskoj teorii / V.V. Zvyaginceva // Teoriya yazy'ka i mezhkul'turnaya kommunikaciya: mezhvuz. sb. nauchn. tr. / Pod red. T.Yu. Sazonovoj. – Kursk: KGU, 2010. – № 1 (7). – URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/007-11.pdf>, rezhim dostupa svobodny'j.
3. *Karasik V.I.* Yazy'kovoj krug: lichnost', koncepty', diskurs / V.I. Karasik. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.
4. *Nikitina K.V.* Diskurs SMI: vozmozhnosti manipulirovaniya obshhestvenny'm mneniem / K.V. Nikitina // Fakul'tet zhurnalistiki URGU im. A.M. Gor'kogo. – URL: <http://journ.igni.urfu.ru/index.php/component/content/article/424> (data obrashheniya: 21.03.2013 g.).
5. *Rusakov O.F.* PR-diskurs: Teoretiko-metodologicheskij analiz / O.F. Rusakov, V.M. Rusakov. – Ekaterinburg: UrO RAN, Institut mezhdunarodny'x svyazej, 2008. – 340 s.
6. *Carbaugh D.* Cultural Discourse Analysis: Communication Practices and Intercultural Encounters / D. Carbaugh // Journal of Intercultural Communication Research. – 2007. – № 3. – P. 167–182.
7. Signifying Nothing: 'Culture,' 'Discourse' and the Sociality of Affect // Culture Machine. – URL: <http://www.culturemachine.net/index.php/cm/article/viewArticle/8/7> (data obrashheniya: 13.02.2013 g.).

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. *Arutyunova N.D.* Diskurs / N.D. Arutyunova // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva. – M.: Sov. e'nciklopediya, 1990. – S. 136.
9. *Semyonova V.* Kachestvenny'e metody': vvedenie v gumanisticheskuyu sociologiyu: glossarij k knige / V. Semyonova // Glubinnaya psixologiya: ucheniya i metodiki. – URL: <http://www.psyoffice.ru/6-588-kulturnyi-diskurs.htm> (data obrashheniya: 15.09.2013 g.).

Д.Д. Холодова

Почему на самом деле можно сказать *have a drink* и нельзя сказать **have an eat*

В статье предлагается описание семантической структуры английских предикативных выражений типа *to have a talk*, выделяются интегральные семантические признаки, релевантные для изучаемой модели.

The article offers an account of the semantic structure of the English predicative expressions of the type *to have a talk* focusing on the invariant semantic features relevant for the construction under consideration.

Ключевые слова: контролируемость; «порция» действия; предикаты бесперспективного протекания.

Keywords: + / – control; «portion» of an activity; predicates denoting prospectless activity.

В последние десятилетия языковедение обнаруживает устойчивый интерес к семантике синтаксиса. В результате исследований стало очевидно, что многочисленные аспекты лексической семантики могут найти интерпретацию и описание только при рассмотрении вопросов синтаксической семантики. Трудно представить, например, исследование значения лексических единиц, описывающих различные способы действия, без обращения к семантике синтаксиса. В этой связи особый интерес вызывает изучение семантики «малого синтаксиса» как значимого компонента английской синтаксической системы. Следует отметить, что в число синтаксических моделей, традиционно привлекающих внимание лингвистов, однако по-прежнему не получивших исчерпывающего семантического описания, входит модель типа *to have a + конверсив*.

Анализируемая модель получила описание в специальной работе А. Вежбицкой «Why can you *have a drink* when you can't **have an eat*», где автор выделяет 10 семантических типов конструкции *to have a + конверсив* (*have a walk, have a look at, have a try, have a cough, have a bite, have a drink, have a kick, have a wash, have a kiss* и *have a chat*) [4]. Как представляется, классификация, предлагаемая А. Вежбицкой, не является исчерпывающей, поскольку выделение семантических типов осуществляется на основе созначения именного компонента конструкции. При этом инвариантное значение модели оказывается практически неопианным. К числу интегральных семантических признаков модели исследователь относит, во-первых, ограниченность во времени совершаемого субъектом действия, во-вторых, направленность действия на получение определённого опыта и, в-третьих, дополнительную предикацию относительно субъекта, достигаемую, в частности, переключением её с объекта, если таковой имеется.

Лингвист особо подчёркивает, что события, описываемые конструкцией *to have a + конверсив*, вносят информацию о продолжительных бесцельных неопредельных действиях (*aimless, atelic individual activities*), представляющих собой отдельный акт. Однако данная интерпретация вызывает определённые сомнения. Прежде всего термин «бесцельная деятельность» не применим к описываемой модели, поскольку, как будет показано ниже, характеризующее моделью действие в определённом смысле предполагает цель. Более того, указание на то, что описываемые события представляют отдельный акт, не составляет специфику данного типа.

Отметим также, что временное ограничение, заложенное в семантике конструкции, отражается не в продолжительности описываемого события, поскольку подобное действие может длиться относительно долго, ср. *they had a long kiss, they had a dance all night*, но в его качественном проявлении. За указанием на ограниченность во времени, как будет показано ниже, стоит признак, вносящий информацию о «порционности» действия. Так, при переводе исследуемой конструкции на русский язык можно ввести слово *немного*, которое скорее сообщает, что совершаемое действие не достигло своей полноты, но не то, что оно длилось недолго. См. *he had a dance (он немного потанцевал)*, так же как и *he had a drink of juice (он немного попил сока)*, ср. *he danced (он танцевал)*, *he drank a glass of juice (он выпил стакан сока)*, где действие, выполняемое субъектом, заканчивается, когда оно достигает естественного предела.

Для интерпретации значения предикатов типа *to have a + конверсив* видится необходимым ввести ряд параметров, которые будут заложены в основу описания семантики изучаемых синтаксических структур. Как показало исследование, интегральными семантическими признаками анализируемой модели являются признаки «контролируемость действия», «целесообразность», «порционность» и «бесперспективность действия». Рассмотрим указанные семантические признаки.

Вслед за О.А. Сулеймановой [3: с. 51–60], под понятием «контролируемость» в рамках настоящего исследования понимается совокупность 3 признаков, а именно: приложение / неприменение субъектом усилий для реализации события; сознательность или бессознательность действий субъекта в случае приложения им усилий и, наконец, управление субъектом событием хотя бы на одной из стадий его реализации.

Проведённые эксперименты показали, что субъект, инициирующий события, описываемые конструкцией типа *to have a + конверсив*, прикладывает усилия для их реализации, см. *I had a thorough read through the books (Я внимательно прочитал книги)*, где лексема *thorough* подчёркивает «созидательную» роль субъекта в осуществлении действия.

Наличие признака сознательности приложения усилий со стороны субъекта в семантике изучаемых конструкций подтверждается способностью рассматриваемых предикатов участвовать в высказываниях, содержащих повелительное наклонение. Как отмечает О.А. Сулейманова, в том случае, если

субъект сознательно прикладывает усилия для осуществления события, его можно побудить воспроизвести это событие, прибегнув при этом к форме императива [3: с. 54], ср.: *Have a read through the books at your leisure* (Почитай книги на досуге); *Stretch your legs, have a smoke* (Вытяните ноги и покурите); *Come and have a bite with me* (Пойдём перекусим).

Подчеркнём, что события, описываемые синтаксическими структурами типа *to have a + конверсив*, представлены как контролируемые на всех стадиях реализации, и субъект, таким образом, может по своему желанию вступить в действие или прекратить его осуществление. Так, наличие контролируемости на начальной фазе действия подтверждается способностью рассматриваемой модели сочетаться с глаголом *start*, вносящим информацию о сознательном приложении субъектом усилий для инициирования события, см.: *I always think she's going to start having a go at me, but she's never said a word to me* (Мне всё время кажется, что она вот-вот начнёт меня критиковать, но она ещё ни разу мне ни слова не сказала).

Тестом, подтверждающим наличие контролируемости на конечной / срединной стадии действия, служит способность анализируемой конструкции сочетаться с глаголами, вносящими информацию о том, что субъект прикладывает усилия для прекращения осуществления события. См. *My suggestion is to stop having a talk and clean it off* (Я предлагаю перестать разговаривать и, наконец, убрать это).

Таким образом, можно заключить, что признак «контролируемость» является релевантным для конструкций типа *to have a + конверсив*.

Далее отметим, что действия, описываемые моделью *to have a + конверсив*, представляют собой сознательную деятельность субъекта, и, следовательно, имеют определённую цель. Однако целью описываемого действия является не достижение предусмотренного природой этого действия предела, но «освоение» этого способа действия, сам процесс. Иными словами, действие осуществляется субъектом ради самого действия. Таким образом, результирующее состояние (=заключительная фаза действия, в итоге предполагающая достижение предела) является нерелевантным для данного события. Заметим, что выделение начального и срединного периодов времени, традиционно связываемое со значением недостижимости предела, в данном случае не предполагает семантического признака незавершённости действия. Прекращение не доведённого до предела действия происходит в результате волевого акта субъекта действия, не считающего целесообразным его дальнейшее продолжение. Субъект прекращает действие, считая свое участие в нём достаточным, и, следовательно, действие можно рассматривать как «успешное», завершённое. Цель в данном случае ассоциируется с намерением субъекта совершить действие, а результат — с самим действием, см.: *I just want to have a look at her and make sure she is OK* (Я хочу посмотреть на неё и убедиться, что с ней всё в порядке), где первостепенное значение имеет непосредственное участие субъекта в событии, а вовлечённость субъекта в описываемый процесс является при этом залогом реализации события, описание которого заключено в семантике второго предиката, *make sure*.

Как было отмечено ранее, одним из интегральных признаков, входящих в семантику конструкций типа *to have a + конверсив*, является признак «“бесперспективность” действия». Как представляется, предикаты бесперспективного протекания (далее ПБП) описывают действия, не направленные в своём протекании к определённой природой самого действия пределу. При этом такое действие может считаться успешным в любой момент своего протекания, — поскольку оно начинает реализовываться непосредственно в тот момент, когда субъект инициирует его, — и достигает своей цели (в том смысле, что субъект принял непосредственное участие в событии), когда «порция» описываемого действия уже завершена. Момент окончания действия определяется субъектом, который осуществляет необходимую «порцию» реализуемого действия и завершает его тогда, когда считает совершаемое действие «эффективным», а свое участие в нём — достаточным.

Отсутствие в семантике ПБП указания на определённый момент, после достижения которого событие, исчерпав себя, должно перестать иметь место, объясняет невозможность сочетания рассматриваемых предикатов с обстоятельственными временными выражениями, указывающими на продолжительность отрезка времени, в течение которого реализовывалось событие. См. **How long are you going to have a wait?* — оцениваемое информантами как ошибочное. Предикат *to have a wait* описывает действие, длящееся неопределённое количество времени, и, следовательно, не может употребляться в предложении с обстоятельством, чётко определяющим промежуток времени, занимаемый осуществлением некоторого события.

Как отмечает Т.В. Булыгина, бесперспективные процессы не подразумевают скачка в новое состояние. Так, если субъект занимался «бесперспективной деятельностью», то, как бы мало ни продолжалась эта деятельность, субъект уже «позанимался» ею [1: с. 58–61]. Действительно, *X had a read*, — как бы короток ни был период, занятый этой деятельностью, субъект всё же почитал немного. Описываемая особенность конструкции типа *to have a + конверсив* обусловлена заключённым в лексическом значении ПБП семантическим признаком, который Ю.С. Маслов назвал значением «непосредственного непрерывного эффекта»: такие действия, даже будучи взятыми в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся «неэффективными», «безуспешными» [2].

Как представляется, ПБП, и в частности конструкции типа *to have a + конверсив*, вносят информацию о том, что субъект совершает не «полное» действие (доведённое до естественного предела и потому завершившееся), но только его «порцию», см.: *She had a quick drink of water and hurried to the van to climb in the passenger's seat (Она попила воды и побежала к грузовику, чтобы занять пассажирское кресло)*, где привносится представление о том, что субъект не доводит действие до потенциального предела, но выполняет необходимую «порцию» действия и после этого прекращает его реализацию.

Таким образом, под «порцией» действия в свете ПБП следует понимать такую часть действия, выполнения которой достаточно для того, чтобы субъект

мог расценивать событие как имевшее место и в этом смысле реализованное. «Порция» действия соотносится с «целым» действием, при этом обладает вполне самостоятельным значением и всеми ключевыми свойствами прототипической целостной структуры.

Наличие признака «“порция” действия» в семантике конструкций типа *to have a + конверсив* накладывает определённые ограничения на сочетаемостный потенциал синтаксических структур, образуемых по рассматриваемой модели. Так, в изучаемых конструкциях оказывается невозможным употребление существительных, образованных от глаголов, описывающих действия, состоящие в реальной жизни из выделимых квантов, но представляемые как единое целое, см.: **to have an eat, *to have a work, *to have a study, *to have a practice, *to have a pray*, где существительные описывают события, которые не будут считаться успешными в том случае, если они не будут доведены до логического, предусмотренного природой самого события предела.

Выявленные интегральные семантические признаки, характерные для изучаемой модели, таким образом, позволяют получить более полное понимание семантики и особенностей её функционирования в языке и речи.

Библиографический список

Литература

1. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т.В. Булыгина // Семантические типы предикатов: сб. науч. ст. / Под ред. О.Н. Селивёрстовой. – М.: Наука, 1982. – С. 7–85.
2. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. – Л.: ЛГУ, 1984. – 291 с.
3. Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений / О.А. Сулейманова. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 222 с.
4. Wierzbicka A. Why Can You «Have a Drink» When You Can't «*Have an Eat?» / A. Wierzbicka // Language. – 1982. – Vol. 58. – № 4. – P. 753–799.

References

Literatura

1. Buly'gina T.V. K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazy'ke / T.V. Buly'gina // Semanticheskie tipy' predikatov: sb. nauch. st. / Pod red. O.N. Selivyorstovoj. – M.: Nauka, 1982. – S. 7–85.
2. Maslov U.S. Oчерki po aspektologii / U.S. Maslov. – L.: LGU, 1984. – 291 s.
3. Sulejmanova O.A. Problemy' russkogo sintaksisa: Semantika bezlichny'x predlozhenij / O.A. Sulejmanova. – M.: Dialog-MGU, 1999. – 222 s.
4. Wierzbicka A. Why Can You «Have a Drink» When You Can't «*Have an Eat?» / A. Wierzbicka // Language. – 1982. – Vol. 58. – № 4. – P. 753–799.

Е.А. Шугаева

Прагматические характеристики косвенных речевых актов предостережения во французском языке

В статье рассматривается понятие косвенного речевого акта. Рассмотрены способы косвенного выражения предостережения, стратегии понимания косвенных речевых актов.

This article deals with the notion of the indirect speech act. The author examines the ways of indirect expressing of warning, the strategies of understanding indirect speech acts.

Ключевые слова: косвенный речевой акт; предостережение.

Keywords: indirect speech act; warning.

Проблема единиц речевой деятельности и единиц речевого общения была поставлена в рамках коммуникативно-функциональной научной парадигмы, которая рассматривает язык как средство деятельности субъекта для достижения своих коммуникативных целей. Согласно теории речевых актов, способом достижения определённой внеязыковой цели является речевой акт, состоящий в произнесении говорящим высказывания в ситуации непосредственного общения со слушающим.

При рассмотрении классификаций речевых актов, предложенных Дж. Сёрлом, Дж. Личем, Д. Вундерлихом, отечественный лингвист В.В. Богданов отмечает, что они построены на основании признака иллокутивной цели [4: с. 26–29]. В данных классификациях выделен класс директивов, которые представляют собой «попытки <...> со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [6: с. 182]. К директивным речевым актам относятся приказы, просьбы, советы, предостережения и т. д.

Целью речевого акта предостережения является стремление говорящего побудить адресата (в связи с потенциальной для последнего опасностью) совершить какое-либо действие. Кроме того, предостережение, согласно Е.И. Беляевой, обладает следующими характеристиками: приоритетность говорящего, необязательность выполнения и направленность на благо адресата [3: с. 15].

Уточним, что в лингвистике различают прямые и косвенные речевые акты. В прямых речевых актах предостережения эксплицитно выражено стремление говорящего побудить адресата совершать или не совершать определённое действие (а), чтобы избежать указанного негативного результата (b):

(1) *Ne le dites à personne qu'Escartefigue est cocu* (a). *Ça pourrait se répéter* (b) [1: р. 170]. (Никому не говорите, что Эскартефиг роконосец. Эта информация может распространиться). (Здесь и далее перевод наш. — Е. Ш.)

В косвенных речевых актах «фраза, чей маркер иллокутивной силы указывает на определённую иллокутивную силу, в действительности используется с иной иллокутивной целью» [8: р. 62].

Проблема косвенных речевых актов заключается в выяснении того, «каким образом говорящий может с помощью некоторого высказывания выражать не только то, что оно непосредственно означает, но и нечто иное» [6: с. 196], и того, каким образом слушающий распознаёт это намерение говорящего.

В косвенном речевом акте выделяют, как правило, первичный и вторичный акты. Например, в косвенном речевом акте «Ты можешь закрыть окно?» первичный акт (просьба) совершён посредством вторичного акта (вопрос). Иллокутивное намерение относится только к первичному акту. Узнавание этого намерения происходит благодаря семантическим правилам, которые накладываются на речевые акты [6].

Косвенные речевые акты предостережения могут быть совершены посредством вторичных актов предсказания:

(2) *Il faudra que tu te lasses embrasser* [1: р. 91]. (*Тебе нужно будет позволить целовать себя.*) Молодой человек говорит девушке, к которой он равнодушен, но которая решила выйти замуж за пожилого человека ради денег.

(3) *Dans huit jours ça sera trop tard* [2: р. 32]. (*Через неделю будет слишком поздно.*) Запоздывает письмо от сына, ушедшего в плавание, отец сходит с ума от волнения.

В пропозициональном содержании используются формы будущего времени.

Либо косвенные предостережения могут иметь форму пропозиционального содержания, свойственную любому директивному высказыванию, то есть включать в себя основной маркер директивности — повелительное наклонение глагола:

(4) *Ne fais pas de bruit surtout* [1: р. 132]. (*Главное — не шуми.*) Ситуация подразумевает опасность разбудить спящих, что нежелательно для коммуникантов.

Выражая предостережение косвенно, говорящий либо опускает описание предполагаемого негативного результата или нежелательного действия, либо скрывает, делает неявной свою директивную интенцию. Следовательно, среди косвенных речевых актов предостережения можно выделить следующие типы.

1. «Действие – Негативный результат».

Так, в примере (5) молодой человек обращается к девушке, к которой он равнодушен, но которая решила выйти замуж за пожилого человека ради денег.

(5) *Fanny, si tu faisais ça, tu serais la dernière des dernières* [1: р. 90]. (*Фанни, если ты сделаешь это, ты будешь презреннейшей из презреннейших.*)

Говорящий соединяет некое действие и негативный результат, имплицитно предостерегая слушающего от совершения данного действия, влекущего за собой указанные отрицательные последствия, но не прибегает к повелительному наклонению глагола как маркеру директивного высказывания, волеизъявления.

2. «Действие».

В примере (6) мужчина обращается к девушке, чей возлюбленный мечтает уплыть в море, в день отхода крупного корабля.

(6) *Mais tout de même... Surveillance-le... Surtout ce matin* [1: p. 198]. (Но всё-таки... **Следи за ним**... Особенно этим утром...)

Говорящий явно выражает стремление повлиять на действия адресата, но опускает описание негативного результата. Определение данного типа речевого акта как предостережения зависит от контекста, поскольку вне ситуации подобные фразы могут использоваться как любой из директивных речевых актов.

3. «Негативный результат».

В примере (7) молодой человек обращается к девушке, которая решила выйти замуж за пожилого человека ради денег:

(7) *Il va te serrer dans ses bras, ce dégoûtant, ce voyou !* [1: p. 92]. (Он будет обнимать тебя, эта свинья, этот повеса!)

В данном случае эксплицитно определяется лишь отрицательный результат, а способы его избегания подразумеваются известными адресату.

При понимании косвенных речевых актов, согласно Дж. Сёрлу, большую роль играют не только языковые знания слушающего, но и его способность к умозаключению на основе разнообразных неязыковых знаний: знаний условий успешности речевых актов, принципов общения и знаний о мире, часто называемых также «энциклопедическими». Важность знания ситуации, контекста и общих фоновых знаний коммуникантов для адекватного понимания высказывания подчёркивают также в своей теории Д. Спербер и Д. Уилсон [10], указывая, что принцип уместности ограничивает контекст, «учитываются только те сведения, которые способны создать достаточный эффект <...> или наиболее доступные» [8: p. 124].

Именно с помощью неязыковых знаний слушающий понимает, что говорящий предвидит именно негативный, представляющий опасность результат какого-либо действия.

(8) *Mais quand je pense à ça et que je vous regarde, je vous vois **une paire de cornes** qui va tourner le plafond* [1: p. 65]. (Но когда я думаю об этом и смотрю на вас, я вижу у вас пару рогов до потолка.) Мать молодой девушки говорит пожилому человеку, решившему жениться на её дочке.

Высказывание содержит в себе лишь описание возможного негативного результата этого поступка. Собеседники оба владеют информацией, что рога образно приписывают мужу, которому изменяет жена, и оба воспринимают это событие негативно. Мнение о супружеской измене — отрицательное — разделяется не только говорящим, но и слушающим, иначе предостережение не было бы таковым. Иными словами, говорящий знает, что результат негативен, но он уверен также, что и слушающий это знает.

Большой вклад в изучение косвенных речевых актов внёс П. Грайс [5]. Он назвал основным принципом общения принцип кооперации, а его следствия — конверсационными максимами, которые управляют отношениями собеседников. Это максимы количества, качества, релевантности и манеры.

Роль конверсационных максим П. Грайса при выявлении и понимании косвенных речевых актов описывает Ф. Реканати [9]. Решение проблемы косвенных речевых актов, согласно Ф. Реканати, заключается в признании того факта, что даже скрытая интенция может быть «явной», если она «явно скрыта». Обнаружить

присутствие в речевом акте скрытой информации позволяет анализ соответствия высказывания разговорным максима́м, принципам, по которым строится общение. Подразумевается, что говорящий, вступая в коммуникацию, обязуется «соблюдать эти принципы по мере возможного и соответственно заставляет слушающих ожидать <...>, что он их соблюдает» [9: с. 143]. Явное и преднамеренное нарушение принципов общения при буквальном понимании высказывания — сигнал для слушающего, что интенция говорящего может быть скрыта, поскольку единственным способом согласовать высказывание с соблюдением разговорных максим является предположение, что у говорящего есть намерение высказать нечто большее, чем буквальный смысл.

С помощью подразумеваемого говорящий может осуществлять косвенные речевые акты, высказывая фразу, которая, будучи интерпретирована буквально, выражает намерение выполнить другой иллокутивный акт.

Рассмотрим пример косвенного речевого акта предостережения:

(9) *Tu sais bien que quand on se marie, il ne suffit pas d'aller à la mairie, puis à l'église* [1: p. 91]. (*Ты хорошо знаешь, что, когда выходят замуж, недостаточно сходить сначала в мэрию, а потом в церковь.*) Данное высказывание адресовано молодым человеком девушке, к которой он равнодушен. Если воспринимать это высказывание буквально, нарушена максима релевантности: не ясно, с какой целью говорящий высказывает общеизвестную истину, не сообщая никакой новой информации слушающему. С учётом же скрытого подразумеваемого — желания молодого человека отговорить девушку от брака с пожилым мужчиной — обнаруживается интенция предостережения: молодой человек напоминает, что семейная жизнь только начинается со свадьбы, а долгая жизнь с нелюбимым мужем — негативный результат замужества, от которого он её и предостерегает.

Таким образом, понимание косвенных актов предостережения слушающим возможно благодаря знанию ситуации, которое позволяет говорящему опускать эксплицитное повторение уже известной обоим коммуникантам информации; общим фоновым знаниям, которые в случае предостережения позволяют коммуникантам воспринимать результат действия как негативный; а также явному нарушению разговорных максим.

Библиографический список

Источники

1. Pagnol M. Marius / M. Pagnol. – Paris: Editions de Fallois, 1988. – 223 p.
2. Pagnol M. Fanny / M. Pagnol. – Paris: Le Livre de Poche, 1969. – 256 p.

Литература

3. Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык / Е.И. Беляева. – Воронеж, 1992. – 168 с.
4. Богданов В.В. Классификация речевых актов / В.В. Богданов // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. тр. – Калинин, 1989. – С. 25–37.
5. Грайс П. Логика и речевое общение / П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.

6. *Сёрль Дж.Р.* Косвенные речевые акты / Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195–222.
7. *Сёрль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170–194.
8. *Bracops M.* Introduction à la pragmatique. Les théories fondatrices: actes de language, pragmatique cognitive, pragmatique intégrée / M. Bracops. – Bruxelles: Editions Duculot, 2010. – 240 p.
9. *Récanati F.* Les énoncés performatifs: Contribution à la pragmatique / F. Récanati. – Paris: Les Editions de minuit, 1981. – 287 p.
10. *Sperber D., Wilson D.* La pertinence. Communication et cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Paris: Les Editions de minuit, 1989. – 396 p.

References

Istochniki

1. *Pagnol M. Marius* / M. Pagnol. – Paris: Editions de Fallois, 1988. – 223 p.
2. *Pagnol M. Fanny* / M. Pagnol. – Paris: Le Livre de Poche, 1969. – 256 p.

Literatura

3. *Belyaeva E.I.* Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: Anglijskij yazy'k / E.I. Belyaeva. – Voronezh, 1992. – 168 s.
4. *Bogdanov V.V.* Klassifikaciya rechevy'x aktov / V.V. Bogdanov // Lichnostny'e aspekty' yazy'kovogo obshheniya: mezhvuz. sb. nauch. trudov. – Kalinin, 1989. – S. 25–37.
5. *Grajs P.* Logika i rechevoe obshhenie / F. Grajs // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Lingvisticheskaya pragmatika. – Vy'p. XVI. – М.: Progress, 1985. – S. 217–237.
6. *Serl' Dzh. R.* Kosvenny'e rechevy'e akty' / Dzh.R. Syorl // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teoriya rechevy'x aktov. – Vy'p. XVII. – М.: Progress, 1986. – S. 195–222.
7. *Serl' Dzh. R.* Klassifikaciya illokutivny'x aktov / Dzh.R. Syorl' // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Teoriya rechevy'x aktov. – Vy'p. XVII. – М.: Progress, 1986. – S. 170–194.
8. *Bracops M.* Introduction à la pragmatique. Les théories fondatrices: actes de language, pragmatique cognitive, pragmatique intégrée / M. Bracops. – Bruxelles: Editions Duculot, 2010. – 240 p.
9. *Récanati F.* Les énoncés performatifs: Contribution à la pragmatique / F. Récanati. – Paris: Les Editions de minuit, 1981. – 287 p.
10. *Sperber D., Wilson D.* La pertinence. Communication et cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Paris: Les Editions de minuit, 1989. – 396 p.

И.С. Шевченко

Концепты коммуникативного поведения в когнитивно-дискурсивной парадигме

В статье рассмотрены лингвокультурные концепты коммуникативного поведения на примере концептов этики и выделены их разновидности: событийные и признаковые концепты-регулятивы.

The article focuses on linguistic-cultural concepts of communicative behavior on the example of the concepts of ethics and highlights their varieties: concepts-events and attributive regulative concepts.

Ключевые слова: дискурс; признаковый концепт; событийный концепт; концепт коммуникативного поведения; регулятив.

Keywords: discourse; attributive concept; concept-event; the concept of communicative behavior; regulative.

Разнообразие современных лингвокогнитивных и коммуникативных теорий, в сущности, представляет собой уточнение и развитие ведущей функциональной антропоцентрической парадигмы, которую отличает объяснительность и выход за пределы лингвистики, обращение к смежным дисциплинам. Результатом действия интегративных процессов в науке в целом, которые соответствуют экспансионистскому характеру лингвистики, является становление когнитивно-дискурсивной парадигмы. Когнитивно-дискурсивная парадигма знаний (термин Е.С. Кубряковой [5]) рассматривает дискурсивную деятельность на базе внутренних ментальных процессов, что восходит к предложенному в теории релевантности объединению исследований прагматики и когниции в ходе поиска принципов и механизмов декодирования значений слов говорящего как вывода его интенций [23]. Толкование прагматики как системы ментальной обработки информации соответствует новому направлению — «когнитивной прагматике» [22]. Предлагаемый анализ поведенческого концепта базируется на постулатах когнитивной прагматики как «одной из субпарадигм прагмалингвистики, объединяющей в единое целое когнитивное и коммуникативное (прагматическое) начала функциональной мегапарадигмы.

Предложенное И.А. Стерниним понятие **коммуникативного поведения** определяется как «совокупность норм и традиций общения определённых

групп людей», а «национальное коммуникативное поведение» распространяется на определённую лингвокультурную общность [14: с. 8]. Национальная культура в ставшем классическим определении Э.С. Маркаряна — это «исторически выработанный способ деятельности» [8: с. 8–9]. В рамках деятельностного подхода к коммуникативному поведению и культуре последняя предстаёт как способ деятельности, система механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется и реализуется активность людей в обществе [7: с. 155].

Стереотипное представление о правилах коммуникативного поведения в тех или иных ситуациях зависит от культуры (национальной, групповой) и изменяется вместе с культурой и эпохой. Вектор исследования концепта «от культуры → к индивидуальному сознанию» характерен для лингвокультурной концептологии (термин В.И. Карасика, Н.А. Красавского, Г.Г. Слышкина [2: с. 19]) — одного из подходов, оформившихся сегодня в рамках когнитивной лингвистики. Объектом её анализа служит так называемый культурный концепт — базовая единица культуры, её концентрированное выражение. По выражению Г.Г. Слышкина, концепт призван «связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [11: с. 9]. Такая культурная заданность позволяет с определённой долей условности ограничить число концептов культуры ментальными представлениями, в которых культурная составляющая доминирует (БОГ, ДОБРО, ЗЛО, ГРЕХ, ЗАКОН, ПРАВДА, СОВЕСТЬ и т. д.) [13].

Все лингвокультурные концепты — многомерные образования — трактуются как единство трёх обязательных когнитивных признаков: понятийного, образно-перцептивного, ценностного [2: с. 5; 11]. На сегодняшний день вопрос о конфигурации концепта (и соответственно важности отдельных его составляющих) еще не получил однозначного решения. Говоря о соотношении этих компонентов и их роли в модели концепта, следует подчеркнуть принципиальную многомерность лингвокультурного концепта, в котором, как в кубе, названные компоненты взаимно пересекаются, обеспечивается возможность дальнейшей детализации каждого из них. Подобно кубу Неккера, допускающему различные соотношения «фигуры» и «фона» в зависимости от имеющихся у субъекта представлений (выделенный предмет (фигура) становится объектом восприятия, а всё, что его окружает, отходит к фону восприятия), лингвокультурный концепт демонстрирует различные конфигурации за счёт разной степени выраженности названных компонентов в отдельных типах концептов: так, в «предметном» концепте (БОГ, ВЛАСТЬ) неразрывны понятийная и образная составляющие [2: с. 78–81; 10], в «признаковых» концептах типа ГРЕХ, ДОБРО — понятийная и ценностная [19, 20] и т. п.

Такое многообразие конфигураций концепта вряд ли можно объяснить, если исходить из его трактовки как жёстко структурированного образования с тремя иерархически соотносимыми слоями, где ряд исследователей склонны выделять ядро (понятие), центр и периферию (перцептивно-образная и

ценностная составляющие). Напротив, принцип нелинейности в понимании культурного концепта и его составляющих, с одной стороны, объясняет природу концептов, с другой, — даёт возможность их классификации по различным критериям.

В частности, сегодня разработаны различные типологии лингвокультурных концептов: параметрические и непараметрические; регулятивные и нерегулятивные и т. п. [2: с. 26–37]. Из множества классификаций концептов культуры наиболее релевантными для нашего анализа и непротиворечивыми представляются ряд типов (который может быть продолжен), выделенных по определённым параметрам:

- по отношению к языковым средствам вербализации — предметные, событийные, признаковые концепты;
- по психологическому параметру — сценарии, фреймы, гештальты и иные схемы;
- по сфере бытования — художественные и институциональные (политические, религиозные и пр.) [2: с. 25–26].

В последнее десятилетие классификации концептов культуры пополняются новыми типами, и особый интерес представляет концепт поведенческого типа, исследования которого только начаты, что ставит задачи осмысления его конституциональных признаков, определения его разновидностей и места среди других концептов, выявления особенностей знакового воплощения. В научный обиход понятие **поведенческий концепт** вводится И.И. Чесноковым, который определяет его как «отражённую в сознании индивида модель поведения (деятельности)», описываемую «в терминах социального взаимодействия — с точки зрения мотива, цели, а также стратегий и тактик её достижения». В лингвокультурном ракурсе поведенческий концепт рассматривается в совокупности «репрезентаций концепта в языковом сознании и форм его представления в коммуникативном поведении» или дискурсе, в котором акцентируется «осознанная целенаправленная знаковая деятельность, связанная с выражением исследуемого концепта в практике социального взаимодействия» [16].

Изучая эмоциональный поведенческий концепт МЕСТЬ на материале русского языка, И.И. Чесноков последовательно рассматривает 1) репрезентации концепта в языковом сознании и 2) формы его представления в коммуникативном поведении. Семантический анализ и обобщение данных о лексическом представлении концепта позволяет сделать вывод, что МЕСТЬ — «ментальное образование, состоящее из эмоционального фона (гнев, ненависть, презрение, раздражение) и активирующихся на этом фоне скриптов, один из которых направляет агрессивную поведенческую реакцию индивида на источник фрустрации, а другой — на замещающий его объект» [16: с. 6]. По мнению автора, МЕСТЬ — «отражённая в сознании индивида модель поведения (деятельности), обеспечивающая его выживание во внутривидовой конкурентной борьбе, и описывается в терминах социального взаимодействия — с точки зрения мотива, цели, а также стратегий и тактик её достижения. Целью, пред-

писываемой концептом деятельности, является преобразование коммуникативного пространства и установление границы, отделяющей своё (безопасное) от чужого (враждебного) пространства. Достижение цели обеспечивается стратегиями устрашения и перверсии (лат. *pervertere* — *губить, портить*), т. е. нанесения угрожающему объекту физического и/или морального вреда» [16: с. 6]. В частности, МЕСТЬ актуализируется в виде ритуализованных и косвенных виндиктивных высказываний (псевдоутешений, сарказма и т. п.), а также полиинтенциональных высказываний типа «*Мы ещё встретимся*», иллюкцию которых невозможно установить вне коммуникативного события. МЕСТЬ характеризует онтологическая двунаправленность — «1) устрашение, проклятье агрессора и 2) призыв к совместному противостоянию» [16: с. 6]. В качестве примера МЕСТИ автор приводит «Письмо запорожцев турецкому султану»: основная цель письма сводится к унижению султана и демонстрации превосходства над ним, что достигается за счёт использования казаками дискурсивных стратегий устрашения своего адресата и проклятья. Последняя воплощается в тактиках поругания, в частности использовании инвектив, и злопожелания. Выводы профессора И.И. Чеснокова о воплощении концепта в дискурсе открывают возможности дальнейшей детализации поведенческих концептов.

Социологи уточняют: поведение — это всё то, что человек делает или не делает намеренно; это совокупность актов действия и бездействия, совершаемых человеком [4]. В этой связи ментальное представление об определённом событии, действии, которое соответствует речевому акту, справедливо считать **событийным концептом** (ср.: по И.И. Чеснокову, поведенческий концепт МЕСТЬ находит своё выражение в дискурсе, названном им «виндиктивным», чья структура предопределяется мотивом, целью, стратегиями и складывается из тактик угрозы, злопожелания, изгнания, поругания [16]). Эти тактики, в сущности, представляют собой соответствующие речевые акты: менасивы (*Вот я тебе..., Чтоб ты...*), директивы (*Вон!*), экспрессивы (высказывания с бранной лексикой и т. п.). Напротив, трудно представить себе актуализацию угрозы в виде бездействия или угрозы как контакта с миром, что заложено в природе поведения.

В данной работе толкование поведенческого концепта и его разновидностей осуществляется на основании его характеристик: признаковости / событийности, регулятивности / нерегулятивности, моделируемости в виде фрейма / сценария / дискурсивной схемы, способа вербальной актуализации: лексической (слова) / дискурсивной (речевого акта / стратегий и тактик дискурса / мены ролей). Кроме того, с учётом влияния языковой формы лексемы — имени концепта на ментальное представление в когнитивистике отмечается тенденция в соответствии с ономаσιологическими категориями называть ментальные представления о предмете / сущности — *предметными* концептами, о вербальном и / или невербальном процессе / действии — *событийными* концептами и о характеристиках предметов и действий — *признаковыми*.

Для определения разновидностей поведенческих концептов важно подчеркнуть, что ментальные представления о действии не ограничиваются концептами — событиями, такими как МЕСТЬ, которые соответствуют ментальной схеме [НЕКТО ДЕЛАЕТ НЕЧТО], но включают также и представления о характере действия / состояния, то есть признаковые концепты типа ВЕЖЛИВОСТЬ / POLITENESS, СДЕРЖАННОСТЬ / RESERVE, ТОЛЕРАНТНОСТЬ / TOLERANCE, УКЛОНЧИВОСТЬ / HEDGING, ОПТИМИЗМ / OPTIMISM, которые можно представить фреймом [НЕКТО ДЕЛАЕТ НЕЧТО ТАК] (ср. профилирование процессов и атемпоральных отношений у Р. Ленера). Эти и подобные концепты фиксируют доминантные черты английского коммуникативного поведения [14: с. 36–44]: *polite behavior, reserved in speech, tolerant manner* etc. Этноспецифичные черты характера англичан уточняет Т.В. Ларина: «сдержанность, уравновешенность, тактичность, изысканная вежливость, изящество манер, внутреннее самоуважение, чувство собственного достоинства, приветливость, предупредительность, замкнутость, отчуждённость, терпимость, невмешательство в чужие дела, снобизм» [6: с. 124].

Поведенческие концепты-события, как правило, ритуализованы и имеют выраженные вариативные свойства, трансформируясь от культуры к культуре. Так, один из наиболее заметных концептов в системе этики — БЛАГОДАРНОСТЬ имеет сходный понятийный и общий этимологический слой в христианских лингвокультурах Европы, но разные образные и ценностные характеристики, способы актуализации в дискурсе. По данным Библейской энциклопедии Брокгауза, «благодарность, благодарить» — одно из ключевых понятий христианства (*греч.* глагол *εὐχαριστεο* связан с важным библ. понятием *харис*, «милость», «благодать» (ср. хара, «радость»), а чувство благодарности — это настроение сердца, возникающее из благодарности за конкретные дела (http://enc-dic.com/enc_bible/). Оно приводит человека ещё ближе к Господу и открывает ему дверь к тайнам небесного мира (Пс 49:23).

Как всякий лингвокультурный концепт, БЛАГОДАРНОСТЬ имеет имя — лексемы *благодарить (-ность)*, *merci, danke, gracias, thank, hvala, podziękowania, подякувати (подяка)* и их синонимы. Этимология этих лексем в славянских языках, как отмечает В. Даль, во многом близка: зап., южн. укр. *(но)дьяка* — то же, *дякувати* «благодарить». Через польск. *dzięk* м., *dzięka* ж. «благодарность», *dziękować* «благодарить» (с XIV в.) из ср.-в.-н. *dank* «благодарность», *danken* «благодарить».

В европейских языках этимология демонстрирует осязаемое влияние латыни: германские *thank* — Old English *þancian* «to give thanks» от Proto-Germanic **thankjan* (cf. Old Saxon *thancon*, Old Norse *þakka*, Danish *takke*, Old Frisian *thankia*, Middle Dutch, German *danken* «to thank»), от **thankoz* «thought, gratitude» от PIE root **tong-* «to think, feel». Деривативные лексемы к 1000 году получили значение «*good thoughts, gratitude*».

В романских языках лексема *gracia* восходит к концу XII в.: «*God's favor or hel,*» от Old French *grace* «pardon, divine grace, mercy; favor, thanks; elegance,

virtue» (XII в), из Lat. *gratia* «favor, esteem, regard; pleasing quality, good will, gratitude» (соответственно Ital. *grazia*, Spanish *gracia*), от *gratus* «pleasing, agreeable,» из PIE root **gwere-* «to favor» (cf. Sanskrit *grnati* «sings, praises, announces, Lithuanian *giriu* «to praise, celebrate», Avestan *gar-* «to praise»).

В нехристианских обществах составляющие лингвокультурного концепта БЛАГОДАРНОСТЬ иные: в японской культуре её ценностная характеристика настолько высока, что становится основанием для всей системы морали и нравственности японца [12].

Актуализация БЛАГОДАРНОСТИ в дискурсе осуществляется как соответствующими речевыми актами — экспрессивами, перформативами (*Позвольте выразить мою признательность за...; Specjalne podziękowania dla...*), так и отдельными тактиками — комплиментом и под., а также невербально (*Сделать что-нибудь в знак благодарности*), например: «*[Хозяин] проводил его до саней и на крыльце ещё благодарил за оказанную честь*». (А.С. Пушкин «Арап Петра Великого»). Важно, что в соответствующей этикетной ситуации в речевом акте — экспрессиве данный концепт определяет его ведущую иллокутивную силу — выражение благодарности.

В отличие от событийного концепта **признаковый концепт коммуникативного поведения**, по нашим наблюдениям, обуславливает сопутствующие иллокуции речевого акта и доступен наблюдению в виде речевой стратегии / тактики, как правило, стратегии вежливости. Примером первого служит официальное письмо, где СДЕРЖАННОСТЬ сопутствует выражению благодарности фирмы своему постоянному клиенту:

Dear Mr. Garner,

We appreciate that you sent your neighbor, Mr. Parker, to YARDMAN for our landscaping services. Thanks for being our loyal customer!

Последнее (воплощение концепта в виде стратегий / тактик дискурса) обусловлено тем, что когнитивные признаки поведенческого концепта связаны с одной из наиболее общих характеристик коммуникативного поведения — этической, которая даёт представление о степени соответствия / несоответствия поведения нормам морали, в частности — речевого и неречевого этикета. Система этикета включает «обязательные для выполнения стереотипные правила поведения, в частности, речевого», это «система разрешений и запретов, организующих моральные нормы в целом» [15: с. 44–48]. Она выполняет функцию вежливости, что позволяет О.К. Мушаевой трактовать концепт коммуникативного поведения как «презентационный концепт — особый класс регулятивных лингвокультурных концептов, конститутивными признаками которого являются этические нормы демонстрации себя окружающим, состоящие в балансе между сохранением собственного лица и лица окружающих» [9].

Этическая доминанта в концепте коммуникативного поведения предполагает его стереотипность (по В.В. Красных, стереотипы поведения — фрагменты концептуальной картины мира, «штампы сознания», хранящие и «опре-

делённым образом предопределяющие стереотип поведения» [3: с. 233]) и осознанность, обязательность для всех членов определённой лингвокультурной общности. Стратегии вежливости базируются на поведенческом концепте ВЕЖЛИВОСТЬ / POLITENESS; будучи средствами актуализации норм этикета, они стереотипны и обязательны. Так, по нашим данным, в XVII–XX веках поведенческие концепты английского этикета СДЕРЖАННОСТЬ / RESERVE, ТОЛЕРАНТНОСТЬ / TOLERANCE, УКЛОНЧИВОСТЬ / HEDGING, КОММУНИКАТИВНЫЙ ОПТИМИЗМ / OPTIMISM и другие актуализируются, в основном, стратегиями дистанцирования, чаще всего в форме тактики «Избегай вмешательства (question, hedge)» [21]. В следующем примере косвенный комиссив — вежливое предложение выпить имеет форму вопроса:

«I'm Prendergas», said the newcomer. «Have some port?»

«Thank you, I'd love to». (E. Waugh)

Превращение ценностной доминанты вежливости в культурно детерминированный, исторически изменчивый стереотип сознания, модель осознанного поведения обусловлено частотностью ситуаций, требующих соблюдения норм вежливого, этикетно-нормативного поведения.

Как показывает наше исследование, наиболее существенные различия в событийных и признаковых концептах коммуникативного поведения сводятся к их схемному моделированию и к средствам и способам актуализации в дискурсе.

1. По характеру схемного представления поведенческие событийные концепты суть модели соответствующей ситуации. Событийные концепты разворачиваются во времени и могут быть схематизированы в виде динамического **фрейма-сценария**. Так, МЕСТЬ, ИЗВИНЕНИЕ и подобные концепты разворачиваются по схеме [мотив → интенция → оценивание параметров ситуации → выбор языковых / неязыковых средств → совершение соответствующего речевого / коммуникативного акта] (ср.: когнитивный сценарий выражения эмоций типа ANGST / ГНЕВ у А. Вежицкой [1: с. 515–523]).

Напротив, признаковые концепты коммуникативного поведения характеризуют всю ситуацию и поэтому не имеют отдельного сценария развёртывания (ВЕЖЛИВОСТЬ, СДЕРЖАННОСТЬ, УКЛОНЧИВОСТЬ — признаки различных действий / состояний); они представлены слотом «качество» в модели соответствующего событийного концепта. Так, в ситуации извинения адресант может быть вежливым и невежливым, в ситуации порицания — сдержанным, уклончивым и т. п.

2. Средством актуализации событийного концепта коммуникативного поведения в дискурсе служит речевой акт, его **ведущая иллокутивная сила** соответствует понятийной составляющей концепта: например, концепты ПОРИЦАНИЕ, БЛАГОДАРНОСТЬ реализуются речевыми актами экспрессивом и сатисфактивом (в типологии Д. Вундерлиха) и имеют одну ведущую иллокуцию, а ментальные признаки концептов типа ИЗВИНЕНИЕ объясняют их прагматический комплекс: в гибридном речевом акте извинения сочетаются ведущие иллокуции экспрессива (говорящий выражает своё эмоциональное состояние) и реквестива (говорящий намерен побудить слушающего выполнить действие) [18]).

В отличие от событийных признаков концепты коммуникативного поведения определяют **сопутствующую иллюкутивную силу** речевых актов. Например, ТОЛЕРАНТНОСТЬ может сопутствовать выражению порицания в экспрессивах и т. п. Однако наиболее ярко признаки концепты коммуникативного поведения актуализируются в дискурсе соответствующими **стратегиями и тактиками**, как правило, обусловленными принципом вежливости: концепт УКЛОНЧИВОСТЬ — стратегией дистанцирования и тактиками уклончивости (*hedging*); концепт ОПТИМИЗМ — стратегией сближения и тактикой выражения оптимизма (*be optimistic*) и т. п.

Таким образом, использование идей когнитивной прагматики, и шире — дискурсологии, в качестве методологии анализа позволяет выделить особый тип концептов культуры — концепты коммуникативного поведения и на примере концептов этики установить их разновидности: событийные и признаки концепты коммуникативного поведения. Признаковые концепты-регулятивы, осознанные нормы коммуникативного поведения в обществе — это этнокультурные стереотипы, которые воплощаются в соответствующих ситуациях общения вербально (различными стратегиями вежливости), паравербально и невербальными способами. В отличие от событийных концептов — ментальных представлений о речевых действиях как таковых, актуализированных соответствующими речевыми актами, признаки концепты коммуникативного поведения содержат характеристики вербальных, и шире — коммуникативных, действий и обладают динамичностью, градуальностью, актуализируются в стратегиях и тактиках дискурса на уровне коммуникативного хода, задаются социокультурными и иными дискурсивными параметрами ситуации общения (контекстом, целями и интенциями говорящих и пр.).

Избранный когнитивно-дискурсивный вектор исследования предопределяет его перспективы — установление межкультурного и диахронического варьирования концептов коммуникативного поведения в англоязычном и иных дискурсах разных эпох.

Библиографический список

Литература

1. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелёва; под ред. Т.В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
2. *Карасик В.И.* Лингвокультурная концептология / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. — Волгоград: Парадигма, 2009. — 116 с.
3. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. — М.: ИТДК «Гнозис», 2003. — 375 с.
4. *Крылов К.* Поведение / К. Крылов. — URL: <http://www.traditio.ru/krylov/pv1.html>.
5. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

6. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
7. *Лурье С.В.* Историческая этнология: учеб. пособие для вузов / С.В. Лурье. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 448 с.
8. *Маркарян Э.С.* Об исходных методологических предпосылках исследования этнических культур / Э.С. Маркарян // Материалы симпозиума. – Ереван, 1978. – С. 8–9.
9. *Мушаева О.К.* Презентационные регулятивные концепты в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20; защищена 12.12.2008 г. / О.К. Мушаева. – Волгоград, 2008. – 20 с.
10. *Полина А.В.* Языковая объективация концепта БОГ в английском дискурсе XIV–XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; защищена 22.12.2004 г. / А.В. Полина. – Харьков, 2004. – 20 с.
11. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
12. *Сосновская Е.А.* Долг благодарности как основание японской нравственности / Е.А. Сосновская // Философия образования. – 2006. – № 3. – С. 161–164.
13. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
14. *Стернин И.А.* Очерк английского коммуникативного поведения / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2003. – 184 с.
15. *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. – М.: Высшая школа, 1989. – 159 с.
16. *Чесноков И.И.* Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19; защищена 16.04.2009 г. / И.И. Чесноков. – Волгоград, 2009. – 44 с.
17. *Шевченко И.С.* Абрис когнитивного вектора прагмалингвистики / И.С. Шевченко, И.П. Сусов, Л.Р. Безуглая // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – № 811. – 2008. – С. 3–7.
18. *Шевченко И.С.* Гибридная природа извинения: когнитивно-прагматический анализ / И.С. Шевченко // Жанры речи: сб. научн. ст. – Вып. 6: Жанры и язык. – Саратов: ИЦ Наука, 2009. – С. 329–337.
19. *Шевченко И.С.* Понятийная категория ДОБРО в английской языковой картине мира / И.С. Шевченко, И.В. Змийова // Антология концептов. – Т. 5. – Волгоград: Парадигма, 2007. – С. 4–16.
20. *Ваховська О.В.* Вербалізація концепту ГРІХ в англomовному дискурсі XIV–XXI століть: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / О.В. Ваховська. – Харків, 2001. – 20 с.
21. *Brown P.* Politeness: Some Universals in Language Use / P. Brown, S. Levinson. – L., NY, etc.: CUP, 1987. – 345 p.
22. *Carston R.* Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics / R. Carston // Mind and Language. – 2002. – V. 17. – № 1–2. – P. 127–148.
23. *Wilson D.* Relevance Theory / D. Wilson, D. Sperber // The Handbook of Pragmatics. – Padstow: Blackwell, 2005. – P. 608–632.

References

Literatura

1. *Vezhbičzkaya A.* Semanticheskie universalii i opisanie yazy'kov / A. Vezhbičzkaya; per. s angl. A.D. Shmelyova; pod red. T.V. Buly'ginov. – M.: Yazy'ki ruskoj kul'tury', 1999. – 780 s.
2. *Karasik V.I.* Lingvokul'turnaya konceptologiya / V.I. Karasik, N.A. Krasavskij, G.G. Sly'shkin. – Volgograd: Paradigma, 2009. – 116 s.
3. *Krasny'x V.V.* «Svoj» sredi «chuzhix»: mif ili real'nost'? / V.V. Krasny'x. – M.: ITDK «Gnozis», 2003. – 375 s.
4. *Kry'lov K.* Povedenie / K. Kry'lov. – URL: <http://www.traditio.ru/krylov/pv1.html>.
5. *Kubryakova E.S.* Yazy'k i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazy'ke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazy'ka v poznanii mira / E.S. Kubryakova. – M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. – 560 s.
6. *Larina T.V.* Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii / T.V. Larina. – M.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2009. – 512 s.
7. *Lur'e S.V.* Istoricheskaya e'tnologiya: ucheb. posobie dlya vuzov / S.V. Lur'e. – M.: Aspekt Press, 1998. – 448 s.
8. *Markaryan E.S.* Ob isxodny'x metodologicheskix predposyl'kax issledovaniya e'tnicheskix kul'tur / E.S. Markaryan // Materialy' simpoziuma. – Erevan, 1978. – S. 8–9.
9. *Mushaeva O.K.* Prezentacionny'e reguljativny'e koncepty' v kalmy'czkoj, ruskoj i anglijskoj lingvokul'turax: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20; zashhishhena 12.12.2008 g. / O.K. Mushaeva. – Volgograd, 2008. – 20 s.
10. *Polina A.V.* Yazy'kovaya ob'ektivnaja koncepta BOG v anglijskom diskurse XIV–XX vekov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04; zashhishhena 22.12.2004 g. / A.V. Polina. – Xar'kov, 2004. – 20 s.
11. *Sly'shkin G.G.* Ot teksta k simvolu: lingvokul'turny'e koncepty' precedentny'x tekstov v soznanii i diskurse / G.G. Sly'shkin. – M.: Academia, 2000. – 128 s.
12. *Sosnovskaya E.A.* Dolg blagodarnosti kak osnovanie yaponskoj npravstvennosti / E.A. Sosnovskaya // Filosofiya obrazovaniya. – 2006. – № 3. – S. 161–164.
13. *Stepanov Yu.S.* Konstanty': Slovar' ruskoj kul'tury' / Yu.S. Stepanov. – M.: Shkola «Yazy'ki ruskoj kul'tury'», 1997. – 824 s.
14. *Sternin I.A.* Oчерk anglijskogo kommunikativnogo povedeniya / I.A. Sternin, T.V. Larina, M.A. Sternina. – Voronezh: Istoki, 2003. – 184 s.
15. *Formanovskaya N.I.* Rechevoj e'tiket i kul'tura obshheniya / N.I. Formanovskaya. – M.: Vy'sshaya shkola, 1989. – 159 s.
16. *Chesnokov I.I.* Mest' kak e'mocional'ny'j povedencheskij koncept (opy't kognitivno-kommunikativnogo opisaniya v kontekste ruskoj lingvokul'tury'): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19; zashhishhena 16.04.2009 g. / I.I. Chesnokov. – Volgograd, 2009. – 44 s.
17. *Shevchenko I.S.* Abris kognitivnogo vektora pragmalingvistiki / I.S. Shevchenko, I.P. Susov, L.R. Bezuglaja // Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. – № 811. – 2008. – S. 3–7.
18. *Shevchenko I.S.* Gibridnaya priroda izvinieniya: kognitivno-pragmaticeskij analiz / I.S. Shevchenko // Zhanry' rechi: sb. nauchn. st. – Vy'p. 6: Zhanry' i yazy'k. – Saratov: IC «Nauka», 2009. – S. 329–337.

19. *Shevchenko I.S.* Ponyatijnaya kategoriya DOBRO v anglijskoj yazy'kovej kartine mira / I.S. Shevchenko, I.V. Zmijova // Antologiya konceptov. – T. 5. – Volgograd: Paradigma, 2007. – S. 4–16.
20. *Vaxovs'ka O.V.* Verbalizaciya konceptu GRIX v anglomovnomu diskursi XIV–XXI stolit': avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / O.V. Vaxovs'ka. – Xarkiv, 2001. – 20 s.
21. *Brown P.* Politeness: Some Universals in Language Use / P. Brown, S. Levinson. – L., NY, etc.: CUP, 1987. – 345 p.
22. *Carston R.* Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics / R. Carston // Mind and Language. – 2002. – V. 17. – № 1–2. – P. 127–148.
23. *Wilson D.* Relevance Theory / D. Wilson, D. Sperber // The Handbook of Pragmatics. – Padstow: Blackwell, 2005. – P. 608–632.

К.С. Мюллер

Антисемитизм в немецком языке (на материале школьных учебников истории 1933–1989 гг.)

В статье рассматривается феномен антисемитизма, его манифестация и выражение в немецком языке на материале школьных учебников по истории.

This article deals with the phenomenon of anti-Semitism, its manifestation and expression in the German language on the material of school textbooks on History.

Ключевые слова: антисемитизм; категория; субкатегория.

Keywords: anti-Semitism; category; subcategory.

Исследование антисемитизма в немецком языке на материале школьных учебников истории за длительный промежуток времени потребовало внимательного изучения и обработки большого объёма материала разных исторических эпох, его сопоставления, классификации и подклассификации. В рамках выбранного метода исследования (контент-анализ) была разработана система определённых главных категорий и так называемых субкатегорий, некоторые из которых здесь представлены. Исследуемый материал разделён на 7 главных категорий, охватывающих весь спектр антисемитских текстов в учебниках 1933–1989 гг. Главные категории (не все) разделены в свою очередь на субкатегории, которые способствуют более точному определению и анализу этого явления.

Первая категория (1.) «Евреи: власть и господство» разделена на 7 субкатегорий, первая из которых (1.1.) называется «Евреи: финансы и экономика». Здесь собраны те выражения из текстов учебников, которые относятся к обвинениям евреев в стремлении к власти при помощи экономического и финансового влияния. Следующие за дефиницией субкатегории примеры служат подтверждением правильности избранной категоризации.

Вторая (1.2.) субкатегория под названием «Евреи и политика и идеология» суммирует тексты, которые относятся к обвинению евреев в стремлении к власти на политическом и идеологическом уровне при помощи занятия государственных должностей, в выработке политических идей и влиянии на идеологию. Под третьей (1.3.) субкатегорией «Евреи и международные отношения» собран материал изучаемых учебников, связанный с обвинением евреев в стремлении к власти при помощи влияния в других странах (в том числе в их правительствах). Четвёртая (1.4.) субкатегория «Евреи: социальная и общественная сфера» субсуммирует текстовый материал в отношении обвинения евреев в стремлении к власти при помощи занятия общественных должностей и деятельности в социальной сфере

(в том числе в литературе и печати). А седьмая (1.7.) субкатегория — «Евреи и разрушение» — соответственно субсуммируют текстовый материал, касающийся обвинения евреев в разрушении немецкого общества (и обществ других народов) и арийской расы различными способами.

Работа над материалом показала, что очень часто один и тот же текст может относиться к разным субкатегориям, а иногда и к разным главным категориям, например: *Die Träger des nomadischen Finanzkapitals bildeten einen neuen «Adel». (...) Das ermöglichte vor allem dem über die ganze Welt hin versippten Judentum, eine entscheidende Rolle zu spielen und diese führende Stellung immer weiter auszubauen. Der jüdische Finanzimperialismus überzog die ganze Erde mit einem dichten Netz von Schuldtiteln. In uralten Nomadeninstinkten lebte das Weltjudentum schmarotzend von der schöpferischen Arbeit der anderen.* [1: S. 47] Этот текст можно отнести к двум главным категориям — к первой («Евреи: власть и господство») и к третьей («Стигматизация евреев»), а кроме того, к 4-м субкатегориям: *Носители кочевого финансового капитала (...) дали возможность (...) породнившемуся по всему миру еврейству играть решающую роль.* (Здесь и далее перевод наш. — К. М.) Евреев обвиняют в стремлении к власти с помощью финансового влияния (1.1.), а также с помощью международных отношений (1.3.).

Таким же образом выражается отношение к стигматизации евреев в определенных следующих словосочетаниях: *породнившееся по всему миру еврейство* и *носители кочевого финансового капитала*. Эти ссылки на древнюю историю еврейского народа в данном контексте унижают еврейство, так как отрицают наличие культуры и развития еврейского народа и приписывают ему некое некультурное (первобытное) отношение к финансам. Этот текст можно одновременно отнести к субкатегории (1.3.) — обвинение евреев в стремлении к власти при помощи влияния в других странах — *породнившееся по всему миру еврейство*. Стигматизацией по этнической истории (3.2.) и с помощью употребления метафоры «паразиты» (3.4.) является в этом же тексте следующее выражение: *Жившее древними кочевыми инстинктами мировое еврейство паразитировало на созидательном труде других.* Следующее выражение — *Еврейский финансовый империализм покрывал всю землю плотной сетью долговых обязательств* — относится к субкатегориям (1.1.) и (1.3.), так как здесь выражены обвинения евреев в стремлении к власти с помощью финансов и обвинения в создании мирового заговора.

Что касается материала учебников ГДР, нужно отметить, что в них для иллюстрации первой категории никаких примеров не нашлось.

Вторая (2.) категория «Евреи как причина бед и проблем общества» не имеет субкатегорий, так как собранный в этой категории материал не требует дальнейшего деления. Сюда входят тексты, обвиняющие евреев во всех общественных проблемах и бедах.

Приведённый выше пример уже показал необходимость выделения третьей (3.) категории «Стигматизация евреев», что означает классификацию по определённым признакам, преимущественно дискредитирующим. Так как она выражается различными формами, вызванными различными причинами, потребовалось создание четырёх субкатегорий: стигматизация по причине расовой принад-

лежности (3.1.); по причине этнической истории (3.2.); по причине принадлежности к религии (3.3.) и стигматизация через употребление метафор — уподобление евреев вредным насекомым, паразитам и болезням (3.4.).

Четвёртая (4.) категория «Сопоставление еврей versus ариец» суммирует тексты, сравнивающие еврея и арийца, что во время национал-социализма часто употреблялось с целью диффамации евреев на фоне подчёркиваемых преимуществ арийской расы.

Wollte der deutsche Arbeiter im Grunde etwas Neues schaffen, so wollten sie (die Juden) lediglich das Alte zerstören [1: S. 63]. — *В то время как немецкий рабочий желал производить что-то совершенно новое, они (евреи) стремились разрушить старое.*

Этот пример показывает, каким образом идеологическая пропаганда действовала с помощью сопоставления. В то время как деятельности человека арийского происхождения приписывают исключительно благородную мотивацию (*желал производить что-то совершенно новое*), человека еврейского происхождения обвиняют в разрушении всех общественных ценностей (1.7.) и приписывают ему абсолютно негативную мотивацию (*стремились разрушить старое*). Кроме того, этот пример лишний раз говорит о возможности отнесения одного текста к разным категориям или субкатегориям: к (1.) «Евреи: власть и господство» и (4.) «Сопоставление еврей versus ариец», к категории и субкатегории (1.7.) «Евреи и разрушение» — обвинения в разрушении немецкого общества.

Пятая (5.) тематическая категория «Дискриминация и уничтожение» обязательно требует уточнения в виде субкатегорий. В данной работе их выделено 3: (5.1.) «Социальная неприязнь», которая охватывает материал с выражением злостной клеветы и пропаганды против евреев, с призывами лишать их государственных и общественных должностей, запрещать заниматься профессиональной деятельностью, требованиями поражения в правах; (5.2.) «Изгнание» (Физическая изоляция от общества, насильственное переселение (в том числе в гетто), арест, заключение в тюрьмы и в концентрационные лагеря) и (5.3.) «Истребление» (убийство евреев (разными способами) и так называемое «окончательное решение еврейского вопроса»).

(...) die Nationalsozialisten (...) deuteten die Geschichte als einen Kampf zwischen höherstehenden und minderwertigen Rassen, forderten die Herrschaft für die „nordische“, «arische Rasse» und die «Ausrottung» der Juden [2: S. 83].

Национал-социалисты трактовали историю как борьбу между высшими и неполноценными расами, требовали господства для «северной», «арийской расы» и «уничтожения» евреев.

А этот пример из западногерманского учебника относится и к четвертой, и к пятой категориям. И здесь можно констатировать исключительно критическую оценку нацистских антисемитских текстов или поведения. Слово *deuten* (*трактовать*) подчёркивает безусловное дистанцирование авторов учебника от подобных высказываний.

Нужно констатировать, что в учебниках ГДР в текстах о преследуемых или уничтоженных жертвах нацизма евреи часто не упоминаются:

Um rasch möglichst viele Menschen töten zu können, wendeten die Nazis die Vergasung an. (...) In dem berüchtigten Lager Auschwitz wurden 5 Millionen Menschen vergast und verbrannt [3: S. 236].

Применение газа позволило нацистам быстро лишить жизни большое количество людей. В известном лагере Освенцим было умерщвлено газом и сожжено 5 миллионов человек.

Последняя категория (7.) под названием «Конфликт на Ближнем Востоке / Израильско-арабский конфликт» переносит фокус исследования антисемитизма на материалы, касающиеся отношения Германии или других стран к государству Израиль, палестинцам и арабским странам, а также отношений между США и западными странами, с одной стороны, и СССР и странами Восточного блока — с другой. Сюда же входит материал, выражающий отношение евреев к палестинцам и к лиге арабских стран и, наоборот, обвинения против Израиля и угрозы его уничтожения со стороны палестинцев и арабских стран. Кроме того, седьмая категория суммирует материал, касающийся обвинения США и западноевропейских стран со стороны СССР и стран Восточного блока в том, что США и западные страны защищают свои империалистические цели при поддержке Израиля: *Ein weiterer Schwerpunkt imperialistischer Aggressionspolitik war in den sechziger Jahren der Nahe Osten. Mit der vom USA-Imperialismus finanzierten und gesteuerten Aggressionspolitik Israels sollte an der Südflanke der NATO eine Veränderung des Kräfteverhältnisses zugunsten des Imperialismus erzwungen werden [4: S. 196].*

Одной из главных целей империалистической агрессивной политики в шестидесятых годах являлся Ближний Восток. С помощью агрессивной политики Израиля, финансируемой и управляемой американским империализмом, должно было произойти изменение соотношения сил на южном фланге НАТО в пользу империализма.

Следующий этап исследовательской работы требует тщательного анализа всего собранного и распределённого по категориям материала из учебников эпохи национал-социализма, ФРГ и ГДР. Но первые результаты сопоставления текстов позволяют прийти к следующему заключению.

В учебниках по истории эпохи национал-социализма выделяется много материала по всем категориям определения антисемитизма.

В западногерманских учебниках материал по всем категориям выражает критическое отношение к антисемитизму.

Что же касается ГДР, то нашлось не только множество амбивалентных выражений, но и — особенно в отношении к государству Израиль — чёткие враждебные высказывания, подтверждающие существование антисемитизма в школьных учебниках по истории в Восточной Германии.

Библиографический список

Источники

1. *Gehl W. Geschichte. 8. Klasse Oberschulen, Gymnasien und Oberschulen in Aufbauform / W. Gehl. – Breslau: Ferdinand Hirt, 1942. – 262 S.*

2. *Erinnern und Urteilen IV: Unterrichtseinheiten Geschichte* / [P. Alter, K. Bergmann, G. Hufnagel u.a.]; – Stuttgart: Ernst Klett, 1981. – 264 S.
3. *Lehrbuch für den Geschichtsunterricht: 8. Schuljahr* / Unter der Leitung von P. Wandel. – Burg: Werkdruckerei Vorwärts, 1953. – 356 S.
4. *Geschichte: Lehrbuch Klasse 10* / [R. Dau, H. Diere, G. Fuchs u.a.]; – Berlin: Volk und Wissen, 1983. – 254 S.

References

Istochniki

1. *Gehl W. Geschichte. 8. Klasse Oberschulen, Gymnasien und Oberschulen in Aufbauform* / W. Gehl. – Breslau: Ferdinand Hirt, 1942. – 262 S.
2. *Erinnern und Urteilen IV: Unterrichtseinheiten Geschichte* / [P. Alter, K. Bergmann, G. Hufnagel u.a.]; – Stuttgart: Ernst Klett, 1981. – 264 S.
3. *Lehrbuch für den Geschichtsunterricht: 8. Schuljahr* / Unter der Leitung von P. Wandel. – Burg: Werkdruckerei Vorwärts, 1953. – 356 S.
4. *Geschichte: Lehrbuch Klasse 10* / [R. Dau, H. Diere, G. Fuchs u.a.]; – Berlin: Volk und Wissen, 1983. – 254 S.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Поздравляем с юбилеем Наталью Витальевну Языкову!

УВАЖАЕМАЯ НАТАЛЬЯ ВИТАЛЬЕВНА!

Руководство Московского городского педагогического университета, Института иностранных языков и коллеги от всей души поздравляют Вас со славным юбилеем Вашей жизни.

Работая в сфере российского образования, Вы, профессор университета и заслуженный учитель РФ, доказали, что умом, трудом и талантом организатора можно добиться высоких целей! Ваш высочайший уровень профессионализма и творческая жизненная позиция делают Вас примером для подражания. Ваша увлечённость, неизменная ответственность в отношении поручаемых дел, сопереживание научной деятельности коллектива во многом способствовали нашему общему продвижению вперёд.

Ваш профессиональный и научный вклад в развитие системы высшего образования, высокая самоотдача и требовательность и, конечно, доброе, справедливое отношение к людям вызывают заслуженное уважение. Ваши коллеги и многочисленные ученики знают Вас как виртуозного преподавателя, продуктивного учёного, серьёзно занимающегося проблемами теории и методики преподавания иностранных языков. Ваша творческая энергия, разносторонние интересы, широта замыслов и качество свершения могут стать источником вдохновения для многих.

Мы ценим Ваш самоотверженный труд и безупречную приверженность общему делу. Ваши личные качества, огромная сила духа, постоянная готовность помочь и понять, тёплое человеческое обаяние неизменно вызывают и будут вызывать слова благодарности Ваших друзей, коллег, многочисленных последователей. Нас восхищает Ваш бесценный профессиональный и жизненный опыт и особенно то, как щедро Вы делитесь им со всеми теми, кто с радостью может назвать себя Вашим коллегой, коллегой по бытию...

Сердечно желаем Вам ещё больших успехов в работе, здоровья, неиссякаемой энергии, претворения в жизнь всех Ваших идей.

Коллеги

Взгляд на Дальний Восток: особенности мировидения и толкования культур в рамках современной ориенталистики

2—4 октября 2013 года в Киеве состоялась Третья Международная конференция «Китай, Корея, Япония: методология и практика интерпретации культур». Организаторами конференции явились Центр исследований Дальнего Востока Института литературы им. Т.Г. Шевченко Национальной академии наук Украины, Институт филологии Киевского государственного университета им. Т. Шевченко, Институт Конфуция (Киев, Украина), Музей искусств им. Богдана и Варвары Ханенко и Московский городской педагогический университет (далее МГПУ).

МГПУ стал соорганизатором этой конференции в рамках договора с Институтом литературы им. Т.Г. Шевченко, подписанным в целях углубления научных исследований, а также расширения возможностей педагогической деятельности этих организаций.

Основной целью проведения конференции являлся обмен идеями и результатами исследований специалистов в различных областях духовной и материальной культур стран Дальнего Востока. В её работе приняли участие около 70 человек из 9 стран (Австрии, Германии, Кореи, Польши, России, Сербии, Украины, Чехии, Японии). Рабочими языками конференции были украинский, английский и русский.

С приветственным словом на открытии конференции выступили директор Института литературы академик М.Г. Жулынский, директор Института Конфуция А.Н. Гончаренко и представители посольства Японии в Украине: атташе по культуре Тандзи Хидэюки и третий секретарь Мацудайра Сё. Руководила церемонией открытия председатель Оргкомитета конференции, руководитель Центра исследований Дальнего Востока Ю.В. Осадча.

Программа конференции включала в себя три пленарных заседания, на которых выступили заведующий кафедрой японской филологии, заместитель директора Института филологии Киевского государственного университета им. Т. Шевченко

И.П. Бондаренко («Японоведение в Украине»), заместитель директора по международным связям Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН С.Ю. Врадий («Владивостокская ветвь классической Санкт-Петербургской школы»), известный российский историк, профессор Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета А.Н. Мещеряков («Восприятие природы в японской культуре»).

Работа конференции была организована по следующим секциям: «История и политология», «Классическая литература», «Религиоведение и культурология», «Средневековая литература и литература Нового времени», «Современная литература», «Лингвистика», «Корейская филология», «Искусствоведение». Рассматривались такие проблемы современной и древней культуры Китая, Кореи и Японии, как социально-экономическое и политическое развитие этих стран на современном этапе и в исторической перспективе; модели исторического развития; проблемы типологии компаративных и диахронических исследований; теоретические и прикладные вопросы лингвистических исследований; процессы трансформации традиционных обществ и культур; философско-религиозные учения в социальном и культурном контекстах; взаимодействие традиционного и современного в литературе и искусстве.

Сам лейтмотив конференции: интерпретация культур — задавал исследовательский вектор именно в направлении развития диалога между Востоком и Западом, дающего надежду на долгосрочное сохранение многообразия существующих форм взаимодействия между нашими цивилизациями.

От ИИЯ МГПУ в конференции приняли участие заведующая кафедрой японского языка, доцент У.П. Стрижак и доцент этой же кафедры В.А. Федянина. Помимо выступлений с докладами они приняли участие в работе организационного и редакционного комитетов конференции. Перед началом конференции в Киеве вышел сборник её материалов, в котором помещены тексты докладов У.П. Стрижак и В.А. Федяниной. Последняя руководила работой секции «Средневековая литература и литература Нового времени».

Заседания секций проходили в двух зданиях, расположенных в историческом центре Киева. Это старинный особняк гуманитарного корпуса Киевского государственного университета, в котором находится Институт филологии, и здание Восточной коллекции Музея искусств им. Богдана и Варвары Ханенко. После завершения работы секций сотрудники Музея провели экскурсию для участников конференции по залам европейской и восточной коллекций, обеспечивших музею мировую славу.

При подведении итогов работы конференции была отмечена актуальность проблемы методологии интерпретации культуры как интегрального способа человеческой деятельности и как совокупности духовных ценностей, дальнейшее изучение которой в рамках многих смежных наук может обеспечить более эффективное взаимодействие представителей восточных и западных цивилизаций.

У.П. Стрижак, В.А. Федянина

Десятый конгресс Международного общества прикладной психолингвистики (ISAPL)

Международное общество прикладной психолингвистики (International Society of Applied Psycholinguistics) было создано по инициативе профессора Татьяны Слама-Казаку (Румыния), возглавившей ISAPL в качестве первого президента. Именно ей принадлежит идея провести X Конгресс ISAPL в Москве. К сожалению, вдохновитель и многолетний руководитель общества не дожидая до реализации своей идеи. Тем не менее Московский конгресс, прошедший 26–29 июня 2013 года, стал достойным продолжением дела жизни выдающегося учёного и сплотил многих её последователей. Исследователи из 26 стран представили свои доклады и сообщения на английском, русском и французском языках, которые и стали рабочими языками Конгресса.

Авторитетные эксперты из числа членов Международного рабочего комитета ISAPL, возглавляемые почетным президентом ISAPL доктором Л. Скляр-Кабрал (Бразилия), отобрали наиболее интересные материалы, отвечающие общей цели Конгресса — обеспечить дальнейшее развитие и углубление психолингвистических исследований, способствовать расширению парадигмы поиска учёных-психолингвистов за счёт укрепления междисциплинарных связей и международного научного сотрудничества, содействовать популяризации психолингвистики.

Проведение и организацию X Международного конгресса ISAPL в Москве взяли на себя Институт языкознания РАН, Российский университет дружбы народов и Московский институт лингвистики, координируемые Национальным организационным комитетом общества прикладной психолингвистики во главе с доктором филологических наук, профессором Н.В. Уфимцевой (Россия).

Программа X Конгресса, объединённая основной темой «Проблемы информационного общества и прикладная психолингвистика», включала пленарное заседание, 20 научных секций, 12 круглых столов, 5 мастер-классов и 17 стендовых докладов, в которых приняли участие около 400 участников из России, Украины, Бразилии, Италии, Испании, Португалии, Польши, Канады, Мексики, Германии, Франции, Болгарии, Малайзии, Китая, Вьетнама и других стран.

Наибольший интерес участников Конгресса вызвали:

а) доклады:

- Н.В. Уфимцевой «Ассоциативно-вербальная сеть как модель языковой картины мира и методы её анализа»,
- Е.Ф. Тарасова «Языковое сознание: онтология и гносеология»,
- А.В. Кирилиной «Новая философия языка и метод описания языка в диахронической синхронии»,
- М. Дебрэнн «Французский ассоциативный словарь — утраченные иллюзии»,
- У.М. Бахтикиреевой «Анализ литературных текстов: психолингвистический аспект»,
- Е.С. Никитиной «Психолингвистические аспекты медиации»;

б) секции:

- «Язык и познание»,
- «Психолингвистический взгляд на средства массовой информации (СМИ). Негативное воздействие массмедийной коммуникации»,
- «Билингвизм и полилингвизм»,
- «Методология психолингвистики применительно к анализу литературных текстов»,
- «Современная фоносемантика»,
- «Транснациональные/транскультурные проблемы в современном обществе»;

в) круглые столы:

- «Специфика создания гендерных репрезентаций в России на рубеже XX–XXI веков»,
- «Формирование коммуникативных пространств в информационном обществе: аргументативные и аксиологические установки»;

г) мастер-классы:

- «E-Learning 2.0: тенденции, перспективы, проблемы?»,
- «An Online Training/Learning Tool for Teachers»,
- «Literacy and its Avatars».

От Института иностранных языков МГПУ на Международном конгрессе выступили: доктор филологических наук, профессор Л.Г. Викулова и соискатель кафедры романской филологии А.А. Вяткина, с докладом «Издательские стратегии формирования коммуникативного пространства ребёнка раннего возраста в медиадискурсе», а также старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики, кандидат филологических наук С.В. Михайлова, с докладом «Женская литературная сказка XVII века как языковая и интеллектуальная игра». Оба доклада были восприняты с большим вниманием и вызвали активное обсуждение в рамках научных секций.

В целом, необходимо отметить доброжелательность, активность и научную любознательность участников Конгресса к самым разнообразным сферам

приложения психолингвистических исследований, неподдельный интерес к новым идеям. X Конгресс Общества прикладной психолингвистики (ISAPL) доказательно продемонстрировал многогранность психолингвистических трудов и разработок, нередко выходящих за пределы собственно психолингвистики и носящих полидисциплинарный характер. Широкая международная представительность Московского конгресса подчеркнула необходимость не только научной, но и географической открытости сегодняшней научной деятельности.

С.В. Михайлова

Будник Анастасия Сергеевна — учитель английского языка ГБОУ СОШ № 368 «Лосиный остров» (Москва), аспирант кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: anastasiabudnik@gmail.com

Гончарова Виктория Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ МГПУ.

E-mail: v-goncharova@yandex.ru

Иванова Юлия Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики английского языка и деловой коммуникации ИИЯ МГПУ.

E-mail: i_ye@mail.ru

Костева Виктория Михайловна — кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ, начальник отдела международных связей и координации международных программ МГПУ.

E-mail: kostevavm@rambler.ru

Костромин Алексей Борисович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического факультета Российского университета дружбы народов.

E-mail: costromin@yandex.ru

Курдюмов Владимир Анатольевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайского языка ИИЯ МГПУ.

E-mail: vk@smpt.ru

Лапина Валерия Евгеньевна — кандидат педагогических наук, ассистент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: valerialapina@yandex.ru

Лучина Елена Вячеславовна — старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ; аспирант кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: le210594@yandex.ru

Михайлова Светлана Владиславовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: jevouslis@mail.ru

Мурашова Екатерина Сергеевна — учитель английского языка ГБОУ Гимназия № 1516 (Москва), аспирант кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: solnce_luna@bk.ru

Мухина Наталья Николаевна — ассистент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ МГПУ, аспирант кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ МГПУ.

E-mail: nmukhina@mail.ru

Мюллер Кристиане Сабине — старший преподаватель кафедры немецкого языка и современных технологий обучения ИИЯ МГПУ.

E-mail: christiane_sabine@yahoo.de

Осипова Анна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации ИИЯ МГПУ.

E-mail: assya@yandex.ru

Сафроненкова Елена Леонидовна — аспирант кафедры английской филологии и лингводидактики Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: lendar84@rambler.ru

Степанова Анастасия Александровна — ассистент кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ, аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: volhana@gmail.com

Стрижак Ульяна Петровна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой японского языка ИИЯ МГПУ

E-mail: ulianastri@gmail.com

Тимашева Оксана Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: Timacheva@list.ru

Федянина Владлена Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры японского языка ИИЯ МГПУ.

E-mail: fedlada@hotmail.com

Холодова Дарья Дмитриевна — ассистент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ; аспирант кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: daryakholodova@gmail.com

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: khukhuni@mail.ru

Цветкова Анна Николаевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка факультета иностранных языков, культур и искусств Вологодского государственного педагогического университета.

E-mail: skoanna@yandex.ru

Шевченко Ирина Семёновна — доктор филологических наук, профессор, завкафедрой делового иностранного языка и перевода, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (Украина).

E-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

Шугаева Екатерина Анатольевна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: chougaeva@mail.ru

«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2014, № 1 (13)

Budnik Anastasia Sergeevna — English teacher of SBEI SCSch № 368 «Losiny Ostrov» (Moscow), postgraduate of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: anastasiabudnik@gmail.com

Goncharova Victoria Anatolievna — PhD (Pedagogy), docent, associate professor of Theory and Methods of Modern Languages Teaching department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: v-goncharova@yandex.ru

Ivanova Yulia Evgenievna — PhD (Philology), associate professor of English Phonetics and Business Communication department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: i_ye@mail.ru

Kosteva Victoria Mikhailovna — PhD (Philology), docent; associate professor of Theoretical and Applied Linguistics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; head of International Contacts and International Programme Coordination department.

E-mail: kostevavm@rambler.ru

Kostromin Alexey Borisovich — PhD (Philology), assistant professor of Foreign Languages department, Faculty of Foreign Languages, Faculty of Law, Peoples' Friendship University of Russia.

E-mail: costromin@yandex.ru.

Kurdyumov Vladimir Anatolievich — Doctor of Philology, professor, head of Chinese department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: vk@smpt.ru

Lapina Valeria Evgenievna — PhD (Pedagogy), assistant professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: valerialapina@yandex.ru

Luchina Elena Vyacheslavovna — senior assistant professor of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; postgraduate of the French Language and Linguodidactics department, Foreign Languages Institute, MCTTU.

E-mail: le210594@yandex.ru

Mikhailova Svetlana Vladislavovna — PhD (Philology), senior assistant professor of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: jevouslis@mail.ru

Murasheva Ekaterina Sergeevna — English teacher SBEI Gymnasia № 1516 (Moscow), postgraduate of the French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: solnce_luna@bk.ru

Mukhina Natalia Nikolaevna — assistant professor of Theory and Methods of Modern Languages Teaching department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; postgraduate of Theory and Methods of Modern Languages Teaching department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: nmukhina@mail.ru

Müller Christiane Sabine — senior assistant professor of German Language and Modern Educational Technologies department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: christiane_sabine@yahoo.de

Osipova Anna Alexandrovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Department of Anglistics Studies and Cross-cultural Communication. Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: assya@yandex.ru

Safronenkova Elena Leonidovna — postgraduate of English Philology and Linguodidactics department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.

E-mail: lendar84@rambler.ru

Stepanova Anastasia Alexandrovna — assistant professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU, postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: volhana@gmail.com

Strizhak Uliana Petrovna — PhD (Pedagogy), docent, head of Japanese Language Department Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: ulianastri@gmail.com

Timasheva Oksana Vladimirovna — Doctor of Philology, docent, professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: Timacheva@list.ru

Fedyanina Vladlena Anatolievna — PhD (History), docent, associate professor of Japanese Language department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: fedlada@hotmail.com

Kholodova Daria Dmitrievna — assistant professor of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; postgraduate of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: daryakholodova@gmail.com

Khukhuni Georgy Tejmurazovich — Doctor of Philology, professor, head of Language Theory and Anglistics department, Institute of linguistics and intercultural communication, Moscow Region State University.

E-mail: khukhuni@mail.ru

Tsvetkova Anna Nikolaevna — PhD (Philology), senior assistant professor of English department, Faculty of Foreign Languages, Cultures and Arts, Vologda State Pedagogical University.

E-mail: skoanna@yandex.ru

Shevchenko Irina Semyonovna — Doctor of Philology, professor, head of Business Foreign Language and Translation department, V.N. Karazin Kharkov national (Ukraine).

E-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

Shugaeva Ekaterina Anatolievna — postgraduate of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: chougueva@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам, русистике), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовков — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [З: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

7. Рукопись подаётся в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Викуловой Ларисе Георгиевне (Москва, Малый Казённый пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 1 (13), 2014

Главный редактор:
доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щетилова*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:
М.В. Чудова

Корректор:
Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:
О.В. Вострикова

Техническое редактирование и вёрстка:
О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgrpu.ru

Подписано в печать: 17.04.2014 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объём: 8,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.